

Четвертый дракон Амели

Ольга Иконникова

1. Письмо

Он был одет в красивый бархатный камзол, расшитый золотыми нитями. Запылившаяся и местами порванная одежда всё равно выглядела дорогой.

Он лежал в полуметре от блестящего нового мотоцикла, и казалось, будто две эпохи сошлись на узкой горной дороге.

— Это не я! — мотал головой симпатичный молодой человек со шлемом в руках. — Я успел затормозить! Он вышел из-за поворота, но я заметил его! Я остановился, а он вдруг упал.

Валери склонилась над мужчиной в камзоле, попробовала прощупать пульс на руке (совсем слабый, но есть!), осторожно перевернула его на спину. И поняла — мотоциклист, действительно, не при чем — из груди лежавшего на дороге мужчины торчала стрела!

— Вызовите скорую помощь, — она метнула быстрый взгляд на мотоциклиста и снова повернулась к раненому, — у меня нет с собой телефона. И полицию!

Мотоциклист послушно защелкал по кнопкам, отошел в сторону, пытаясь поймать неустойчивый в горах сигнал.

Веки раненого разомкнулись, и Валери вздрогнула, поймав на мгновение его тускнеющий взгляд. Мужчина пытался что-то сказать, и она склонилась почти к самым его губам, стараясь расслышать тихий голос.

— Сударыня, я должен передать письмо. Оно в правом кармане.

Ему было трудно говорить, и он замолк, собираясь с последними силами.

— Дело государственной важности, сударыня.

Она торопливо закивала:

— Да, да, я понимаю. Скажите кому, и я передам.

Он снова замолчал. Но уже не только потому, что язык не слушался. Он изучал ее, насколько это было возможно в его состоянии. Пытался понять, можно ли ей доверять.

Впрочем, у него всё равно не было выбора. Он умирал и знал это.

Он кивнул самому себе и выдохнул в лицо Валери:

— Письмо для ее высочества Амели Лангедокской.

Валери вздрогнула, а мужчина затих — вместе с последним слогом он испустил и дух.

Валери расстегнула верхнюю пуговку на высоком вороте блузки — стало трудно дышать. Она украдкой посмотрела на мотоциклиста — не слышал ли он, о чём они говорили. Но он был поглощен совсем другой беседой — громко пытался объяснить диспетчеру, где они находятся.

Ругая себя за бесчувственность, она полезла в карман бархатного камзола. Письмо, завернутое в тонкую шелковую ткань, отыскалось сразу. Вернее, отыскалась какая-то бумага, завернутая в ткань, а вот письмо ли это было, она выяснять не стала — страшно было представить, что незнакомый парень может обвинить ее в том, что она ограбила мертвого.

Она сунула сверток во внутренний карман ветровки. И вовремя.

Парень со шлемом уже шел в ее сторону.

— Они скоро приедут. Если, конечно, не свернут на другую дорогу.

Он взглянул на мужчину, сразу всё понял и перекрестился.

А спустя полтора часа — именно столько времени потребовалось полиции, чтобы до них добраться — Валери подробно рассказывала стражам порядка, что произошло. Точнее, она рассказывала то, что было известно ей самой.

Имя — Валери Легран. Да, жительница Эстена. Владелица небольшого кафе.

Что делала в горах? Просто гуляла. Разве они не находят, что в такую погоду очень приятно гулять по цветущим склонам? Она почти каждый выходной ходила в горы по этой дороге. Она выросла в этих местах, ей здесь известна каждая тропинка.

Нет, погибший мужчина ей не знаком. Она впервые увидела его сегодня. Понятия не имеет, что он делал в горах. И почему он так странно одет, тоже не знает. Может быть, какая-то ролевая игра? У них в Эстене такое бывает. Люди готовятся к карнавалу. Или он участвовал в съемках фильма? В их городок часто приезжают съемочные группы — тут даже исторических декораций ставить не нужно. Эстен такой аутентичный.

С парнем-мотоциклистом она тоже не знакома. Понятия не имеет, как его зовут. Она шла по тропинке метрах в двухстах от этой дороги. Услышала визг тормозов. Сразу поняла, что что-то случилось, и бросилась сюда.

Нет, погибший ничего не сказал. Да, она перевернула его — думала оказать первую помощь. Но ему уже ничего не требовалось. Конечно, они сразу позвонили в полицию.

Должно быть, мотоциклист сказал им примерно то же самое, потому что полиция отпустила их, правда, предупредив, чтобы они в течение нескольких ближайших дней не уезжали из Эстена. Она в ответ на это кивнула. А вот парень разозлился — он был не местным, и вынужденная остановка в маленьком скучном городке его не радовала.

Она не сказала им о письме. Это была не ее тайна.

Она немного успокоилась только когда добралась до дома. Задернула шторы на окнах, закрыла дверь, достала сверток из кармана.

Осторожно развернула ткань. Так и есть — письмо с красивой сургучной печатью.

Дрожащими руками взяла с комода телефон и, подслеповато щурясь, принялась отыскивать в контактах номер Амели.

2. Помолвка

Вилла была огромной и роскошной — как раз такая и требовалась для столь громкого события. Повсюду сновали журналисты, фотографы. Вышколенные официанты предлагали гостям дорогое шампанское. Играла негромкая музыка.

На мужчинах были строгие фраки, на женщинах — восхитительные платья и россыпи драгоценностей. Министры, консулы, титулованные особы и простые миллионеры. Трудно было не затеряться в этой блестящей толпе.

Амели проскользнула в пустую комнату на первом этаже и с облегченным вздохом опустила в кресло. Нет, она решительно не могла привыкнуть к таким приемам. Она чувствовала себя здесь чужой.

Неужели, для объявления помолвки непременно нужна такая помпезность? Зачем созывать на семейный в общем-то праздник сотни малознакомых людей, большинство из которых пришли на торжество вовсе не потому, что хотят пожелать жениху и невесте счастья. Нет, они притащились сюда, чтобы попасть на страницы глянцевого журнала и в телевизионные выпуски светских новостей. Чтобы потом небрежно сказать знакомым: «Да, в выходные присутствовал на помолвке графа Анри Денисова. Скучотища, конечно, но отказаться было неудобно».

Да, Анри снова граф — только теперь не французский, а русский. Обзавестись бумагами на дворянский титул оказалось не сложно. После революции, которая случилась в России много лет назад, тысячи представителей знатных родов хлынули в Европу — поди разберись, кто есть кто. Правда, документы оказались весьма дорогими. Но они того стоили — Анри хотел по-прежнему оставаться дворянином. Для укрепления легенды он даже в России побывал и вступил в тамошнее дворянское собрание. Приняли его там с распростертыми объятиями. Как же — такой известный человек!

Он на удивление быстро освоился в их мире. Признал удобство самолетов и автомобилей, легко научился пользоваться современной техникой. Он вообще оказался потрясающе практичным.

Она думала, ему будет трудно расстаться с Эстеном, но он лишь однажды посетил родовый замок и с тех пор не изъявлял желания туда вернуться.

Как она и мечтала, он стал писателем. Только решил пробовать себя в жанре не научной, а художественной литературы. «Эм, скучные научные труды никому не интересны», — заявил он ей. И бросился в омут беллетристики. Он стал писать любовно-исторические романы в стиле Дюма и быстро добился популярности.

Миллионные тиражи по всему миру, продажа прав на экранизации нескольким кинокомпаниям (в том числе одной голливудской!), участие в многочисленных ток-шоу на телевидении. Он стал медийной персоной за пару лет.

Правда, первый его роман заклевали критики — за плохое знание истории времен Людовика Четырнадцатого! Это его-то, который знал королевский двор изнутри! Ему пришлось немало времени провести в архивах, прежде чем он сумел доказать свою правоту. Зато скандал сделал его суперзвездой.

Он стал писать серьезные научные статьи и начал считаться едва ли не главным знатоком истории Франции семнадцатого века. Он выступал консультантом на съемках исторических фильмов, его часто приглашали на телевидение. Его гонорары были баснословными.

Чего нельзя сказать о ней самой. Ее успехи в живописи были куда скромнее. Несколько выставок в небольших галереях, несколько доброжелательных отзывов критиков в прессе и несколько десятков поклонников, покупавших ее картины по весьма умеренной цене.

Впрочем, она не жаловалась. Она когда-то мечтала иметь домик на Лазурном берегу с видом на море. И вот она здесь, в Ницце. Разве могла дочь непутевой Жаклин Бушар рассчитывать на что-то большее?

Нужно бы съездить в Эстен, повидаться с мамой. Она не была там уже несколько лет. У

Доминики уже второй ребенок родился, а тетушка Амели не была знакома даже с первым.

Об Анагории она старалась не вспоминать. Шкатулку подарила матери. Рубины продала, чтобы купить документы Анри. Бриллианты — чтобы помочь старшим братьям и сестрам. И только изумруды оставила себе.

Дверь в комнату приоткрылась, и Амели увидела Сьюзен Данкли — американскую журналистку, с которой познакомилась прошлым летом.

— Эм, ты тоже устала от толпы? Не понимаю, как людям могут нравиться такие приемы? Снобизм зашкаливает, — мисс Данкли присела в соседнее кресло, достала из кармана светлых брюк пачку сигарет, но закурить не решилась.

Амели не стала говорить ни «да», ни «нет». Да Сьюзен это и не требовалось.

— Ты сменила цвет волос? — полюбопытствовала та и одобрила: — Правильно! Быть блондинкой сейчас не модно. Слушай, Эм, не замолвишь по дружбе словечко перед графом? Никак не могу договориться с ним об интервью. Конечно, я понимаю, — сегодня ему не до этого. Но, может быть, завтра? Всего несколько вопросов об экранизации его произведения на диснеевской студии.

Амели кивнула и поднялась. Ей не хотелось думать о делах. Увидела свое отражение в огромном зеркале. Нежно-зеленое платье хорошо сочеталось со все еще непривычными рыжими волосами.

А вот мисс Данкли смотрела не на платье.

— Восхитительные изумруды. Самый роскошный гарнитур, какой я когда-либо видела. Даже на «Оскаре» не встречала ничего подобного.

За сегодняшний вечер уже несколько женщин и даже двое мужчин интересовались ее ожерельем и серьгами. Она дежурно поблагодарила за комплимент и отправилась в парадный зал, где хозяин дома вот-вот должен был произнести речь, ради которой и затеяно было это мероприятие.

На небольшой сцене, украшенной цветами и воздушными шарами, стоял министр иностранных дел Франции Этьен Ришар. Он взмахнул рукой, и музыканты перестали играть, а гости затихли, приготовившись слушать.

— Уважаемые дамы и господа! — голос месье Ришара срывался от волнения. — Позвольте поблагодарить вас за то, что вы откликнулись на наше приглашение и пришли разделить с нами эту радость. Сегодня знаменательный день для нашей семьи. День, о котором может только мечтать каждый любящий отец. Дамы и господа, я счастлив объявить о помолвке моей дочери Дениз Ришар и его сиятельства графа Анри Денисова.

Под бурные аплодисменты на сцену поднялись Анри и невысокая темноволосая девушка в светло-розовом платье. Еще один взмах руки месье Ришара, и музыканты снова взялись за инструменты.

Анри опустился на колени и надел кольцо на палец невесты. Со всех сторон защелкали фотоаппараты. Утренние газеты преподнесут это как главную светскую новость весны.

Амели терпеливо дождалась окончания речи месье Ришара, заключившего дочь и будущего зятя в объятия, и вышла из зала.

3. Дворяжка

— Эм, я рад, что ты пришла, — Анри коснулся губами ее руки.

Праздник переместился на улицу, и Амели дрожала — от вечерней свежести или от волнения — она и сама не могла разобрать.

— Поздравляю, — она попыталась улыбнуться. — Дениз очень красива. Желаю вам счастья.

— Да, красива, — согласился Анри. — Но я надеюсь, моя женитьба не помешает нам с тобой остаться друзьями. Если бы не ты...

— Конечно, — заверила она. — Нас слишком многое объединяет.

Она подумала об Анагории, а он, судя по всему, о фальшивых документах на графский титул.

— Эм, да ты вся дрожишь! — спохватился он. — Давай я принесу тебе что-нибудь теплое. У Дениз полно меховых накидок.

Она покачала головой.

— Спасибо, не нужно. Я уже собираюсь уезжать. Передавай мои поздравления невесте.

Только забравшись в такси, она расплакалась.

— Праздник не удался? — понимающе спросил водитель. — Бывает. Выпейте хорошего вина.

Она шмыгнула носом, и хотя пить в одиночку было не самой хорошей идеей, сказала:

— Спасибо. Именно так и поступлю.

Они заехали в супермаркет, и она купила и шампанского, и красного вина, и немного сыра.

Как ни странно, но в окнах ее дома горел свет. И не успела она переступить порог, как услышала голос матери:

— Только не говори, что ты была на его помолвке!

Жаклин сидела на диване с бокалом в руках. Надо же, значит, мать не забыла. Значит, приехала из Эстена ее поддержать. Еще и вино привезла (и судя по этикетке, не дешевое).

Амели была тронута, но всё же огрызнулась:

— А почему бы и нет?

Мать залпом допила содержимое бокала и налила еще.

— Надеюсь, ты устроила там скандал? Нет? Ха-ха! Расскажи еще, что веришь в дружбу между мужчиной и женщиной. Эм, извини, но иногда мне кажется, что ты вовсе не моя дочь.

Амели сбросила туфли на шпильках, принесла с кухни второй бокал.

— А чего ты от меня ждала? По-твоему, я должна была перед телекамерами отгаскать Дениз за волосы? Или залепить пощечину Анри?

Она по-настоящему разозлилась только сейчас. Вспомнила поцелуй жениха и невесты — такой трогательный, почти невинный — и разозлилась. Неосторожно взмахнула рукой, и висевший на противоположной стене пейзаж рухнул на пол, сорванный потоком ее энергии.

— Детка, ты поосторожней со своими ведьминскими штучками, — мать покачала

головой, но тут же хихикнула. — Хотя если бы ты уронила люстру на приеме, я бы тебя не осудила.

Нет, на люстру ее энергии бы не хватило. Вдали от Эстена она теряла значительную часть своих сил.

— А когда мы с Анри вернулись в Эстен из Анагории, разве не ты говорила мне, что у нас с ним ничего не получится? Что я всегда буду для него беспородной дворяжкой.

Жаклин хмыкнула:

— Ты и сама это знала. Разве не так?

Да, она знала. Увидела это в его глазах в тот день, когда он впервые оказался в их доме в Эстене. В старом скромном домишке, в котором его сиятельство, наверно, постеснялся бы поселить и своего лакея.

Да, она оказалась не принцессой и не графиней. И хотя он заверил ее, что это не имеет никакого значения, она понимала, что имеет. Не случайно сейчас он женился на девушке, в чьих жилах текла дворянская кровь.

Но препятствием к их браку с Анри стало вовсе не ее неблагородное происхождение.

4. Трудно быть ведьмой

Первый раз они не осознали, что это — проблема. Тогда, вернувшись из Анагории, они провели в Эстене несколько дней. И за все эти дни у них не было и получаса, когда они смогли бы остаться наедине. Жаклин, Доминик, старшие братья всё время сновали где-то поблизости. Они и спали в разных комнатах: Анри — в отдельной, Амели — с сестрой.

Они сбежали в горы, чтобы насладиться друг другом. Чтобы перейти от поцелуев к чему-то более важному. Они шли по тропинке и признавались друг другу в любви. Она честно рассказала, что первый опыт у нее уже был. Он отнесся к этому философски и в ответ признался, что у него женщин было много — от горничных до принцесс. Впрочем, она об этом догадывалась и раньше.

Они расположились на горной поляне, повсюду были цветы, и так громко и красиво пели птицы. Избавились от одежды за несколько секунд, слились в долгом сладком поцелуе.

А потом Анри почувствовал себя плохо. Вдруг закружилась голова, стало трудно дышать. Амели помогла ему одеться, оделась сама. Они связали этот приступ с тем, что, стремясь уединиться, забрались слишком высоко в горы, где воздух был совсем другим, чем в низине.

Но история повторилась — уже в Париже, куда они приехали, чтобы продать драгоценности. Они сняли уютный номер в гостинице, приняли душ и забрались в кровать. И снова — приступ удушья у Анри. Они опять нашли этому объяснение. Он просто переволновался, впервые оказавшись в огромном современном городе. Тем более, что этот город он когда-то знал совсем другим.

Когда это случилось в третий раз — и опять при схожих обстоятельствах — Анри признал очевидное: «Похоже, Амели, ведьма не может быть женой обычного человека».

Она заплакала, но не оставила попыток сближения. И едва не ухайдакала любимого человека. Решение остановиться они приняли после того, как из-за очередного приступа им пришлось вызвать «скорую помощь». Анри даже одеться не сумел до прихода врача — так и лежал на кровати, до подбородка прикрытый одеялом, — бледный, весь в поту.

После этого они еще два года снимали одну квартиру на двоих. Вместе завтракали и ужинали, но личная жизнь у каждого уже была своя. Вернее, у Анри она была — и довольно бурная. А у Амели была живопись.

Амели еще помогала ему разобраться с их техническими достижениями, учила его современному языку, но с каждым днем он нуждался в этом всё меньше и меньше. Он не отказался, когда она предложила ему купить фальшивый паспорт и липовые документы на титул графа. Вот ведь как бывает — документы липовые, а титул настоящий. Они потратили тогда на это почти все, что выручили за рубиновый гарнитур.

Впрочем, деньги Анри ей вернул — как только его гонорары стали исчисляться суммами с шестью нулями. И подарил роскошный «порше» — просто так, по-дружески.

Так что в их расставании не были виноваты ни она, ни он. Просто так получилось, что она оказалась ведьмой. Вернее, стала ведьмой в Анагории.

Она пробовала завести отношения и с другими мужчинами — сначала с художником, с которым они вместе учились на курсе в академии искусств, потом — с известным спортсменом. Всё происходило по тому же сценарию, что и с Анри. За исключением того, что, в отличие от Анри, они во всем винили себя. Они не знали о том, что она — ведьма.

Жалела ли она о том, что всё-таки согласилась тогда отправиться в Анагорию? Иногда — да. Ведь она могла жить обычной жизнью, не запустив в действие свои магические способности. Вышла бы замуж, нарожала детишек. Но всякий раз, когда она начинала заниматься самодством, она вспоминала, что ее путешествие вовсе не было бесполезным, и надеялась, что хотя бы Жюли и Вирджиния нашли свое семейное счастье.

5. Звонок Валери

— Эм, ты можешь сейчас разговаривать? — звонок Валери застал ее уже в кровати. — Я целый день пыталась до тебя дозвониться. Только потом вспомнила, что сегодня — помолвка его сиятельства.

После нескольких бокалов вина Амели хотелось спать и совсем не хотелось говорить об Анри.

— Ты разбудила меня, чтобы спросить о помолвке?

Судя по голосу, мадемуазель Легран сразу почувствовала себя виноватой:

— Нет, Эм, конечно, нет. Извини. Я не стала бы беспокоить тебя ночью, но...

Амели зевнула.

— Нет-нет, Вэл, всё в порядке. Это ты меня извини. Что случилось?

— Если ты сегодня не смотрела новости, то зайди в интернет и найди сюжет об убийстве в Эстене — его показывали даже по центральным каналам.

— Убийство? — сна как не бывало. — Кого убили, Вэл?

Но мадемуазель Легран не стала ничего объяснять.

— Посмотри новости, Эм! Я перезвоню через полчаса.

Она включила компьютер, вышла в интернет. Поисковик на запрос сразу же выдал ссылки на видео с нескольких каналов. Она успела посмотреть пять сюжетов, когда телефон снова зазвонил.

— Я ничего не поняла, Вэл! Кто этот мужчина? У вас там снимается кино?

— В том-то и дело, что нет! У журналистов две основные версии — съемки фильма или ролевая игра. Но ни та, ни другая не правильные. Это не маскарад, Эм! Это человек из Анагории!

Амели поднесла телефон поближе к уху.

— Из Анагории? С чего ты взяла? Документов при нем не обнаружено. А в новостях говорилось, что он не успел сказать ни слова ни тебе, ни мотоциклисту, который его обнаружил.

Валери перешла на шепот:

— В том-то и дело, Эм, — он успел кое-что сказать. И не только сказать. Он передал мне письмо для тебя.

— Письмо? — Амели, наоборот, голос повысила. — Для меня?

— Он сказал, что должен был доставить письмо ее высочеству герцогине Лангедокской. Ты знаешь здесь других таких герцогинь?

Амели затрясла головой. Ей показалось, мадемуазель Легран сошла с ума. За пять прошедших лет ее путешествие в Анагорию стало забываться. Всё случившееся с ними теперь было больше похоже на сон.

— И что в письме?

Валери пришла в ужас от ее вопроса:

— Ты что, думаешь, я могла прочитать чужое письмо???

Моральная сторона дела Амели не сильно волновала, но успокоить подругу требовалось.

— Нет, Вэл, конечно, нет. Я просто подумала, что тот мужчина мог сказать тебе об этом

сам.

Мадемуазель Легран всхлипнула:

— Ах, Эм, он успел произнести всего несколько фраз. Но, наверно, речь идет о деле государственной важности, если они решились отправить курьера с письмом. И если кто-то сильно хотел, чтобы курьер не добрался до адресата.

Амели набросила на плечи кружевной пеньюар, тихонько, стараясь не разбудить мать, прошмыгнула на кухню. Эта история требовала дополнительной порции спиртного.

— Прочитай мне письмо! — потребовала она, вылив в бокал остатки вина из бутылки.

— Прочитать? — изумилась мадемуазель Легран. — Но он просил передать тебе письмо лично в руки. Возможно, там информация, которую нельзя разглашать. И тем более, зачитывать по телефону.

Нет, кажется, придется открыть еще одну бутылку.

— Читай! — повторила она. — Ты и так знаешь об Анагории слишком много. Впрочем, если хочешь, можешь привезти письмо сюда — устроишь себе маленький отпуск. Погода восхитительная. Туристы уже всюю загорают на пляже. Правда, в море еще не ползут.

Похоже, Валери растерялась, потому что ответила не сразу:

— Приехать в Ниццу? Но я думала, что ты сама приедешь в Эстен.

— С какой стати? Даже если в Анагории обнаружился еще какой-нибудь неженатый дракон, то я знать об этом не хочу.

— Но я не могу приехать в Ниццу, — пролепетала мадемуазель Легран. — Я не могу уезжать из Эстена, пока не состоится предварительное слушание.

Амели вздохнула:

— Хорошо. Мы с мамой приедем завтра — после обеда. Не забудь испечь свои сырные пирожные — ты же знаешь, как я их люблю.

Мадемуазель Легран тоже вздохнула — с облегчением.

6. Слушание

Валери достала из печи очередную порцию ванильных булочек, накрыла их бумажным полотенцем и поспешила в торговый зал, где за старшую была оставлена робкая и еще неопытная Лиззи Терьен. На прошлой неделе та вместо коричневого печенья упаковала постоянному покупателю лимонное, и Валери потом целый час выслушивала его негодование по телефону. А вчера маленькая мадемуазель Терьен забыла меренги в печи, и их пришлось отскребать от противня.

К своему кафе Валери относилась с трепетом и восторгом. Она до сих пор еще не привыкла к тому, что стала его хозяйкой. Мадам Арно так обрадовалась возвращению племянницы из Анагории, что тут же оформила дарственную — ее родные дети никогда не воспринимали кулинарию всерьез и возвращаться в Эстен не собирались. А Валери всегда была рядом.

Конечно, тетушка всё еще любила вести себя в кафе по-хозяйски, но здоровье уже не позволяло ей появляться здесь так часто, как ей бы хотелось.

Быть владелицей популярного в Эстене заведения было не только приятно, но и ответственно. Любой негативный отзыв, высказанный лично или в социальных сетях, больно ранил ее. Хорошо, что таких отзывов было немного.

К прилавку она успела как раз вовремя — Лиззи едва не предложила фруктовые пирожные мадам Шанталь, у которой была аллергия на клубнику. Мадемуазель Терьен была отправлена на кухню, и Валери сама взялась за обслуживание покупателей.

— Что вы желаете попробовать? — обратилась она к молодому человеку, внимательно разглядывавшему витрину со сладостями.

Он обернулся, и его лицо показалось Валери смутно знакомым.

— О, я даже не знаю, — растерянно протянул он. — Здесь всё выглядит таким аппетитным.

Она покраснела от похвалы — будто он похвалил не торты и конфеты, а ее саму. Впрочем, так ведь оно и было.

— Пожалуй, я возьму меренги, — наконец, определился он.

Валери с удовольствием положила в пакет несколько воздушных, почти невесомых безе.

— Отличный выбор, месье! — похвалила она.

— Спасибо, мадемуазель, — откликнулся он и вдруг добавил: — Насколько я понимаю, вы тоже будете на сегодняшнем слушании?

Она вздрогнула и только тут сообразила, где она его видела. Именно там, на горной дороге, где они нашли раненого курьера.

— Простите, я вас не узнала.

Он улыбнулся:

— Ничего удивительного. Вы тогда были так напуганы. Простите, что напомнил вам о происшествии.

Она протянула ему перевязанный ленточкой пакет.

— Мне все равно пришлось бы это вспомнить на заседании. Значит, вы до сих пор в Эстене. Вам так и не разрешили уехать? Надеюсь, вам понравилась наша деревушка?

Он галантно поклонился:

— Она прелестна! Но мне кажется, я изучил здесь уже каждый булыжник на дороге.

Второй раз за этот день они встретились уже в прокуратуре.

Сначала выступил полицейский, первым прибывший в горы по вызову. Его слова не вызвали у Валери ни малейшего интереса. Всё то, что он говорил, она знала и сама. А вот речь своего нового знакомого она слушала очень внимательно.

Фернан Маршан (она постаралась запомнить имя). Северянин, журналист. Любит путешествовать по Франции на своем мотоцикле — каждый отпуск старается открыть для себя что-то новое.

По его словам выходило, что мужчина со стрелой вышел на дорогу из-за поворота. Он едва успел затормозить. Стрелу он не заметил. Как не обратил внимания и на странную одежду погибшего. Ничего более по этому делу сказать он не смог.

Валери тоже только повторила то, что рассказывала и ранее. Да, одежда показалась ей необычной, но в Эстене и не такое можно увидеть — например, на карнавале. Да, она сразу же подумала о съемках фильма.

Потом был заслушан эксперт, с пеной у рта доказывавший, что одежда на незнакомце из очень дорогой ткани и вышивка сделана золотыми нитями. А стрела — так и вовсе уникальная, такую в магазине не купишь. Нет, ни о какой стилизации и речи быть не может. Возможно, все эти предметы взяты из музея.

Сказано было также, что в окрестностях Эстена никаких съемок фильмов в это время не проводилось.

Прокурор, как и следовало ожидать, принял решение о возбуждении уголовного преследования. Свидетелей предупредили, что им, возможно, придется выступить во время судебного разбирательства — если конечно (в чём Валери сомневалась) виновный или виновные будут найдены.

Первым человеком, которого Валери увидела, выйдя на улицу, была Амели.

— Ох, Эм! — она бросилась подруге на шею. — Как я рада, что ты приехала!

Та обняла ее в ответ, но неотрывно смотрела при этом на что-то, находившееся за ее спиной. Валери оглянулась — на крыльце стоял Фернан Маршан.

7. Весть из Анагории

— Вы знакомы? — шепотом спросила Валери.

Амели тряхнула головой:

— Нет. Не думаю. Просто показалось. Как всё прошло? Есть подозреваемые? Я на машине. Давай подброшу тебя до кафе.

В автомобиле Валери, наконец, позволила себе расслабиться.

— Подозреваемых нет. Но это даже хорошо. Если бы полиция повесила это дело на ни в чем не повинного человека, даже не знаю, что я стала бы делать. Мы же знаем, что виновные вовсе не здесь.

— Ты думаешь? — засомневалась Амели. — Но если в него выстрелили еще в Анагории, то как он, раненый, смог пройти через зеркала и выйти из пещеры? От зеркального зала до горной дороги — не маленький путь.

— Наверно, рана не показалась ему серьезной, — предположила Валери. — Он умер от потери крови. Ах, Эм, не пугай меня — если ты думаешь, что кто-то покушался на него уже в нашем мире, то это еще страшней. Нет, если бы этот кто-то был здесь, то он увидел бы, что мужчина передал мне письмо, и попытался бы отобрать его у меня.

Машина остановилась на заднем дворе кафе.

— Ты держишь письмо у себя в комнате?

— Нет, в кабинете, в сейфе. Но, может быть, ты хочешь сначала выпить чаю? Сколько часов ты была в дороге?

Но от чая она отказалась. Они прошли в кабинет, и Валери закрыла дверь на ключ изнутри.

Письмо было по-прежнему завернуто в ткань. Амели протянула руку, но тут же отдернула ее, заметив на шелке кровь.

Кровь была и на самой бумаге. Амели сломала сургучную печать, осторожно развернула лист.

«Ваше Высочество! Анагория в опасности! Просим Вас прибыть в зеркальный зал так быстро, как только сможете!» — гласило послание.

— Оно подписано герцогом де Тюренном. Но почему не королем и не Вирджинией? И почему они не написали подробнее?

Мадемуазель Легран тоже заглянула в письмо.

— Возможно, его величеству по статусу не полагается подписывать такие бумаги. А подробнее не стали писать потому, что боялись, что послание попадет в руки врагов. Ох, Эм, даже не знаю, что сказать.

Амели сидела на стуле — бледная и застывшая как статуя.

— Не понимаю, Вэл, чем я могу им помочь? Возможно, гонец должен был лично рассказать мне об этом.

Валери кивнула — да, наверно, так оно и было.

— Скажи, Вэл, а торговцы из Анагории по-прежнему бывают в Эстене? Может быть, нам стоит расспросить их?

Но мадемуазель Легран покачала головой:

— Нет, их давно уже не было. Это вполне объяснимо. Анагория получила назад свою территорию на равнине. Они вышли из пещер и наладили торговлю с соседями.

Необходимость покупать что-то в нашем мире отпала. Ах, Эм, неужели ты всерьез думаешь снова туда отправиться?

Она затруднилась с ответом. Свой долг по отношению к Анагории она выполнила еще во время прошлого путешествия. Она готова была выйти замуж за короля-дракона, но этого, к ее радости, не потребовалось. Им нужны ее магические способности? Но по сравнению с анагорийскими магами она — лишь неумелый дилетант. Если они не могут справиться с опасностью, то вряд ли ее приезд сильно улучшит ситуацию.

С другой стороны, как всякий человек, почувствовавший вкус необыкновенных приключений, она подсознательно хотела ощутить его снова. Учеба в академии живописи, выставки, в которых она участвовала, и даже домик на побережье моря не могли вызвать и малой части тех эмоций, которые она испытала в Анагории.

8. Назад, в Анагорию!

В Эстене даже овощи были другими. Помидоры пахли настоящими помидорами, а петрушка — петрушкой. В больших городах такого не найдешь — там все пропитывается запахами машин и заводов. Амели купила у зеленщика и фруктов для племянников — крупных ароматных персиков и нежных слив.

Она вышла из лавки и услышала сбоку:

— Привет, Амели!

Конечно — Фернан Маршан собственной персоной! Тот, с кем она связалась по молодости и глупости.

Она поставила тяжелый пакет на булыжную мостовую.

— О, ты даже помнишь, как меня зовут!

Он хмыкнул:

— Ты произвела на меня неизгладимое впечатление!

На этот раз он был без мотоцикла. Оно и понятно — эта улица была пешеходной.

— Что-то ты долго ждал, чтобы мне об этом рассказать, — она снова подхватила пакет, но Фернан решительно забрал его из ее рук.

— Вообще-то я собирался сказать тебе об этом на следующее же утро, но — вот ведь незадача! — тебя не оказалось в Эстене. Не поверишь, но я не поленился и нашел твой дом, но тебя там не было. Ты исчезла, растворилась.

Улочка была узкой, и они шли, едва не касаясь друг друга плечами. Фернан вдруг выступил вперед, загородил дорогу.

— Ничего не хочешь объяснить?

Она фыркнула. С какой стати? Кто он такой, чтобы она перед ним отчитывалась? Тем более, если бы она сказала правду, он всё равно бы не поверил.

— Потребовалось срочно уехать в Париж, — она старалась говорить как можно равнодушнее. — Между прочим, мы ничего друг другу не обещали.

Он кивнул. Оставшуюся часть пути до дома Амели они проделали в полном молчании. На крыльце она поблагодарила его за помощь. Кофе не предложила. Да он и не напрашивался.

Как ни странно, но против идеи дочери снова отправиться в Анагорию Жаклин не выступила. Напротив, сказала задумчиво:

— А может, так оно и надо? От судьбы не уйдешь, детка. Там ты герцогиня, сестра короля. Там тебе не нужно прятать свои способности и бояться, что где-то они вдруг вырвутся наружу. Там ты выйдешь замуж за достойного человека.

На последнем предложении Амели хихикнула. А что? В ее случае это весомый аргумент.

— Я буду по тебе скучать, детка, — Жаклин ткнулась носом в непривычно рыжие волосы дочери. — Но надеюсь, что оказавшись там, в Анагории, ты не забудешь про нас? Насколько я понимаю, оттуда в Эстен всё-таки можно отправлять письма. Ведь получила же ты письмо сейчас. И совсем не обязательно доставлять его до дома. Курьер может оставлять его прямо в пещере. Как там вы ее называете? Зеркальный зал? А Валери будет раз в месяц ходить туда и приносить нам твои послания. Или она может показать дорогу твоим братьям — уверена, они не откажутся иногда прогуляться в горы. Это же не будет раскрытием вашей тайны? Они всё равно не смогут воспользоваться зеркалами, не зная текста заклинания.

То, что говорила мать, было весьма разумно. И Амели охотно пообещала, что

постарается отправлять корреспонденцию регулярно.

9. Зеркальная пещера

В горы они с Валери отправились на следующее же утро. Отправились вдвоем, хотя Жаклин и предлагала взять с собой кого-нибудь из братьев Амели — чтобы те запомнили дорогу. Но мадемуазель Легран тихо, но твердо сказала, что будет доставлять письма сама.

Вышли на рассвете. Было прохладно, и Амели укуталась в теплую шаль. Она чувствовала себя бывалой путешественницей. Она уже знала, какое платье следует надеть, какая обувь будет подходящей. Не забыла и про изумруды — положила их в мешочек, который привязала к поясу.

Она почти не волновалась. Да, в Анагории что-то случилось, но если бы положение было совсем отчаянным, они бы, не получив от нее ответа, отправили второго гонца. Значит, они сами смогли справиться с опасностью. О том, что со вторым гонцом могло случиться то же, что и с первым, она предпочитала не думать.

Когда они дошли до входа в пещеру, подол красивого длинного платья Амели (того самого, с помолвки графа) уже изрядно запыхлелся. Внутри горы было совсем холодно, и Валери посетовала, что не захватила теплую куртку. Впрочем, шли они быстро. Даже завтракали на ходу.

Они не говорили об опасности, но стоило под сводами пещеры прошмыгнуть летучей мышью, как дружно охнули и схватились за руки. А потом еще фонарь погас, и прошло несколько минут, прежде чем они поменяли в нем батарейки.

А когда откуда-то сзади донесся странный звук, Амели и вовсе вжалась в стену.

— Тебе не кажется, что за нами кто-то идет? — прошептала она.

Валери ответила тоже шепотом:

— Надеюсь, что нет. Если только кто-то из твоих неугомонных братьев. Никто больше не знал, что ты отправляешься в Анагорию. Я даже тетушке об этом не сказала — в последнее время она стала слишком болтлива. Она даже туристам рассказывает о волшебных зеркалах в пещере. И о драконах. Хорошо, что ей никто не верит.

Через полчаса они были в зеркальной пещере. Обнялись. Валери сказала несколько напутственных слов. Амели ее поблагодарила.

Она подошла к нужному зеркалу, сосредоточилась. Текст заклинания она помнила хорошо. Но произнести его не успела.

Темноту пещеры разрезал свет от еще одного фонаря.

— Кто здесь? — взвизгнула мадемуазель Легран.

Она развернула свой фонарь в сторону входа в пещеру. Знакомая фигура выступила из темноты.

— Простите, если вас напугал, — сказал Фернан Маршан и снял с плеч рюкзак.

Несколько минут они молчали — приходили в себя. Снова рядом пролетела мышь, но девушки даже не вздрогнули — смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

— Как вы здесь оказались? — мадемуазель Легран первой пришла в себя. — Хотя это глупый вопрос! Вы шли за нами? Зачем?

Амели кусала губы.

— Не буду вам врать, мадемуазель Легран, — Фернан поставил рюкзак на камень, тыльной стороной ладони вытер пот со лба, — что оказался здесь случайно. Я действительно шел за вами. Вы так быстро бежали, что я едва поспевал.

— Ты не слышал вопрос? — рассердилась Амели. — Тебя спросили «зачем»?

Маршан пожал плечами.

— Если бы я знал! Вы разговаривали вчера в кафе за столиком, и я случайно услышал, что вы с утра собираетесь в горы. Не подслушивал, честно! Просто услышал. В кафе было много народу, услышать мог каждый. Вы были так поглощены беседой, что не обращали ни на кого внимания. Вот и подумал — а почему бы тоже не прогуляться? На мотоцикле я за эти дни изъездил всю округу, а вот в пещерах еще не бывал.

Да, действительно, накануне вечером в кафе они долго разговаривали о походе в горы. И почти не таились — об Анагории они даже не упоминали. Обычная прогулка, не более того.

Валери поморщилась:

— Вы могли бы спросить, не возражаем ли мы против вашего общества? Именно так поступил бы джентльмен.

Он хохотнул:

— Простите, что разочаровал. Не поверите, но первая мысль была именно такая — спросить у вас разрешения разделить прогулку вместе с вами. Но потом я подумал, что если вы откажете, то мне придется с этим согласиться. А мне бы этого не хотелось.

Даже при свете фонаря было видно, как побледнела Валери.

— Месье Маршан, это вопиющая наглость с вашей стороны! И я требую, чтобы вы немедленно вернулись в Эстен!

Амели по-прежнему молчала. Она не знала, как выкрутиться из этой ситуации. Судя по всему, им придется вернуться в Эстен всем вместе и отложить путешествие в Анагорию на несколько дней — до тех пор, пока назойливый мотоциклист не уедет.

— Мадемуазель Легран, вы слишком жестоки! Без вас я не найду дорогу назад. Вы хотите обречь меня на голодную смерть в пещере? К тому же, я не решаюсь оставить вас здесь. Разве вы забыли, что недавно в горах убили человека? В такой ситуации двум молодым девушкам не слишком разумно гулять одним.

От отчаяния у Валери появились слёзы на глазах.

— О, прошу вас, не плачьте! — Фернан достал из кармана носовой платок, но мадемуазель Легран гордо от него отказалась. — Я сожалею, что потревожил вас, но совершенно не понимаю, почему вам так неприятно мое общество. У меня только одно объяснение — в этих пещерах спрятан клад, и вы пытаетесь его найти.

Амели не удержалась — хихикнула. Фернан сразу же увидел в ней союзника.

— Амели, послушай, я вовсе не претендую на вашу тайну. Но я не могу оставить вас здесь одних. Если хотите, я могу подождать вас в коридоре, по которому мы сюда пришли.

Он скользнул лучом фонаря по стене пещеры и вдруг застыл. Он увидел зеркала!

— Что это???

Подошел, коснулся ладонью гладкой поверхности.

— Это зеркало? Но откуда оно здесь? Нет, не может быть!

Он смотрел уже не на зеркала, а на девушек.

— Чего «не может быть»? — холодно осведомилась Валери.

— Не может быть, чтобы старуха говорила правду!

— Какая старуха? — уточнила Амели.

Но она и сама уже знала ответ. Мадам Арно! Тетушка Валери давно уже не способна

была хранить тайны. Она с удовольствием рассказывала о зеркальной пещере любому туристу, который готов был ее слушать.

— Она говорила об огромных зеркалах! А я считал, что это — что-то вроде местной легенды. Но, подождите, если зеркальная пещера существует, то как быть с драконами?

Валери застонала — тетушка проболталась и об Анагории! Нет, ее решительно нельзя выпускать из дома.

— Какие драконы? — возмутилась Амели. — Фернан, ты сошел с ума?

А он уже перевел луч фонаря на ее длинное платье.

— Ты всегда ходишь в горы в таком виде? Мне кажется, это не совсем удобно. Куртка и брюки куда практичнее.

— Хватит! — она рявкнула и схватила Валери за руку. — Я замерзла, и мы идем домой. Кажется, ты хотел сопровождать нас?

Но он не двинулся с места.

— Нет, подождите! Это уже интересно! Старая мадам уверяла, что зеркала позволяют переместиться в прошлое.

— Чушь! — топнула ножкой Валери. — Месье Маршан, надеюсь, вы достаточно разумный человек, чтобы понимать, что это — невозможно.

Он кивнул:

— Да, сначала я так и подумал — мадам не в себе. У старых женщин такое бывает. Но сейчас понимаю — она могла говорить правду! Что мы имеем? Пещеру с зеркалами — раз! Двух молодых девушек, которые, по словам мадам, несколько лет назад и совершили путешествие в прошлое.

Мадемуазель Легран стало дурно. Интересно, что еще наговорила тетушка?

— Кстати, мадемуазель, которая из вас племянница мадам? О, значит, у тебя, Амели, знак дракона?

Валери готова была разрыдаться.

— Я запру ее в сумасшедший дом! — заявила она, хоть и знала, что никогда так не поступит.

— Справедливости ради нужно признать, что о драконах рассказала мне не только мадам, — ухмыльнулся Фернан. — За эту неделю в Эстене я чего только не наслушался! У вас любят говорить о драконах! Насколько я понимаю, драконы — местная достопримечательность?

— Ага, — съязвила Амели, — достопримечательность, которую никто не видел.

Но Фернан засомневался:

— Мадам сказала, что как раз вы его видели. Звучит фантастически, согласен.

Мадемуазель Легран тихо спросила:

— Неужели, вам хочется говорить об этих глупостях? Пошутили и хватит!

Но Маршан был не готов так просто отступить.

— Вы, кажется, забыли, что я — журналист? Из всего этого может получиться отличная статья. Народ любит такие сенсации. Даже если в итоге они оказываются ложью.

— И как ты назовешь свою статью? — полюбопытствовала Амели. — «Сказки мадам Арно»? Что у тебя есть, кроме ее слов?

— Как минимум, зеркальный зал, — напомнил он. — Думаю, экскурсии сюда будут пользоваться большой популярностью у туристов. Правда, это помешает использовать его по другому назначению.

Он пристально посмотрел на девушек, но поскольку они промолчали, продолжил:

— Но это еще не всё! Есть еще мужчина в старинном камзоле с раритетной стрелой. Конечно, полиция вряд ли посчитает мои слова убедительными, но газеты, уверен, с радостью ухватятся за такой материал. Бешеная слава, мадемуазель, вам обеспечена.

Валери задрожала. Амели тоже было не по себе. Конечно, он — просто трепло. По отдельности эти факты не имели никакого значения. Но вот вместе! Наверняка, большинство читателей сочтут эту теорию слишком фантастической, но найдутся и такие, кто поверит в нее. Ей было страшно представить, что в эту пещеру будут водить туристов.

— Что ты хочешь, Фернан?

Вопрос был задан в лоб и требовал такого же конкретного ответа.

Маршан ответил быстро:

— Я хочу хоть раз пройти через зеркало вместе с вами. Мадам сказала, что для этого нужно знать заклинание, текст которого держится в большом секрете. Но насколько я понимаю, достаточно того, что заклинание знаете вы. Я на него не претендую. Я пройду вместе с вами — так сказать, прицепным вагоном. Я только посмотрю, как это происходит. Погуляю немножко в прошлом, проникнусь новыми ощущениями. Я всегда мечтал о таком приключении! А потом — честное слово! — постараюсь обо всем забыть. И обещаю сохранить эту тайну!

— Нет! — выкрикнула Валери. — Месье, вы сумасшедший! Мы вообще не понимаем, о чём вы говорите!

Она потянула Амели к выходу из пещеры.

— Подождите! — остановил их Фернан. — Я же выложил на стол еще не все козыри. Мадам оказалась просто кладезем ценной информации. Она сказала, что в прошлое отправились два человека, а вернулись оттуда три!

Амели почувствовала, как внутри нее закипает ярость. Нет, нужно сдержаться!

— Как вы считаете, мадемуазель, заинтересуются ли газеты, если им сообщить, что у известного писателя Анри Денисова нет прошлого? Уверен, журналисты с радостью устремятся выяснять, откуда он появился. Наверняка, они узнают много любопытного. Мадам сказала, что русский он только по фамилии. Не правда ли, интересно? Каким образом он стал графом? И чем занимался до того, как начал писать свои романы?

Требовалось принять какое-то решение. Нельзя было позволить ему выйти из пещеры и рассказать о том, что он узнал.

Она процедила сквозь зубы:

— Есть и другие способы заставить шантажиста замолчать. Ты не боишься этого?

Валери затряслась. Наверно, подумала, дурочка, что она сейчас превратит его в жабу или развеет по ветру. Нет, не превратит. Она недостаточно хорошая для этого ведьма.

Он вздохнул:

— Полагаюсь на вашу доброту, мадемуазель.

Она замешкалась с ответом. А впрочем, почему бы и нет? Оставлять его здесь слишком опасно. Пусть анагорийцы думают, что с ним сделать. У них достаточно темниц для этого.

— Хорошо! — выдохнула она. — Если ты настаиваешь... Но учти — там будет не легко. Возможно, мы попадем не на бал, а на войну.

— Тем более, — он уже довольно потирал руки. — Вам потребуется помощь мужчины.

Валери пыталась протестовать, но очень вяло. Она тоже понимала, что у них нет другого выхода.

10. Другая Анагория

Перемещение, как и раньше, совершилось быстро и почти незаметно. Только что они были в своей пещере, а через секунду оказались уже в другой.

— Ух, ты! — восхитился Фернан. — Значит, вот как оно происходит!

— Идем, — потребовала Амели. — Это всего лишь перевалочная пещера. Мы сейчас в нашем же мире, но в восемнадцатом веке. А нам нужно совсем не сюда.

— Ух, ты! — снова выдохнул Маршан. Кажется, других слов у него не было. — Но, подожди, мы что же, даже не выйдем наружу? Давай посмотрим на старую добрую Францию хотя бы с горы.

Но Амели не дала себя уговорить.

— Фернан, во Франции сейчас идет война. И уверяю тебя, в этом нет ничего интересного.

Он заворчал:

— Легко тебе говорить, ты там была!

Но всё-таки поплелся следом.

Они прошли через очередное зеркало и оказались в Анагории. Вот только знакомый Амели зеркальный зал уже не освещен был факелами. Там было мрачно и сыро.

Амели оступилась и едва не упала. Фернан вовремя ее поддержал.

— Стой! Кто идет! — услышали они грозный оклик.

К ним, брэнча латами, устремилась темная фигура.

Амели замерла, не зная, стоит ли себя называть.

— Жорж, неси факел! — скомандовал пока еще невидимый им стражник. — И позови старшего офицера!

Они прижалась к зеркалу спиной. Фернан заслонил ее собою. А солдаты подходили к ним всё ближе и ближе.

Но вот вспыхнул факел, и стража расступилась, пропуская вперед начальника заставы. Яркий свет ослеплял, и Амели прищурилась, пытаясь рассмотреть лица окруживших их людей.

Но ее саму разглядели быстрее.

— Ваше высочество! — воскликнул один из мужчин и опустился перед ней на колени.

По рядам стражников прошелся удивленный рокот.

Амели вздохнула с облегчением — в старшем офицере она узнала Эмильена.

— Ваше высочество, я счастлив, что вы вернулись к нам. Мы уже не надеялись на это. Мы ждали вас несколько дней после того, как его светлость отправил гонца с письмом. Но вы не прибыли, и герцог уехал. Но не беспокойтесь, я велю сейчас же заложить карету. А пока пройдемте в казарму — ничего лучшего, к сожалению, я не могу вам предложить. Но там хотя бы тепло и светло. Должно быть, вы проголодались в дороге.

На Фернана он не обратил ни малейшего внимания. Наверно, посчитал его кем-то вроде пажа, который должен быть у каждой уважающей себя принцессы.

Комната в казарме, в которую их привел Эмильен, оказалась вполне уютной. Амели усадили к камину, в центре которого горел магический кристалл, принесли пунш и на удивление мягкие булочки. Сохранявший молчание Фернан с кружкой пива разместился у входа.

— Я ничего не поняла из содержания письма, — призналась Амели. — Что здесь произошло?

Брат Жюли посмотрел на нее с удивлением.

— Но разве Серван вам ничего не рассказал? Мы не решились написать подробнее — письмо могло попасть в чужие руки. Подробности он должен был передать устно.

Она покачала головой:

— Я даже не видела его. Его убили. Просто удивительно, что письмо вообще попало ко мне.

Эмильен помрачнел и надолго задумался.

— Его убили в вашем мире?

— Нет, — подал голос Фернан. — Вашего гонца пронзили старинной стрелой — у нас такие не водятся.

— Это странно, — признал Эмильен. — Мы не думали, что ему угрожала опасность. Впрочем, я — слишком маленький человек, чтобы рассуждать об этом. Думаю, его светлость разберется в этом лучше.

— Герцог де Тюрени — по-прежнему главный маг королевства? — Амели была рада, что это так.

— Да, — подтвердил Эмильен. — Он несколько раз пытался отказаться от этой должности, но безуспешно. А после того, что случилось, его отставка и вовсе стала невозможной.

— Да расскажите же уже, что случилось? — вскочила Амели. — Надеюсь, с его величеством всё в порядке?

Из горла Эмильена вырвался хрип:

— Нет, ваше высочество, его величество был убит два месяца назад.

Она охнула.

— А ее величество? Что с Вирджинией?

Офицер склонил голову.

— Ее величество тоже мертва. Их убили по дороге в Каринию.

11. Тайны Анагории

Вирджиния мертва?

Амели пошатнулась, схватилась за руку метнувшегося к ней Фернана.

— Но как это случилось? Зачем они вообще поехали в Каринию? Разве Анагория с ней не воюет?

Эмильен покачал головой:

— Вы давно у нас не были, ваше высочество! За эти годы столько всего произошло. Когда каринийцы узнали, что королем Анагории снова стал настоящий дракон, а наша армия готова сражаться, чтобы вернуть захваченные равнины, они предложили нам мир. Его величество с радостью согласился на это — он не хотел воевать. Конечно, частью территории пришлось пожертвовать, чтобы договор был выгоден обеим сторонам. Четыре года назад мы вернулись на равнины. Это оказалось не так-то просто — глазам было трудно привыкнуть к солнечному свету. Многие анагорийцы вообще отказались выходить из пещер — предпочли остаться здесь, чтобы работать на рудниках.

— А вы сами?

— Я, ваше высочество, так долго мечтал узнать, что такое солнце, что сразу же оказался в числе тех, кто вместе с их величествами отправились осваивать новые земли. Мои сестры и племянник тоже поехали с королем и королевой. Я вернулся сюда, на заставу, по просьбе герцога де Тюренна. только после гибели Роланда Седьмого. Чтобы встретить вас.

— Но разве его величество не охраняли, когда он поехал в Каринию? И разве он сам не мог себя защитить, превратившись в дракона?

— Карета его величества ехала через горный перевал в столицу Каринии. Случился камнепад. Погибли все, кто там был, в том числе и охрана.

— Камнепад? — переспросила Амели. — То есть, это случайность? Но вы сказали, что короля убили?

— Наши маги прибыли на перевал в тот же день и обнаружили магический след на камнях. Кто-то сильно постарался, чтобы обвал произошел именно в тот момент, когда там проезжала карета его величества.

Поверить в это было невозможно! Использовать магию для нападения на короля!

— Но это заклинание требует недюжинной силы! Это должен был быть очень сильный маг.

— Именно так, ваше высочество, — подтвердил Эмильен. — Поэтому были проверены все маги Анагории, уровень которых соответствовал уровню заклинания. Но ни к одному из них обнаруженный след не подошел. Наверняка, в этом замешаны маги Каринии или даже Лабрадени. Но у нас нет ни единого доказательства. А разбрасываться сейчас голословными обвинениями не в наших интересах. Впрочем, думаю, его светлость сумеет объяснить всё это лучше, чем я. Карета вот-вот будет готова.

— И кто же сейчас правит страной?

Она понимала, что для Анагории это — самый важный сейчас вопрос.

— Совет магов, ваше высочество. Временно. До тех пор, пока на престол не вступит наследник.

— Наследник? — встрепелась Амели. — Сын Роланда и Вирджинии?

— К сожалению, нет, ваше высочество, — вздохнул Эмильен. — У их величеств не было сына. Наследником является герцог Ламанский. Эта ветвь королевской семьи уже несколько столетий живет в Лабрадени. Герцог уже стар и совсем не желает править Анагорией, но ему придется это делать. Хотя простите, ваше высочество, я не должен

обсуждать его высочество.

— И всё-таки я не понимаю, зачем вы вызвали в Анагорию меня? Да, его величество называл меня сестрой, но вы же знаете, что на самом деле это не так. Чем я могу вам помочь?

Эмильен приложил руку к сердцу.

— Ваше высочество, помогите нам найти принцессу!

— Принцессу? — ахнула Амели. — Какую принцессу вы хотите найти?

— Дочь их величеств принцессу Вероник. Ей всего четыре года, и она слишком мала, чтобы суметь себя защитить.

— Ее похитили? — испугалась Амели.

Эмильен замотал головой:

— Нет. Надеюсь, что нет. Она исчезла из дворца вместе с моей младшей сестрой Гретой. Думаю, Грета сбежала, как только поняла, что те, кто убил родителей девочки, захотят уничтожить и саму принцессу.

В дверь постучали, и громкий голос сообщил, что карета для ее высочества герцогини Анагорийской подана.

Уже захлопывая дверцу за севшей в карету Амели, Эмильен дрожащим голосом попросил:

— Помогите нам найти их, ваше высочество! И маленькую принцессу, и мою сестру.

Карета тронула. Сидевший напротив Амели Фернан ухнул:

— Кажется, тут намечается заварушка! Скажи, пожалуйста, а ты действительно — ведьма?

Амели огрызнулась:

— Кто тебе сказал?

Он улыбнулся:

— Всё та же мадам. И пока всё, что она говорила, оказывалось правдой.

Им даже не потребовалось выезжать из пещеры — герцог де Тюрени жил в старом королевском дворце. Пока карета мерно тряслась по каменной дороге, и Амели, и Фернан успели подремать.

Дворец по-прежнему был красив, хоть и утратил изрядную часть своего великолепия — он уже не сверкал тысячами магических кристаллов, и лишь в малой части окон горел свет.

Их провели в отведенные им покои: Амели — в те же апартаменты, где она гостила прошлый раз, Фернана — в скромную комнату в том же крыле. После того, как Амели переделась (платья, которые шили для нее в ту пору, когда она была невестой короля, по-прежнему висели в гардеробной), ее проводили в библиотеку, где ее ждал герцог де Тюрени.

Они обнялись, и Амели расплакалась, вспомнив Вирджинию.

— Дитя мое, я рад, что вы вернулись!

Маг опустился в одно кресло, она — в другое.

— Мы должны о многом поговорить, ваше высочество!

Герцог заметно постарел. И хотя уже при первой их встрече он был седым как лунь, за

эти годы морщин на его лице стало больше, а вся его фигура будто сжалась, пригнулась к земле. И трудно было сказать, что придавило его больше — гибель короля или свалившийся на его плечи после этого груз ответственности за всю страну.

— Эмильен уже рассказал мне об убийстве его величества. Но, думаю, он многого не знает и сам.

Старик тяжело вздохнул.

— Мы не смогли установить виновного в столь тяжком преступлении. Трудно представить, что маг мог решиться на убийство правителя. Возможно, он выполнял чье-то поручение — в таком случае его самого наверняка уже нет в живых. Магический след, который мы засекали на перевале, мне незнаком. По крайней мере, это освобождает от подозрений наших придворных магов.

— Такое мог совершить только очень сильный маг, да?

Но герцог покачал головой:

— Не обязательно. Он мог воспользоваться заклинанием, увеличившим его магическую энергию на время.

— В королевском обозе было много народа?

— Да, почти две сотни человек. В том числе не меньше десятка опытных магов. Охрана была усилена, так как его величество направлялся в столицу государства, с которым Анагория воевала столько веков. К тому же, было предсказание. Но всё произошло так неожиданно...

— Предсказание? — встрепнулась Амели.

— Да, дитя мое! Полгода назад в Анагории появилась странствующая ведьма Зибилле. Ее хорошо знают в нашем мире. Ее ведьминский дар проявляется в предсказаниях. В них она почти не ошибается. Она появилась на площади перед королевским дворцом и сразу собрала толпу народа. Она предупредила короля, что ему не следует посещать Каринию. Его величество с балкона поблагодарил ее за предупреждение, но постарался о нём забыть — тогда он к соседям не собирался. Но когда договоренность о первом визите за несколько сотен лет была достигнута, о словах Зибилле вспомнили и кортеж усилили. Ох, видимо, его величество вообще не должен был ездить туда. Королева пыталась отговорить его от визита, но он посчитал, что это будет вопиющей невежливостью по отношению к королю Каринии. Тем более, что тот вернул Анагории значительную часть нашей прежней территории на равнинах.

— А может, земли были возвращены именно для того, чтобы усыпить бдительность его величества и заманить его во вражеское логово? — предположила Амели.

— Нет, дитя мое. Король Каринии поступил так по другим причинам. Четыре года назад, когда Анагория уже готова была ввязаться в войну за свои земли, в Каринии случилась эпидемия чумы. От болезни умерли четверть населения страны. Затронула чума и королевскую семью. Страна была ослаблена, а единственный наследник престола лежал при смерти. И та же предсказательница Зибилле сказала, что принц поправится, если король вернет Анагории то, что было получено обманом.

Амели с сомнением покачала головой:

— Снова Зибилле?

Но маг не считал это подозрительным.

— Король Каринии заключил с нами договор, принц выздоровел, и в нашем мире воцарился мир.

— Возможно, каринийцы пожалели о своей щедрости и решили вернуть утраченную территорию. А первым шагом на пути к этому было устранение короля-дракона.

— Возможно, — признал де Тюренн. — Но не хотелось бы, чтобы это было так. Война

сейчас уничтожит Анагорию. Надеюсь, что Кариния не воспользуется нашей слабостью. Но, ваше высочество, мы несколько отклонились от темы.

— Эмильен сказал, что появился новый претендент на престол. Откуда он взялся? И почему он не появился раньше — когда на троне сидел самозванец?

История эта казалась ей очень странной. Несколько столетий страной правили те, кто не имел на это права. А всё это время в Лабрадении спокойно жили законные претенденты на престол. Почему о них никто не знал?

— Всё не так просто, дитя мое! Для того, что всё объяснить, мне придется рассказать вам историю Винсента Пятого.

— Я ее знаю! — напомнила Амели. — Это был последний король, который правил на равнинах. Герцог де Варде убил его, когда анагорийцы ушли в пещеры.

— Именно так, — похвалил ее хорошую память старик. — Но то, что я хочу рассказать, случилось раньше — когда Винсент Пятый еще не был королем. Так вот — у отца Винсента Шарля Второго было двое сыновей-близнецов: Винсент и Дидье. Как вы знаете, основная сила драконов достается старшему сыну. У младших магических способностей гораздо меньше. Винсент родился на несколько минут раньше своего брата. Именно он должен был наследовать корону. Но вот незадача — Винсент не хотел быть королем. Он любил рисовать и писать стихи и хотел наслаждаться жизнью обычного человека. А вот Дидье, напротив, с удовольствием изучал науку управления государством и военное дело.

Амели охнула.

— Они поменялись местами, да? — догадалась она.

— Да, — невесело подтвердил герцог. — После смерти Шарля Второго корону получил Дидье. Но знали об этом только сами братья. Они были похожи друг на друга как две капли воды. Дидье под именем Винсента стал править страной, а Винсент под именем Дидье получил титул герцога Ламанского и удалился в замок в провинции. После поражения Анагории в войне с Каринией герцог не успел уйти в пещеры и вынужден был искать убежища в Лабрадении. Там его потомки и живут до сих пор.

— А то, что братья поменялись местами, могло повлиять на исход войны?

— Уверен, что так оно и было, — тяжело вздохнул де Тюрэнн. — В истории не бывает мелочей. Если бы страной правил старший брат, он, возможно, сумел бы справиться с врагами.

Амели стало совсем грустно:

— Вот так вот маленький обман стал трагедией для целого народа. Уверен, братья потом сожалели о своем поступке.

— Наверняка, — кивнул герцог. — Они оба виноваты в равной степени. Один не хотел исполнить свой долг, а другой хотел занять чужое место.

— Но откуда вы узнали об этом? — удивилась она. — Если это было тайной столько лет!

— Разве вы забыли, ваше высочество? — улыбнулся маг. — Вы же сами нашли самописную книгу «Подлинная история Анагории» — там все события отразились как в зеркале. Эту главу его величество прочитал только в прошлом году. Он очень хотел встретиться с герцогом Ламанским и обсудить с ним эту весьма щекотливую ситуацию. С одной стороны, та ветвь королевского рода имеет больше прав на корону Анагории. С другой стороны — их предок сам отказался от этой короны. Но встретиться они не успели.

— А может быть, именно герцог Ламанский организовал убийство Роланда? — ужаснулась Амели.

— Надеюсь, что нет, ваше высочество! — герцог всплеснул руками. — Это было бы слишком ужасно! Я предпочитаю об этом не думать. Но у Анагории в любом случае нет

выбора. Страна погибнет, если ею не будет править король-дракон.

— А дочь Роланда? — Амели поднялась и заходила по комнате. — Разве она не может быть королевой? Наверняка она умеет превращаться в драконицу.

— Умеет, — не стал спорить герцог. — Но она не может стать королевой Анагории — способность превращаться в драконов передается только по мужской линии. Девочки, даже если они рождались первыми в королевской семье, не получали сильной магии. Основная сила доставалась первому мальчику.

— Но если принцесса Вероник не может наследовать корону, то на девочку вряд ли кто-то будет покушаться. Чего же испугалась Грета?

— Вероник не может править Анагорией, но когда она вырастет, она сможет прочесть в «Подлинной истории Анагории» о том, кто убил ее родителей. Она — драконица. Она может отомстить.

— Надеюсь, книга надежно спрятана? — забеспокоилась Амели. — Ведь ее сможет прочитать и герцог Ламанский — он тоже дракон. А если именно он всё это устроил, в его интересах книгу уничтожить.

— Книга тоже пропала, — глаза старого мага наполнились слезами. — Грета догадалась спрятать ее где-то во дворце перед побегом. Хотелось бы верить, что они в безопасности — и принцесса, и книга.

Многое прояснилось, но кое-что Амели всё еще не понимала:

— Ваша светлость, но объясните мне, наконец, чем я могу вам помочь? Я слишком плохая ведьма, чтобы почувствовать книгу или девочку. Если уж вы не смогли этого сделать...

— У меня не было возможности это сделать, — горько сказал герцог. — Книга спрятана в новом королевском дворце — на равнинах. Там сейчас резиденция герцога Ламанского. Он опасается покушения на свою жизнь, и любые маги, в том числе анагорийские, крайне неохотно туда допускаются. Но я не сомневаюсь, что и книга, и принцесса всё еще во дворце — там столько потайных ходов и комнат! Ваше высочество, вы должны их там найти! Но найти так, чтобы никто об этом не узнал. И помочь им выбраться оттуда.

— Я? — изумилась Амели. — Но если вас не пускают во дворец, то кто пустит туда меня?

Старый маг посмотрел на нее как-то странно.

— Вас пустят туда, ваше высочество — как невесту принца, который вот-вот должен стать королем!

12. Невеста для принца

Невесту??? Амели показалось, что она ослышалась.

— Вы с ума сошли, ваша светлость? — в ее голосе звучали металлические нотки.

— Ничуть, ваше высочество! — заволновался маг. — Но соблаговолите выслушать меня, прежде чем выражать возмущение.

Она опустила в кресло с видом оскорбленной королевы. Да за кого он ее принимает? Она что, игрушка? Пешка в чужой игре? Сколько там у них еще драконов?

— Эмильен сказал, что герцог Ламанский стар и болен. Вы уверены, что ему нужна невеста, а тем более — жена?

Де Тюренн издал смешок.

— Ох, не волнуйтесь, ваше высочество! Невеста нужна не самому герцогу Ламанскому, а его единственному сыну.

Но для нее это мало что меняло. Ей надоело, что ею манипулируют в угоду интересам государства, к которому она не имеет ни малейшего отношения. Пять лет назад она добыла Анагории короля-дракона, но они не смогли его защитить. Пусть теперь разбираются сами.

— Поймите, ваше высочество, мир в нашем мире сейчас довольно шаткий. Достаточно одного неверного шага, и равновесие нарушится. Поскольку убийцы Роланда не найдены, все подозревают всех. В убийстве может быть виноват каринийский королевский двор, который хотел вернуть отданные нам территории. Или лабраденский двор, который прознал, что именно у них живет человек, который на законных основаниях может занять анагорийский трон, и на которого в силу близкого знакомства они могут оказывать сильное влияние. А может, предатели оказались в самой Анагории — его величество отстранил от важных постов многих министров и магов, которые служили при Антуане.

Он сделал передышку, глотнул вина из стоявшего на столе кубка.

— Поэтому на большой ассамблее, которая состоялась через месяц после гибели короля, и в которой приняли участие делегации всех трех стран, было принято решение, что обвинения в чудовищном преступлении не будут выдвигаться без должных оснований. А для того, чтобы сохранить равновесие в нашем мире, на престол Анагории должен сесть тот, кто сможет управлять страной мудро и решительно. Старый герцог, действительно, болен и слаб и сам не желает принимать на себя такую ответственность. Но у него есть сын Армэль — по слухам, очень сильный маг, который и должен стать королем. Но для того, чтобы династия не прервалась, он должен жениться как можно скорее. И жениться именно на ведьме! Только так можно надеяться, что их будущие дети окажутся достаточно сильными, чтобы отражать нападки врагов.

Кое-что в его рассуждениях показалось Амели сомнительным.

— Вы сказали, то в ассамблее принимали участие все три страны. Но неужели Кариния и Лабрадения заинтересованы в сильной Анагории?

— Ах, ваше высочество, наши соседи рассчитывают заключить с Анагорией не только военный, но и брачный союз. Да-да, именно так! На той же ассамблее было решено, что в отборе невест для будущего короля примут участие самые знатные девушки не только самой Анагории, но и Каринии, и Лабрадении.

— Ого! — воодушевилась Амели. — Значит, я не единственная претендентка на руку и сердце принца?

— Именно так, — подтвердил маг. — Вас будет четверо. Принцесса Констанс — дочь короля Лабрадении. Принцесса Моник — незаконнорожденная дочь короля Каринии.

— Незаконнорожденная? — хмыкнула Амели.

— Да, — вздохнул де Тюрэнн. — Но всё-таки в ее жилах течет королевская кровь. И кажется, у девушки весьма сильный магический дар. Но продолжим. Первоначально предполагалось, что претенденток будет трое. Анагорию должны были представлять вы, ваше высочество. Мы отправили вам письмо и с нетерпением ждали вашего появления. Но прошло несколько дней, ответа от вас не было, а отбор должен был вот-вот начаться, и от Анагории мы вынуждены были предложить другую девушку — мою племянницу Элинон. Наш род достаточно древний и знатный для этого. Все три девушки уже во дворце.

— Так это замечательно! — Амели даже захлопала в ладоши. — Значит, претендентки определены, и в моем участии нет необходимости. Конечно, если вам нужна какая-то другая помощь, то я с удовольствием...

Но де Тюрэнн, сделав еще один глоток из кубка, возразил:

— Нет, ваше высочество. Мы всё-таки надеялись, что вы откликнетесь на нашу просьбу, и специально оговорили ваше участие. Просто вы будете представлять не Анагорию, а свою страну, свой мир.

— Но я не хочу становиться невестой принца и уж тем более — его женой.

Маг согласно закивал.

— Дитя мое, становиться его женой нет никакой необходимости. Достаточно просто принять участие в отборе. Если вы сделаете все, чтобы не понравиться принцу, я не буду возражать. Нам всего лишь нужно, чтобы вы проникли в королевский дворец на равнине, нашли книгу и принцессу Вероник. А потом мы что-нибудь придумаем, чтобы вытащить их оттуда. Несмотря на то, что принцессе всего четыре года, она уже начала изучать буквы, и потребуется совсем немного времени, чтобы она начала читать. А когда она прочитает главу из «Подлинной истории Анагории», где говорится об убийстве ее отца, мы поймем, кто наши враги, а кто — друзья. И важно понять это до того, как принц Армэль сделает свой выбор. А после этого, ваше высочество, вы можете поступить как вам заблагорассудится. Если вы решите остаться с нами, мы будем рады. Если надумаете отправиться домой, то мы поймем.

— Подождите, ваша светлость, но разве ваша племянница не может выполнить всё то, что вы поручаете мне? Она уже находится в королевском дворце и может заняться поисками принцессы и книги.

— Ох, ваше высочество, — маг снова потянулся к кубку, но тот оказался пустым, — Элинон еще слишком молода и неопытна, чтобы я мог доверить ей такую тайну. К тому же, ее магический дар слишком слаб, чтобы соперничать с чужеземными принцессами. Она не знает, что девочка и книга еще во дворце. Я посчитал, что она может случайно проболтаться об этом, и тогда их станем искать не только мы. Элинон знает, что я отправил ее туда не просто так — она должна за всеми наблюдать и ко всему прислушиваться. Иногда в обычном разговоре можно узнать что-то полезное. А еще она знает, что должна помогать вам, если вдруг вам потребуется помощь.

Амели вздохнула. Отказать де Тюрэнну она не могла — и вовсе не потому, что осознавала свой долг перед Анагорией. Нет, она всего лишь хотела защитить маленькую дочку Вирджинии.

— Если у меня будут важные новости, как я смогу связаться с вами?

— Я иногда бываю в королевском дворце — все-таки именно я возглавляю сейчас совет магов, который управляет Анагорией. Думаю, никто не удивится, если во время таких визитов я захочу побеседовать с племянницей и с вами.

— Когда я должна отправиться туда?

Старик задумался.

— Может быть, завтра вечером? А днем я попробую научить вас некоторым полезным магическим штучкам, которые помогут вам во дворце. Жаль, что у нас так мало времени на обучение. Но не волнуйтесь, я подберу вам книги по магии — вы сможете изучить их самостоятельно. Надеюсь, вы практиковались в своем мире?

Амели хмыкнула. Трудно было назвать практикой те редкие всплески энергии, которые случались у нее, когда она сердилась. Нет, хотя один случай сознательного применения магии всё-таки был — когда она без билета прошла в Париже на концерт Бейонсе. И вовсе не жадность была тому виной. Просто билетов было не достать. Вот она и превратилась в невидимку на несколько минут. Правда, это отняло у нее столько сил, что она потом неделю отлеживалась в постели.

Ну, ничего! Сила ее магического дара была бы важна, если бы она в самом деле собиралась замуж за принца. Но она же только немножко поиграет. Поучаствует в отборе — понарошку. А потом, когда найдет маленькую Вероник и большую книгу, помашет жениху ручкой.

Такие мысли развеселили ее, и она отправилась спать в прекрасном настроении.

13. Кое-что о магии

На следующее утро Амели вновь встретила с герцогом де Тюренном — чтобы получить экспресс-урок магии. На массивном столе в библиотеке уже лежали несколько толстых фолиантов — судя по всему, ее учебная литература, которую она должна штудировать в королевском дворце.

— Надеюсь, вы знаете, дитя мое, что существуют четыре магические стихии? — он перешел к лекции, едва поздоровавшись с Амели.

Она кивнула — что-то такое она читала в фэнтезийных романах. Конечно, большой надежностью эти источники не отличались, но где еще она могла прочитать о магии в их полном реализма мире?

— Маг может владеть магией всех четырех стихий, а может — только одной.

— Если маг владеет магией только одной стихии, он — слабый маг? — предположила Амели.

Но герцог отрицательно покачал головой.

— Нет, ваше высочество, это не обязательно так. Я знавал одностихийников, которые своей мощью подавляли любого врага. И знал полностихийников, которые путались в своих способностях. Но в большинстве случаев всё именно так, как вы сказали.

— Это как-то связано с отбором невест?

На сей раз де Тюренн кивнул.

— Как я уже говорил, Анагории сейчас нужны сильные король и королева. А значит, на отборе магические способности невест будут важнее, чем другие качества.

— И что же, принц женится на той, которая окажется более умелой ведьмой, даже если она ему совсем не понравится? — удивилась Амели. — А как же любовь?

Герцог улыбнулся ее наивности.

— Дитя мое, интересы государства важнее личных интересов короля. Поэтому принц должен жениться на той, которая сможет укрепить его власть. Но вполне возможно, что это окажется именно та девушка, которая понравится и ему самому. Но давайте оставим пустые разговоры, ваше высочество, и вернемся к магии. Если на отборе вдруг окажется ведьма, которая владеет магией трех стихий, думаю, выбор его высочества будет предопределен.

— Всего лишь трех стихий? — не поняла Амели. — Но ведь всего стихий четыре! А значит, там может оказаться ведьма-полностихийница.

— Нет, ваше высочество, это маловероятно, — де Тюренн отчего-то покраснел. — В нашем мире стать полностихийницей ведьма может только после того, как она соединится с магом-полностихийником.

Тут он закашлялся и окончательно смутился.

Амели фыркнула. Даже в магическом мире женщина могла стать кем-то только благодаря мужчине! Ну, что за дискриминация?

Рассказывать о процедуре соединения герцог не стал. Да Амели и не спрашивала. Она могла бы сказать де Тюренну, что примерно представляет о чем идет речь, но благообразно промолчала.

Однако столь щекотливая тема всё-таки побудила ее задать один важный вопрос.

— Ваша светлость, наверно, прежде чем невесту допустят к отбору, она должна будет пройти проверку на ..., — она замялась, подыскивая нужно слово.

Но де Тюренн понял ее и так.

— Нет, дитя мое, такая проверка проходит в самом конце отбора. Такие отборы проходили еще в незапамятные времена, и иногда в них принимали участие десятки невест. Это была возможность блеснуть, показать себя. Среди претенденток бывали и те, кто не смог соблюсти невинность, или те, кто терял ее уже в процессе отбора, — лицо старого мага, обычно бледное, стало кумачово-красным. — Да-да, случалось и такое. Но это не мешало девушкам показывать свою красоту и магическую силу в первых турах. Так что проверять будут только ту, которую соберется выбрать принц. Но это не должно вас волновать, дитя мое. Такая проверка не постыдна и не обременительна. Она проводится на магическом кристалле.

На сей раз смутилась и Амели, вспомнив, как пять лет назад провалила такую проверку. Впрочем, она прогнала воспоминания — ее задачей было попасть в королевский дворец, а становиться женой принца она совсем не собиралась.

— А какой магией владеют другие участницы? — поинтересовалась она.

— К сожалению, нам это не известно, — герцог постепенно приходил в себя. — Могу сказать только про мою племянницу — она владеет магией воды. Но даже эта единственная стихия у нее развита настолько плохо, что, боюсь, на отборе ей потребуется ваша помощь. На первом испытании наверняка потребуется проявить свою силу, и я просил бы вас поддержать Элинора. У вас сильная магия, ваше высочество, пусть даже вы и не вполне умеете с ней обращаться. Я положил закладки в книги на тех страницах, которые вам нужно прочесть прежде всего. Вы поймете, что на короткое время вы можете делиться своим магическим потоком с тем, кому вы хотите помочь. Элинора без этого не справится. Впрочем, довольно о моей племяннице! Поговорим о вас. Надеюсь, ваше высочество, вы по-прежнему владеете магией огня? Думаю, для участия в отборе этого будет достаточно.

— Надеюсь, ваша светлость, — скромно потупила взор Амели. — А к какой магии относится способность «заморозки»?

Маг стукнул себя ладонью по лбу.

— Ваше высочество, я совсем выжил из ума! Как я мог забыть про это ваше умение? Это магия воды, дитя мое! — он уже довольно потирал руки. — Две стихии! Великолепно! Только послушайте совета старика — на отборе не старайтесь показывать всё и сразу. Пусть соперницы недооценивают вас. Уверен, они будут делать то же самое.

Через два часа Амели уже вновь сидела в карете. На противоположной лавке стоял сундук с книгами. Еще один сундук — с ее нарядами — разместили на заднем приступке кареты. Ее сопровождали несколько стражников, выделенных де Тюренном. Вместе с ними на высоком гнедом коне ехал Фернан, которого Амели назвала своим адъютантом. Интересно, каково ему трястись в седле? Наверно, это не так удобно, как ехать на мотоцикле?

Они выехали из пещер поздним вечером, и то, что они спустились с гор и оказались на равнине, Амели поняла только по далеким звездам на кусочке темного неба, что было видно в окно кареты.

Ко дворцу они прибыли после полуночи. Слуга распахнул дверцу кареты, Амели вышла и замерла от восхищения — королевская резиденция сияла таким количеством магических огней, что казалось, стены ее покрыты россыпью бриллиантов, изумрудов, рубинов.

Подавший ей руку Фернан тоже был впечатлен.

— Умеют тут шикавать, ничего не скажешь!

Она осадил его строгим взглядом. Он с шуточной церемонностью поклонился.

Через минуту они ступили на лестницу, казавшуюся стеклянной, и Амели пожалела, что в ее гардеробе нет хрустальных туфель. Она ощутила себя Золушкой, приехавшей на королевский бал.

14. Сестра Жюли

В отведенных Амели апартаментах ее встретила Жюли. Гонец от герцога прибыл в королевский дворец несколько часов назад, так что к ее приезду всё было готово — и мягкая постель, и легкий полуночный ужин.

— Как я рада вас видеть, ваше высочество! — Жюли даже расплакалась при встрече.

А Амели, несмотря на протесты, ее обняла.

— Я тоже рада тебя видеть! Надеюсь, и ты, и Шарль в добром здравии? Вчера я видела твоего брата, и он передавал тебе поклон.

Ей совсем не хотелось есть, но чтобы не обижать Жюли, она съела мягкую булочку и сделала несколько глотков из чашки с молоком.

— Мне о многом нужно тебя расспросить! Герцог де Тюрени ввел меня в курс дела, но кое-что мне до сих пор не понятно. Да что же ты стоишь? Садись вот сюда, на канапе. Садись, я сказала! Это приказ! Иначе мне самой придется встать.

Горничная неохотно опустилась на диванчик и с тревогой посмотрела на дверь.

— Ваше высочество, если нас кто-нибудь увидит, это может вызвать нежелательные пересуды. Я не имею права сидеть в вашем присутствии.

Но Амели не стала слушать ее возражения.

— Расскажи мне, что случилось с твоей сестрой и принцессой. Его светлость сказал, что они сбежали, как только стало известно о гибели их величеств.

— Ох, ваше высочество, они сбежали отнюдь не сразу, — Жюли немного успокоилась. — Когда стало известно о чудовищном убийстве на перевале, вся страна погрузилась в траур. А во дворце все — и маги, и слуги — были так растеряны. Моя сестра первой осознала опасность, грозящую маленькой принцессе. Но и я, и его светлость посчитали ее опасения надуманными. Мне казалось немыслимым, чтобы кто-то мог желать зла четырехлетнему ребенку. Но однажды ночью Грета проснулась из-за того, что услышала, как кто-то пытается открыть дверь в спальню принцессы. Она громко спросила «кто там», и скрежет прекратился. Она рассказала об этом герцогу, и он выставил стражу у дверей апартаментов ее королевского высочества. Но через пару ночей моя сестра снова почувствовала неладное — она проснулась оттого, что стала задыхаться. В комнате был странный туман явно магического происхождения. Она закричала, но стража не услышала ее. К счастью, в ту ночь ничего больше не случилось. Грета потребовала позвать его светлость, но герцог был в отъезде, а другие маги не решились что-либо предпринять без его распоряжений. А наутро случилось еще одно происшествие — пожар в кабинете его величества. Хорошо, что сработал магический датчик, и пламя сумели быстро потушить. Моя сестра подумала, что это — тоже не случайность. После гибели его величества никто не подумал о «Подлинной истории Анагории». Когда Грета оказалась в кабинете после пожара, книга по-прежнему лежала на столе короля. Моя сестра — очень умная девушка, ваше высочество. Ей показалось, что между этими происшествиями есть связь, она испугалась и за принцессу, и за книгу. Она оставила записку в моей комнате и убежала вместе с ее высочеством.

Амели нахмурилась.

— Но почему вы думаете, что они до сих пор во дворце? Если Грета решила спрятаться, разве не удобнее было уйти в пещеры?

— Из дворца невозможно уйти незаметно. Он под магической защитой. Даже если бы они только попытались сделать это, стража увидела бы их.

— Но если они еще во дворце, почему маги не могут их отыскать?

— Ох, ваше высочество, знали бы вы, сколько здесь подземелий и тайных ходов. Этот дворец был построен много столетий назад — еще тогда, когда анагорийцы жили на равнинах. Потом, когда мы ушли в пещеры, он стал охотничьим дворцом короля Каринии

и вернулся к нам после подписания мирного договора.

— Но Грета с девочкой могут заблудиться в подземельях! — вскричала Амели. — И им нужна вода и еда.

Жюли вытерла слёзы.

— Я надеюсь только на то, что они сейчас не одни. Вместе с ними пропал один лакей — очень добрый молодой человек, за которого Грета собиралась замуж. Он служил в этом замке еще при каринийцах и знает его гораздо лучше, чем моя сестра. А что касается воды и еды... Под дворцом протекает небольшая река, а в подземельях — несколько кладовых со снедью. Но мы всё равно должны найти их как можно скорее. Там наверняка холодно. Ах, ваше высочество, только будьте осторожны! За нами наверняка следят люди его королевского высочества.

Жюли впервые упомянула герцога Ламанского, и Амели сразу решила уточнить:

— А какой он — герцог? И понравился ли вам его сын?

Не то, чтобы потенциальный жених сильно ее интересовал, но нужно же знать, с кем имеешь дело.

— Герцог производит очень приятное впечатление. Он добр к слугам. А вот принца я еще не видела.

— Люди его королевского высочества тоже ищут принцессу Вероник?

Жюли энергично закивала.

— Да, день и ночь. К сожалению, его королевское высочество подозревает, что Грета украла принцессу и книгу в своих корыстных целях. Боюсь, если их найдут слуги герцога Ламанского, мою сестру бросят в тюрьму. Но я-то знаю, что она не причинит вреда ее высочеству!

Она была такой расстроенной, что Амели постаралась скрыть свою тревогу.

— Уверена, когда его королевское высочество узнает правду, он поймет, что Грета не могла поступить по-другому. Вот только как мы сможем приступить к поискам, если за нами следят?

— Не знаю, ваше высочество, — расплакалась Жюли. — Но у невесты принца больше свободы, чем у простой служанки.

Амели была уверена, что это не так — невесты короля слишком приметны, чтобы тайно пройти в подвал или выйти во двор. Но она не стала огорчать горничную еще больше.

— К тому же, ваше высочество, — Жюли подняла к ней залитое слезами лицо и выдала железный аргумент, — вы — ведьма.

15. Соперницы

С другими невестами принца Амели встретила за завтраком. Слуга довел ее до роскошной столовой, в центре которой стоял массивный длинный стол, и с поклоном удалился.

Остальные претендентки на руку и сердце будущего короля уже находились там. За стол еще никто не сел. Пожилая дама в строгом темном платье, увидев Амели, громко возвестила:

— Ее высочество герцогиня Лангедокская.

Она реверансом поприветствовала собравшихся в столовой дам. Они ответили ей тем же.

— Баронесса Дюамель к услугам вашего высочества, — дама в темном платье застыла в поклоне. — По распоряжению его королевского высочества герцога Ламанского я являюсь распорядительницей отбора. Рада приветствовать вас во дворце. Надеюсь, путешествие было не слишком утомительным?

Вопрос был продиктован элементарными правилами приличия и ответа не требовал.

Амели двинулась вслед за баронессой к своим соперницам.

— Ее королевское высочество принцесса Констанс из Лабрадени.

Из трех ее соперниц эта была самой красивой — высокая стройная шатенка с огромными голубыми глазами. У нее были полные губы, и улыбка на них смотрелась вполне естественно. Вот только в глазах принцессы был лёд.

А баронесса уже шла дальше.

— Ее сиятельство графиня Моник де Карильен из Каринии.

Жгучая брюнетка пронзила Амели враждебным взглядом. Росту она была небольшого и при тонкой талии обладала весьма приятными округлостями в нужных местах.

— Ее милость виконтесса Элино де Леруа.

Племянница герцога де Тюрени была мила, но совершенно терялась на фоне остальных. Худенькая, со светлыми, но тусклыми волосами, она вряд ли была фавориткой этого отбора. А вот улыбка у нее была удивительно красивой.

— Рада познакомиться с вами, ваше высочество, — Элино единственная нашла для Амели несколько теплых слов.

Амели искренне улыбнулась в ответ. Хоть кто-то действительно рад ее появлению здесь.

Они все пятером сидели за одним концом стола — наверно, для того, чтобы было удобнее общаться. Хотя общаться как раз никто и не хотел. Баронесса поначалу пыталась завязать беседу, но после каждой своей фразы натыкалась на молчание с их стороны.

Они отведали гусяного паштета, яиц под оригинальным соусом и фруктового суфле. Всё было восхитительно вкусным, и только нежелание привлечь к себе внимание удержало Амели от просьбы о добавке. Ей показалось, что все девушки ели с большим аппетитом, и потому когда графиня, не доев суфле, раздраженно отодвинула от себя тарелку, она посмотрела на девушку с удивлением.

— Нас кормят какой-то гадостью! — воскликнула Моник и поморщилась.

— О, ваше сиятельство! — растерялась баронесса Дюамель. — Если желаете, я велю поварам приготовить другой десерт.

Графиня покраснела от негодования.

— Вы что же, хотите, чтобы я ждала, пока какой-то поваришка приготовит новый десерт?

Баронесса нахмурилась. Вряд ли ей нравилось поведение девушки, но кто она была такая, чтобы одергивать невесту принца?

Амели решила, что это — удобный случай, чтобы заявить свои права на лидерство и заручиться поддержкой распорядительницы отбора.

— А, по-моему, десерт восхитителен! — она изобразила на своем лице должную степень восторга.

Элинор охотно поддержала:

— О да, совершенно с вами согласна!

Графиня не решилась на открытый конфликт с герцогиней Лангедокской, но решила отыграться на скромной виконтессе де Леруа.

— Конечно, — фыркнула она, — вряд ли ваша милость привыкла к королевской пище. Может быть, вы вообще первый раз едите суфле? Насколько я знаю, даже у себя в Анагории вы не были приближены ко двору. Не считите за дерзость, но я совершенно не понимаю, как вы решились участвовать в отборе? Вряд ли вы подходите на роль королевы.

И она смерила виконтессу презрительным взглядом. Та сразу поникла, сжалась.

— Ее милость происходит из древнего и весьма влиятельного анагорийского рода, — отчеканила Амели. — И она получила от его высочества герцога Ламанского точно такое же приглашение, как и вы. Надеюсь, вы не сомневаетесь в мудрости герцога? Если его королевское высочество счел виконтессу достойной своего сына, то как можете вы оспаривать его решение?

Если графиня и смутилась, то только на секунду.

— Я всего лишь хотела сказать, что Анагория заслуживает лучшей королевы.

Слёзы Элинор уже капали на белоснежную скатерть. Но девушка была столь кроткой, что не решилась ни словом возразить обидчице.

— Вы правы, ваше сиятельство, — кивнула Амели. — Анагория заслуживает настоящей королевы, и ею должна стать та, чье происхождение не вызывает сомнений.

Принцесса Констанс хмыкнула, баронесса охнула, а графиня сжала хрустальный бокал, который держала в руке, с такой силой, что тот разлетелся на осколки.

Незаконнорожденная дочь короля слишком хорошо знала об этом своем изъяне.

Амели могла бы добавить, что в этом они с Моник на удивление похожи — с той лишь разницей, что она сама родилась отнюдь не в королевском дворце. Но открывать свои тайны графине она была не намерена.

Вернувшись в свои апартаменты после завтрака, она сообщила Жюли, что, кажется, за этот час сумела обзавестись не только другом, но и врагом. Впрочем, этого следовало ожидать. На войне как на войне.

16. Аудиенция у герцога Ламанского

Обед прошел почти мирно — за всё время трапезы девушки не сказали друг другу и нескольких слов. Но взгляды, которыми они обменивались, трудно было назвать дружелюбными.

— Спасибо вам, ваше высочество, за поддержку!

Из обеденной залы они вышли вместе с Элинор — благо их апартаменты находились недалеко друг от друга.

— Не представляете, как мне тяжело с ними общаться, — в голосе виконтессы была печаль. — И разве они поверят, если я скажу, что участие в отборе меня вовсе не радует? Что я согласилась на это лишь потому, что об этом попросил дядюшка, который меня воспитал. Я плохо помню своих родителей — они умерли, когда я была ребенком. А его светлость сделал для меня так много, что я не могу ему отказать.

— Я понимаю вас, Элинор, — Амели легонько пожала дрожащую руку девушки.

— Я знаю, что я не ровня вам всем. Во мне не течет королевская кровь. И воспитывали меня не для того, чтобы я носила корону. Я не знаю многого из того, что вы впитали с молоком матери. Но раз уж я оказалась здесь, то всего лишь пытаюсь играть по правилам.

Амели едва сдержала улыбку. Слушать о том, что племянница герцога не считает себя ровней ей, простой деревенской девчонке, было забавно.

— Вы не должны позволять графине отчитывать себя, — посоветовала она. — Вы такая же участница отбора, как и она сама. Если ей не нравится соперничество с нами, она может отказаться от участия.

— Что вы, ваше высочество! — виконтесса невесело улыбнулась. — Не сомневаюсь, она выиграет этот отбор. Только вот не знаю, стоит ли принца с этим поздравлять.

Ужин Амели должна была разделить с его королевским высочеством герцогом Ламанским — он уже удостоил аудиенции других девушек и теперь хотел пообщаться с герцогиней Лангедокской.

Он принял ее в небольшой уютной гостиной, где на круглом столе стояли легкие закуски. Баронесса Дюамель представила ее и сразу удалилась.

Амели опустилась в предложенное кресло и стала украдкой изучать хозяина. Герцог был уже не молод, а его пугающая бледность свидетельствовала о серьезном недуге. Не удивительно, что он не хотел становиться королем.

Его королевское высочество тоже ее изучал — но в открытую. И, кажется, результатом наблюдения остался доволен.

— Быть может, это прозвучит неприлично, ваше высочество, но позвольте спросить — сколько вам лет?

Она не ожидала такого вопроса и смутилась. Но не посчитала нужным врать.

— Двадцать три, монсеньор, — и тоже задала вопрос: — Вы считаете, что я недостаточно молода для принца?

Он сначала рассмеялся, потом закашлялся.

— Что вы, дитя мое! Надеюсь, вы позволите старику так себя называть? Напротив, я считаю, что в столь сложной политической ситуации женой короля Анагории не должна быть юная девочка. К тому же, остальные невесты примерно вашего же возраста. Только принцессе Лабраденской нет двадцати.

Когда они отведали холодного мяса, принесли жульен из морепродуктов. Амели стало интересно, есть ли в этом мире моря?

Потом подали ароматный кофе, приготовленный столь необычно, что ей захотелось спросить рецепт.

— Скажите, ваше высочество, как к вам относится ваша горничная? Кажется, ее зовут Жюли? — хозяин снова огорошил ее вопросом. — Возможно, мое любопытство покажется вам странным, но уверяю вас, ответ очень важен для меня. Доверяет ли она вам настолько, чтобы поделиться сокровенным?

На сей раз Амели сказала неправду:

— Не знаю. Не уверена.

— Я думаю, вы уже знаете, что дочь Роланда Седьмого принцесса Вероник пропала. Есть все основания считать, что она была похищена сестрой вашей горничной. Быть может, вы знаете эту девицу?

Амели видела Грету лишь однажды, но посчитала нужным заявить:

— Вы ошибаетесь, ваше высочество! Наверняка, Грета всего лишь пытается защитить принцессу!

Герцог бросил на нее внимательный взгляд.

— Надеюсь, что вы правы. Я сейчас — ближайший родственник этой девочки, и именно я должен заботиться об ее безопасности. Мне кажется ужасным, что принцесса скитается невесть где вместе со служанкой. Я допускаю, что эта девушка, Грета, приняла неправильное решение, поддавшись панике. А сейчас она уже сожалеет об этом и сама хочет вернуть Вероник во дворец. Я согласен забыть об ее ошибке, если она вернет девочку невредимой.

— Вы хотите, чтобы я передала ваши слова Жюли?

Он кивнул.

— Но не только! Я хочу, чтобы вы приняли участие в поисках принцессы. Есть вероятность, что она еще во дворце. Быть может, они скрываются в одной из потайных комнат и боятся выйти оттуда. Они не решатся показаться чужим людям, но возможно, с радостью выйдут к тому, кого они знают.

Похоже, он несколько переоценивал степень ее знакомства с сестрой Жюли, но она не стала разубеждать его в этом.

— Я с радостью постараюсь вам помочь, — она чуть наклонила голову. — Но для этого у меня должна быть возможность посещать любые помещения дворца безо всякой стражи и шпионов. И еще, простите, ваше высочество, но мне нужно ваше слово, что вы не будете преследовать Грету, когда Вероник окажется у вас.

— Если она не причинила девочке вреда, то я не буду выдвигать никаких обвинений.

О «Подлинной истории Анагории» он не сказал ни слова. То ли не знал об ее существовании, то ли не понимал ее важности, то ли очень умело делал вид, что эта сторона вопроса его совершенно не интересует.

— Я велю страже пропускать вас в любые закоулки дворца, кроме крыла, которое занимаем мы с принцем. Надеюсь, вы не думаете, что мы сами прячем принцессу?

Ну, что же, до тех пор, пока их цели совпадают, он будет оказывать ей содействие. Возможность свободно перемещаться по дворцу — уже немалое достижение.

— Когда начнется сам отбор? — любопытствовала она, протягивая герцогу руку уже на пороге гостиной.

— Завтра, ваше высочество! — с поклоном ответил он. — Но вам не стоит беспокоиться — в первом туре будет простая проверка наличия магии у невесты. Уверен, все претендентки легко справятся с этим заданием.

Они улыбнулись друг другу и разошлись.

А вечером в своих апартаментах Амели устроила совет с Жюли и Фернаном. Она не видела необходимости скрывать что-либо от Маршана — разгуливать по безлюдным закоулкам дворца в одиночестве ей совсем не хотелось, а довериться больше она никому не могла.

— Значит, его королевское высочество разрешил вам спуститься в подвалы? — обрадовалась Жюли. Но тут же посмотрела на Амели с беспокойством. — Но если вы найдете Грету, вы же не выдадите ее, не поговорив прежде с герцогом де Тюренном? Мне хотелось бы доверять его королевскому высочеству, но...

То, что она не решилась договорить, сказал Фернан:

— Но именно он может оказаться тем человеком, который виновен в гибели родителей принцессы?

Жюли в ужасе замотала головой:

— Нет, я вовсе так не думаю! Но в этом могли быть замешаны те, кто хотел посадить его на трон Анагории. И если это так, то принцесса окажется в опасности.

17. Первый экзамен

На следующее утро после завтрака Амели опять возвращалась в свои апартаменты вместе с Элинор.

— Ах, ваше высочество, я так боюсь сегодняшнего испытания. Уверена, я провалю экзамен. Мои магические умения настолько слабы, что его королевское высочество сразу поймет это. Я понимаю, что рано или поздно это всё равно произойдет, но мне не хотелось бы покидать отбор с позором. Может быть, мне стоит самой заявить, что я не хочу быть невестой принца, и вернуться к дяде?

Она вся дрожала от волнения, и Амели постаралась ее подбодрить.

— Что за глупости, ваша милость? Вы хотите бросить меня здесь одну? Его светлость сказал, что мы должны помогать друг другу. Какой магией вы владеете, Элинор?

— Магией воды, ваше высочество! У меня иногда срабатывает заклинание заморозки, — девушка чуть покраснела и призналась: — но срабатывает оно не всегда. Сама не понимаю, как у такого сильного мага как мой дядя может быть такая неумелая племянница? В детстве, когда я только-только училась использовать магию, он иногда помогал мне — вплетал свою магию в мой поток, и тогда мне казалось, что я — настоящая ведьма.

— Да, его светлость что-то такое говорил, — вспомнила Амели.

Ей было стыдно, что она так и не открыла книги, которые подобрал для нее старый маг. А ведь он даже положил в них закладки!

Всё время до обеда она провела за учебниками — выучила наизусть заклинание, позволяющее объединять потоки магии двух разных ведьм. Правда, попрактиковаться в этом умении она не успела — пришла фрейлина, посланная баронессой Дюамель, чтобы отвести ее в зал для приемов.

Там, в расставленных в несколько рядов креслах, уже сидели маги трёх королевств, среди которых Амели с радостью заметила де Тюренна. Чуть в стороне, на небольшом возвышении размещалось кресло, подготовленное для герцога Ламанского.

Из невест в зале уже были Элинор и Констанс. Моник пришла следом за Амели. На сей раз девушки не метали друг в друга враждебные взгляды — все они ощущали волнение и предпочитали не расходовать энергию попусту.

Церемониймейстер громко объявил его королевское высочество, и герцог в парадной одежде вошел в зал. Когда он разместился в кресле на отведенном месте, церемониймейстер стал рассказывать о предстоящем невестам экзамене.

Один из магов будет создавать иллюзии чудовищ, а каждая из девушек должна этих чудовищ победить. Суть испытания была понятна, но церемониймейстер еще долго и пафосно пояснял смысл предстоящего действия.

Наконец, герцог Ламанский подал знак, и молодой маг, облаченный в ярко-синюю мантию, принялся делать таинственные пассы руками. Прошло несколько секунд, и на паркетном полу появился странный зверь, отдаленно похожий на медведя. Еще один взмах рукой, и зверь двинулся в сторону графини Моник.

Амели вздрогнула. Она понимала, что это — всего лишь иллюзия, но зверь казался таким реальным!

А вот де Карильен не растерялась. Ее руки тоже пришли в движение, и через минуту напротив рычащего медведя появился другой зверь — куда большего размера. Исход схватки был предрешен. Моник с улыбкой поклонилась, принимая в награду аплодисменты публики.

Тот же маг быстро изваял из воздуха еще одного медведя. Сражаться с ним настал черед Амели. Графиня де Карильен смотрела на нее с плохо скрытым любопытством.

Но она тоже не сплеховала. Сосредоточилась, прицелилась и метнула в него огненный шар. Зверь вспыхнул и исчез.

Следующей экзаменовалась Констанс — это дало Амели небольшую передышку. Принцесса разделалась с чудовищем сильнейшим вихрем, который унес медведя в распахнутые настежь двери.

И вот очередной зверь уже шел к дрожащей Элинор. Девушка выбросила вперед правую руку, устремляя поток энергии по нужной траектории. В ту же сторону направила свою магическую энергию и Амели. Она почти почувствовала, как два потока переплелись, многократно усиливаясь. Зверь превратился в глыбу льда.

И снова негромкие аплодисменты. Герцог Ламанский поднялся с кресла и наградил девушек благосклонной улыбкой. Их магические умения были признаны годными.

Его королевское высочество вышел из зала в окружении магов. Удалились и Моник с Констанс. А вот Амели, Элинор и герцог де Тюренн задержались.

— Дитя мое, у вас получилось! — старый маг пожал ей руку.

И племянница с жаром его поддержала:

— Ах, ваше высочество, даже не знаю, как вас благодарить! Мне кажется, даже его королевское высочество видел, как у меня дрожали руки. Должно быть, он подумал: «Ну, что за неумеха!»

Девушка впервые за этот день позволила себе улыбнуться.

— А если его высочество всё-таки заметил нашу хитрость? — спросила Амели.

— Возможно, — согласился маг. — Но раз он не отменил результаты испытания, значит, не счел нарушение правил слишком серьезным.

Они вышли из зала и из дворца. Погода стояла хорошая, и было приятно прогуляться по длинным зеленым аллеям дворцового парка. Когда Элинор отвлеклась, собирая цветы на лужайке, де Тюренн сказал, понизив голос:

— Значит, вы теперь можете приступить к поискам принцессы на законных основаниях. Я рад, что его королевское высочество не держит зла на Грету, но всё-таки предпочел бы вывести принцессу из дворца. Она должна прочитать «Подлинную историю Анагории» раньше, чем это сможет сделать кто-то другой.

Амели кивнула — она и сама была такого же мнения.

Элинор подбежала к ним с букетом в руках, и разговор перешел на обсуждение их соперниц по отбору. Девушки сошлись на том, что они терпеть не могут графиню де Карильен, а главной претенденткой на руку и сердце принца считают принцессу Констанс. Де Тюренн слушал их с улыбкой, в беседу не вмешивался. Многие их высказывания казались ему слишком легкомысленными. Они еще не понимали, что отбор — не игра.

18. Поиски принцессы

В тот же вечер Амели отправилась блуждать по коридорам дворца. Фернан следовал за ней молчаливой тенью. Иногда ей хотелось перебраться с ним хоть парой слов, но сделать это под настороженными взглядами дворцовой стражи было невыносимо.

Герцог отдал соответствующие распоряжения, и их пропускали в любые коридоры и комнаты. По лестнице для прислуги они спустились в винные погреба — такие огромные, что в них легко было заблудиться. Огромные бочки с вином, высоченные стеллажи с разложенными на полках бутылками.

— Ого! — воскликнул Фернан. — Я бы, пожалуй, посидел тут недельку. Вино здесь недурственное.

Но с погребами они разобрались довольно быстро — спрятаться там было негде. Стражники не ходили за ними по пятам, но Амели чувствовала, что они где-то рядом. Да и не верила она, что герцог Ламанский, позволяя им искать принцессу самостоятельно, не преследовал своих целей.

Фернан держал в руках банку с краской и кисточку — чтобы не запутаться, они отмечали пройденные коридоры. Факел с магическим кристаллом освещал дорогу, но в подвалах было так темно, сыро и холодно, что через пару часов Амели настолько замерзла, что ничего вокруг уже не замечала.

— Возвращаемся? — спросил Маршан.

Она кивнула.

Жюли встретила их горячим отваром из душистых трав. Она ни о чём их не спрашивала — всё было понятно и без слов.

— Не представляю, как вообще кого-то можно там найти. Уверен, эти коридоры были прочесаны уже много раз.

Фернан высказал то, о чем думала и сама Амели.

— Он прав, Жюли, — подтвердила она. — Если Грета не подаст нам знак, мы не сумеем их найти. И там ужасно холодно!

Горничная заплакала.

— Завтра мы попробуем снова! — упрямо сказал Фернан. — Только оденемся потеплее.

Но оба они уже понимали, что поиски бесполезны. Только не решались сказать об этом Жюли.

Когда горничная ушла, Фернан позволил себе развалиться в кресле.

— Эм, придумай что-нибудь! Ты же, вроде бы, ведьма!

В голосе его была насмешка, но Амели не обиделась. Меньше всего она чувствовала себя сейчас ведьмой. А какой самонадеянной она была, когда спускалась в подвал! Думала, стоит ей только там оказаться, как она тут же ощутит магию маленькой принцессы и сразу поймет, в какую сторону идти. Воображала, что она сильнее королевских магов, которые уже много дней безуспешно рыскали там.

Более того, наверняка принцессу искал и сам герцог Ламанский. И если уж он со своей драконьей сущностью не смог почувствовать маленькую драконицу, то что говорить про нее — ведьму-недоучку?

Она заплакала. Фернан тут же вскочил с кресла и оказался рядом с ней.

— Эм, ну что ты? Я же пошутил. Признаю — шутка оказалась неудачной.

А слёзы всё лились и лились. Фернан провел рукой по ее щеке.

— Эм, не плачь! Мы обязательно их найдем. Не знаю как, но найдем.

А она выдохнула прежде, чем успела об этом подумать:

— Поцелуй меня, пожалуйста!

И сама испугалась того, что сказала.

— Ого! — удивился он. — А мне не отрубят за это голову?

Но уже через секунду она почувствовала его губы на своих губах.

За свои двадцать три года она влюблялась дважды — о первой влюбленности она вспоминала с горьким недоумением (нет, ну надо же было быть такой дурой?), о второй — с затаенной грустью. И то, что она испытывала к Фернану сейчас, назвать любовью было невозможно.

Она не хотела чего-то большего. Ей вполне достаточно было вот этого, почти дружеского поцелуя — лёгкого как взмах крыла мотылька.

И она впервые подумала — как всё-таки хорошо, что он отправился в Анагорию вместе с ней. Пусть даже она в него не влюблена. Пусть даже он в нее не влюблен.

Вернулась Жюли, и Фернан покинул апартаменты.

Она плохо спала ночью. Ей снились подземелья дворца, ее бросало в дрожь, и она просыпалась.

Утром Жюли пришлось наносить на ее лицо толстый слой пудры, чтобы скрыть круги у нее под глазами. Но даже это не помогло.

— Вы плохо выглядите, ваше высочество, — поприветствовала ее за завтраком графиня Моник. — Уж не заболели ли? Если это так, советую вам отказаться от участия в отборе. Дальнейшие магические испытания могут ухудшить ваше состояние.

Она чуть наклонила голову:

— Благодарю вас, ваше сиятельство! Ваша забота о моем самочувствии так трогательна.

Графиня фыркнула, а баронесса Дюамель постаралась перевести разговор на другую тему.

— Милые девушки, завтра вам предстоит еще один экзамен. Советую вам хорошенько отдохнуть и выспаться. На сей раз за вами будут наблюдать не только герцог, но и его сын.

Принцесса Констанс восхищенно ахнула. Амели склонилась к уху Элинор:

— Вы уже были представлены принцу?

Та покачала головой:

— Нет, ваше высочество, никто из нас еще не видел принца. Герцог боится за безопасность сына и не позволяет тому выходить из крыла, которое охраняется магами, которым он особо доверяет. Думаю, принц будет наблюдать за испытанием из своих покоев.

— То есть, принца вообще никто не видел? — изумилась Амели. — Так стоит ли бороться за его благосклонность? Он может оказаться чудовищем!

Виконтесса грустно улыбнулась:

— Вы же понимаете, ваше высочество, что здесь сражаются не за принца, а за корону.

До обеда Амели снова сидела за книгами. Нашла небольшое заклинание, позволяющее уловить след чужой магии. Но рассчитывать, что оно сильно им поможет, не приходилось. Наверняка его знали и те, кто искал принцессу до них.

Зато уже за обедом она смогла опробовать его на практике. Она увидела яркую тонкую нить, что тянулась к ней от графини де Карильен. И это заметила не она одна.

Баронесса Дюамель нахмурилась и строго сказала:

— Напоминаю вам, милые девушки, что вы не имеете права применять магию друг против друга. Любая, кто нарушит это правило, будет исключена из участниц отбора.

Нить сразу оборвалась, а графиня закашлялась.

После обеда они с Фернаном снова спустились в подземелье. Еще несколько часов блужданий по мрачным коридорам. На сей раз она была в шубе из меха незнакомого зверя и ничуть не замерзла. Но сильно устала, и едва не прошла мимо нескольких корявых буковок «V», нарисованной углем в нижней части стены.

Она остановилась так внезапно, что шедший за ней Фернан едва не сбил ее с ног. Она приложила палец к губам и взглядом показала на отмеченный знаками камень.

Они тут же двинулись дальше — наверняка, кто-то из слуг герцога вместе с ними бродил по коридорам, стараясь держаться на расстоянии. И этот кто-то не должен был понять, что привлекло их внимание.

Они смогли поговорить, только вернувшись в апартаменты.

— Ты уверена, что это то, что мы ищем? — Фернан сомневался. — Если бы Грета хотела подать знак, то ей стоило выбрать более заметное место. Да и знак нужно было использовать другой — зачем так явно писать первую букву имени принцессы да еще и несколько раз?

— Ты не понял! — возразила Амели. — Дело вовсе не в Грете. Это не она оставила знак. Да и не знак это вовсе. Это написала сама Вероник! Думаю, Грета учит ее алфавиту. Она понимает, как важно, чтобы принцесса научилась читать как можно быстрее.

Фернан перевел взгляд на Жюли:

— Ваша сестра умеет читать?

— О да, — в голосе горничной проскользнула гордость. — Ее научила этому королева Вирджиния.

Он снова посмотрел на Амели.

— Вполне возможно, что ты права. Но даже если это так, то с тех пор, как девочка написала эти буквы на стене, могло пройти много времени. Возможно, сейчас они уже совсем в другой части дворца.

Но никаких других зацепок у них всё равно не было, и они решили вернуться туда на следующий день. И несмотря на то, что баронесса советовала девушкам пораньше лечь спать, Амели бодрствовала половину ночи. Она долго упражнялась в спальне перед зеркалом — восстанавливала свое умение становиться невидимой.

19. Испытание страхом

В полдень девушки под предводительством баронессы вышли в дворцовый парк, в самом центре которого был зеленый лабиринт. Стенами его служил высокий, аккуратно подстриженный кустарник с плотно переплетенными ветвями. И вход, и выход в лабиринт находились на одной лужайке, где уже расположились степенные маги, собравшиеся для оценки участниц.

— А если мы не сможем найти выход? — заволновалась принцесса Констанс.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, — улыбнулась баронесса. — Вас найдут. Но экзамен будет считаться проваленным. Во время этого испытания будут оцениваться ваши хладнокровие и умение идти вперед, несмотря ни на что.

Именно Констанс предстояло идти первой. Она окинула собравшихся испуганным взглядом, но всё-таки шагнула в узкий зеленый коридор.

Ее не было не больше получаса, но когда она вышла из лабиринта, она была не похожа на саму себя. На щедро напудренных щеках видны были дорожки слёз, еще недавно идеальная прическа растрепалась, а в глазах застыл страх.

Она вышла на лужайку, шатаясь, но едва осознала, что экзамен окончен, как вытянулась в струнку и подняла свою красивую голову. На соперниц она уже смотрела с заметным превосходством. Им еще только предстояло познакомиться с лабиринтом.

Настал черед Амели.

Внешне лабиринт не выглядел большим, но стоило оказаться внутри, и зеленый коридор показался бесконечным. Первые несколько шагов дались легко, но как только она сделала первый поворот, и за спиной уже была зеленая стена, а голоса с лужайки уже не доносились, вдруг сдавило виски и стало трудно дышать.

Не известно почему, но она вдруг вспомнила детство. Ей было лет пять, когда она заблудилась во время праздничного шествия в Эстене. Она отстала от старшей сестры, свернула с центральной улицы в незнакомый переулок, потом — еще в один. Когда она осознала, что рядом никого нет, то бросилась бежать. Споткнулась, упала, поранила коленки о булыжную мостовую.

По обе стороны высились дома, тогда показавшиеся ей огромными. И вот так же было тяжело дышать. Она закричала, заплакала. Никто не откликнулся — все жители были в центре Эстена, на площади.

С тех пор прошло восемнадцать лет, но ужас, охвативший тогда её, она помнила до сих пор.

Почему она подумала об этом сейчас? Между этими ситуациями не было ничего общего. Тогда она была ребенком и имела полное право паниковать.

На смену одному воспоминанию пришло другое, пятилетней давности. Она в Ницце. Ночью. На незнакомой улице в незнакомом районе. И пьяный парень в темной майке и рваных джинсах прижимает ее к каменной стене чужого дома. Сковало страхом горло.

Сковало тогда или сейчас? Она уже ничего не понимала.

А вот Анри д'Эстен на кровати — такой же белый, как простыни, весь в поту. А «скорая» всё не едет.

Она закричала. Ей не ответило даже эхо. Да и кто мог услышать её в этом пугающем зеленом лабиринте?

Она упала на траву, сжалась в комок, затряслась, пытаясь прогнать воспоминания.

Высоко над головой голубело небо. И этот видимый ей лазоревый кусочек подействовал на нее отрезвляюще.

Она по-прежнему лежала на траве, но ее уже отпустил страх.

Да, вот оно что! Это был лабиринт, питавшийся страхами того, кто в него попал.

Как только она поняла это, сразу стало легко дышать. Она поднялась, отряхнула платье от прилипших к нему травинок, поправила прическу. Неприятные воспоминания упрямо лезли в голову, но она старалась думать о хорошем.

Вот ее родной дом в Эстене — небольшой, старый, но самый лучший. Вот свадьба Доминик, и ее сестра в белоснежной фате, с сияющим от счастья лицом. А вот ее картины в уютной парижской галерее.

Так, с улыбкой на лице, она и вышла из лабиринта. Почувствовала пытливый, острый, как меч, взгляд принцессы Констанс — только та сейчас могла понять ее чувства.

Но шагнула Амели не в ее сторону, а в сторону графини Моник. Той предстояло идти на экзамен последней, и сейчас она стояла в одиночестве в отдалении от магов.

— Когда окажетесь в лабиринте, — она зашептала чуть слышно, — постарайтесь отбросить неприятные воспоминания — именно страх мешает найти дорогу.

Брови Моник сошлись над переносицей, в глазах застыло недоумение. Не поверила? Ну, что же, пусть разбирается сама.

Жаль, что она не могла помочь Элино́р — племянница герцога де Тюренна вошла в лабиринт сразу же, как только Амели вышла из него — они не успели обменяться даже взглядами.

Виконтессы не было больше часа — и девушки, и маги, и баронесса уже занервничали. Но, наконец, раздался шелест, и бледная растрепанная Элино́р, с трудом сдерживая рыдания, рухнула на траву на лужайке.

Амели бросилась к ней, помогла подняться.

— Зачем они сделали это? — в глазах виконтессы всё еще плескался страх. — Это слишком жестоко!

Амели обняла ее, и та заплакала, уткнувшись в ее плечо. Баронесса посмотрела на девушку с жалостью, но ничего не сказала. Интересно, бывала ли она сама в лабиринте?

И бывали ли в этом лабиринте те, кто придумал для них такое испытание?

Меньше всего времени на прохождение лабиринта потратила Моник — она вышла оттуда уже через пятнадцать минут — невозмутимая и элегантная до кончиков ногтей. Одарила всех привычной холодноватой улыбкой.

Баронесса после недолгого совещания с магами объявила:

— Результаты испытания признаны удовлетворительными. Вы можете удалиться в свои апартаменты или продолжить гулять по саду. Через два дня состоится небольшой прием, на котором будут оцениваться не ваши магические способности, а ваше знание этикета и умение танцевать. Надеюсь, вы понимаете, насколько это важно для королевы? Поэтому советую посетить дворцовую библиотеку и позаниматься с учителем танцев, — и для усиления эффекта добавила: — Возможно, на приеме будет сам принц!

Баронесса предложила Элино́р проводить ее до комнаты, и та не отказалась. Следом за ними ко дворцу пошла и Констанс.

— Ваше высочество, позвольте узнать, чем я обязана вашей помощи? — графиня де Карильен преградила Амели дорогу. — Признаться честно, я немало удивлена. Я даже думала, ваша подсказка имела цель меня запутать. Хотя какая разница? Благодарю за совет. Но если вы думаете, что это побудит меня в ответ помочь вам при следующих испытаниях, то вы заблуждаетесь.

Она смотрела с вызовом, но Амели не была расположена к ссоре.

— Ну, что же вы молчите, ваше высочество? Да, вы можете считать меня неблагодарной, но на этом отборе решается слишком многое, чтобы можно было позволить себе

проявлять дружелюбие. Мы все здесь соперницы, и тот, кто не понимает этого, проиграет!

Амели пожала плечами. Если Моник и Констанс загрызут друг друга в этой схватке, она не будет против. Но сама она не готова была сражаться за руку и сердце принца.

20. След принцессы

Утром Амели была разбужена шумом в соседней со спальней комнате.

— Простите, ваше высочество, но там пришел ваш секретарь месье Маршан и требует аудиенции, — в голосе Жюли проскользнуло неодобрение — она привыкла соблюдать субординацию, и отношение Фернана к герцогине казалось ей недостаточно почтительным.

Должность секретаря показалась Амели более подходящей, чем должность пажа или камердинера (тем более, что камердинер, кажется, мог быть только у лица мужского пола).

— Требуется? — зевнув, переспросила она. — Ну, что же, я сейчас выйду.

Но утренний туалет в Анагории занимал гораздо больше времени, чем в ее родном Эстене. Она не могла позволить себе выйти к гостям (даже если гостем был всего лишь Маршан!) без приличных прически и платья.

— Ваше высочество, — бросился к ней Фернан, едва она появилась на пороге гостиной, — не слишком-то вы торопились!

Жюли поджала губы, осуждая подобное поведение. Но забыла о своих манерах, стоило Маршану продолжить.

— Мне кажется, я напал на след принцессы.

— О, месье! — горничная едва не выронила из рук поднос, на котором стояли чашка чая, пирожное и тарелка с чем-то похожим на кашу — завтрак герцогини.

— Нет-нет, — Фернан предупредительно вскинул руку, — восторги пока преждевременны. Я всего лишь отыскал кончик ниточки, которая может привести нас к вашей сестре.

Амели опустилась в кресло и разрешила Маршану присесть на канapé. Жюли поставила поднос на столик. Завтракать в присутствии секретаря, возможно, было нарушением этикета, но Амели была голодна и потому проглотила немного вязкой, похожей на кашу субстанции.

— Скажите, Жюли, как зовут лакея, который сбежал с Гретой и принцессой? — спросил Фернан.

— Натанэл, — пролепетала горничная.

— Именно! — подтвердил Маршан.

Амели и Жюли непонимающе переглянулись. А Фернан, между тем, откусил огромный кусок от пирожного и сделал глоток из чашки Амели.

— Не беспокойтесь, сударыни, я сейчас всё объясню! — он доел пирожное и допил чай, ничуть не беспокоясь о своей вопиющей наглости. — Прежде всего, я подумал, что копчености, сыр и вино — не самая лучшая пища для маленькой девочки. А ничего другого в погребах нет. И ваша сестра не могла этого не понимать. Даже если они взяли с собой несколько караваев хлеба и каких-нибудь фруктов и овощей, то эти запасы должны были закончиться через несколько дней. И Грета наверняка об этом подумала. А иначе ей давно бы уже пришлось выйти с вами, Жюли, на контакт. Я, конечно, не знаю, что едят эти ваши драконы, но уверен, что маленькая дракоша на одних окороках и сыре с плесенью долго не протянет.

Жюли всхлипнула.

— Еще минутку внимания, мадам, — подмигнул ей Фернан. — Так вот — всё это привело меня к мысли, что Грета и ее кавалер перед побегом должны были на всякий случай заручиться поддержкой кого-то из слуг.

Такая мысль показалась Амели вполне здравой.

— Нет, месье! — вскрикнула Жюли. — Если бы это было так, сестра обратилась бы ко мне!

Но Маршан с ней не согласился.

— Это было бы безумием, Жюли! Наверняка, всё это время за вами следили слуги герцога и продолжают следить до сих пор. Да и как вы, не вызывая подозрений, смогли бы пойти в подвал? Нет, для этой цели Грета и Натанэл должны были выбрать кого-то, чьи походы в погреб казались бы вполне объяснимыми.

— Это должен был быть кто-то, кто работает на кухне! — сообразила Амели.

— Точно! — взглядом похвалил ее Фернан. — Повара и поварята каждый день ходят в погреб за продуктами.

— Но почти всю прислугу во дворце заменили — как раз после побега Греты, — сказала Жюли.

— Почти, но не всю, — кивнул Маршан. — Я уже несколько раз бывал на кухне — пришлось прикинуться обжорой, которому не хватает пищи на общих обедах и ужинах. Так вот — одного из поваров зовут Кадернэл, и он как раз — один из тех немногих, кто работал тут еще при прежнем короле. И если все остальные работники кухни отнеслись ко мне весьма дружелюбно, то как раз он при моем появлении всякий раз напрягается.

— Натанэл, Кадернэл, — задумчиво произнесла Амели. — Весьма похожие и необычные имена. Может быть, они — из одного региона?

— Вы не ошиблись, ваше высочество, — просиял Фернан. — Насколько я сумел узнать, это именно так! Кому, как не земляку, мог довериться Натанэл перед побегом?

— Почему же этого Кадернэла не прогнали вместе с остальными слугами? — удивилась Амели. — Наверняка, он одним из первых должен был вызвать подозрения.

Жюли могла ответить на этот вопрос:

— Его и прогнали, ваше высочество! Но быстро вернули назад. Он слишком хороший повар! Никто лучше него не умеет готовить отвар из каштанов. А вы же знаете, что для превращения в драконов членам королевской семьи нужно пить этот отвар как можно чаще. А Кадернэл и суп из каштанов варит такой, что пальчики оближешь, и каштановые пирожные печет!

Амели вспомнила пирожные с жареными каштанами, что подавали недавно на ужин, и сглотнула слюну.

— Значит, ты думаешь, что повар Кадернэл носит еду нашим беглецам? Но это же слишком опасно! Он тоже может вывести стражу на след!

— Может, — не стал спорить Фернан. — Но думаю, он просто оставляет съестное в условленном месте, а они забирают еду, только убедившись, что за ним никто не следил.

— Ты разговаривал с ним?

Маршан хмыкнул:

— Как вы себе это представляете, ваше высочество? Где я мог бы с ним поговорить? Да, я бываю на кухне, но там всегда полным-полно народа. К тому же, его наверняка не единожды допрашивали слуги герцога, и если он ничего не сказал им, то с чего бы ему открываться передо мною? Нет, ваше высочество, если уж кто и сумеет разговорить его, то только вы. Вы — названная сестра погибшего короля, и никто не усомнится, что вы действуете в интересах его дочери.

— Пожалуй, ты прав, — признала Амели. — Но не могу же я сама пойти на кухню? Нам ни к чему привлекать внимание к этому человеку.

— Конечно, не можете, — согласился Фернан. — Вам нужно пригласить Кадернэла к себе в апартаменты. Но только сделать это нужно по-хитрому. Я разузнал — сегодня на

обед вам как раз подадут суп из каштанов. Сделайте вид, что он привел вас в восхищение, а потом потребуйте к себе повара, который его приготовил. Насколько я понимаю, каштаны — это единственный продукт, который в Анагории должна уметь готовить даже королева.

Суп из каштанов и вправду оказался восхитительным, и Амели даже не пришлось делать вид, что он ей понравился. Она изъявила желание поговорить с поваром, который его приготовил.

— Ваше высочество! — наморщила носик графиня де Карильен. — Невеста принца не может разговаривать с человеком, который пахнет перцем и корицей!

Ни она, ни принцесса Лабраденская понятия не имели, как много значат каштаны для королевской семьи Анагории.

А вот баронесса Дюамель порыв Амели вполне одобрила.

— Это разумно, ваше высочество. Я пришлю повара в ваши апартаменты, — и вздохнула: — Как жаль, что на нынешних отборах невест уже нет кулинарных испытаний.

Повар пришел через час после обеда. Он переступил порог и застыл, смущенно потупив взор.

— Прошу вас, проходите, — поприветствовала его Амели. — Как вас зовут, месье?

— Кадернэл, ваше высочество, — голос его звучал чуть слышно, хотя сам он был высок и могуч.

— Какое красивое имя! — она постаралась изобразить беспечную улыбку. — Никогда прежде такого не слышала.

Повар чуть расслабился, хотя и не отошел от порога ни на шаг.

— Благодарю вас, ваше высочество. В наших местах это самое обычное имя.

Фернана Маршана в гостиной не было — они решили, что в его присутствии Кадернэл окажется менее разговорчивым.

— Это я хотела бы поблагодарить вас, месье Кадернэл, — еще более благожелательно улыбнулась Амели. — Блюда, которые вы готовите, просто поразительны!

Мужчина еще больше смутился, и его широкое лицо покраснело.

— Благодарю вас, ваше высочество, — повторил он.

Амели решила, что пора переходить к тому, ради чего они его пригласили.

— Месье Кадернэл, позвольте спросить вас, а не из ваших ли мест лакей Натанэл, который исчез вместе с принцессой Вероник? — задавая вопрос, она смотрела на повара в упор.

Он покраснел еще больше. Но не произнес ни слова. И ей пришлось снова спросить:

— Вы поняли мой вопрос, месье Кадернэл?

Он промычал что-то неразборчивое.

— Месье Кадернэл, я дам вам пару минут на раздумья. А пока хочу рассказать вам кое-что о себе. Может быть, вы не знаете, но я — сестра его величества Роланда Седьмого и подруга ее величества Вирджинии. И я вернулась в Анагорию, чтобы помочь принцессе Вероник.

Он закивал, пытаясь спрятать за спину дрожащие руки.

— Меня пугает, месье Кадернэл, что девочка вынуждена скитаться и голодать, в то время, как она имеет полное право жить во дворце. У меня есть основания предполагать, что дворец она и не покидала. Вы только представьте, месье Кадернэл, каково ребенку

находиться в подвалах на протяжении стольких недель?

Плечи мужчины опускались всё ниже и ниже.

— А если вы не доверяете мне, то вот сестра Греты — Жюли. Она тоже всем сердцем хочет помочь маленькой принцессе. Понимаете, месье Кадернэл, рано или поздно беглецам придется выйти из подвала. В чьи руки они попадут? А сейчас есть возможность отвезти девочку в безопасное место, но для этого нужно поговорить с Натанэлом или Гретой.

Повар по-прежнему молчал.

— Если с принцессой Вероник что-то случится, а вы, месье Кадернэл, будете знать, что имели возможность помочь ей, но не помогли...

Мужчина дернулся как от удара.

— Но я помогаю ей, ваше высочество! — почти выкрикнул он.

И тут же снова замолчал, должно быть, ругая себя за несдержанность.

— Месье Кадернэл, я сразу поняла, что вы — добрый и надежный человек! — метнулась к нему Амели. — Я знаю, вы не выдадите принцессу дворцовой страже. Но мы с Жюли не имеем к герцогу Ламанскому никакого отношения. Мы тоже хотим защитить девочку и найти убийц ее родителей. Так помогите нам, месье Кадернэл. А мы обещаем, что о вашем участии в этой истории никто не узнает.

Он колебался, и выражение его лица несколько раз менялось — на нем промелькнуло всё — от отчаяния до надежды.

— Я хотел бы вам верить, ваше высочество, — наконец, сказал он. — Но это — не моя тайна!

— Послушайте, месье Кадернэл, — Амели начала терять терпение. — Вы уже невольно подтвердили, что помогаете принцессе Вероник. У нас есть основания полагать, что вы носите еду в погреба. Но неужели вы думаете, что ваши походы туда останутся незамеченными? Не сегодня, так завтра кто-то из стражи заметит ваши маневры, и что тогда? Они проследят за вами и поймут Грету и Натанэла.

Он не стал упираться.

— Да, ваше высочество, — его голова горделиво поднялась. Он решил признаться, что помогает делу, которое считает правым, — я ношу еду для маленькой принцессы. Совсем немного — только то, что можно спрятать в карманах куртки — хлеб, вареные яйца и маленькие бутылочки молока. Но даже если стража проследит за мной, они не смогут увидеть принцессу. Даже я не знаю, где находятся ее высочество и Грета с Натанэлом. Я просто оставляю еду в винном погребе. Там есть небольшой тайничок в стене. Кто и когда забирает ее, я не знаю. Мы специально уговорились делать именно так — чтобы я не смог выдать их.

— Это разумно, — похвалила Амели. — Но вам и не нужно никого выдавать. Я напишу записку Грете, а вы просто оставите ее вместе с хлебом в тайнике. Если Грета поверит мне, она придет на встречу в назначенное место. А если нет...

Об этом варианте думать ей не хотелось. Действовать нужно было быстро — на предстоящий бал должны были прибыть гости, в числе которых ожидался и герцог де Туренн. Лучшего случая незаметно вывезти Вероник из дворца могло и не появиться.

21. Подготовка к балу

На следующий день за обедом все разговоры сводились к предстоящему балу.

— Ох, я так волнуюсь, так волнуюсь! — сообщала принцесса Лабраденская каждые пять минут. — А мое новое платье еще не готово! Здешние портнихи удивительно нерасторопны!

— И не говорите! — вторила ей графиня де Карильен. — Если я стану королевой Анагории, то привезу швей из Каринии. Эти совсем не умеют работать. Одна из них едва не испортила мое кружево!

— Милые девушки, — попыталась образумить их баронесса Дюамель. — Это вовсе не бал, а всего лишь небольшой прием! Да, ожидаются гости, и будут танцы, но...

Моник фыркнула:

— Не станете же вы утверждать, ваша милость, что на приеме мы можем позволить себе выглядеть менее ослепительными, чем на балу? Тем более, что нам впервые предстоит увидеться с принцем! Или вы считаете, что мы можем придти на прием в старых платьях? Это будет вопиющим неуважением к их высочествам!

Баронесса не осмелилась возразить. Амели тоже не стала вмешиваться в спор. Ее волновало совсем другое. После ужина они с Фернаном намеревались совершить очередную вылазку в подвал.

— Ваше высочество, я не стала говорить за обедом, но я тоже ужасно волнуюсь, — поделилась своими переживаниями по дороге к апартаментам виконтесса де Леруа. — Знакомство с принцем — это так важно! А если мы не понравимся ему? Думаю, он может выгнать с отбора любую из нас безо всяких испытаний. Уверена, он сочтет меня недостаточно знатной, чтобы быть его женой.

Голос девушки то и дело срывался, и Амели ободряюще пожала ее руку.

— Не думайте об этом, Элинор! Вы непременно понравитесь принцу!

Но та только вздохнула:

— Ох, ваше высочество, спасибо вам за поддержку. Но я же понимаю, что я совсем не так красива как вы или принцесса Лабраденская. И громкого титула у меня нет. Что же во мне может понравиться принцу?

Виконтесса была такой расстроеной, что Амели предпочла перевести разговор на другую тему:

— Я слышала, что в числе гостей будет и ваш дядя. Надеюсь, в его присутствии вы приободритесь.

— О, да, — постаралась улыбнуться Элинор. — Я тоже на это надеюсь. Но знаете, ваше высочество, я ужасно боюсь, что принц пригласит меня на танец, а я сделаю что-нибудь не так. Забуду фигуру или наступлю ему на ногу.

В своих апартаментах Амели застала увешанную кружевом и лентами портниху — ей тоже, как и остальным невестам, надлежало обзавестись к приему новым нарядом. Она терпеливо выдержала примерку. В отличие от принцессы Лабраденской и графини де Карильен, у нее к анагорийским швеям не было претензий. Платье получилось красивым.

Едва ушла портниха, пришел Фернан.

— Тебе не кажется, что наш новый визит в винный погреб может показаться страже подозрительным?

— Кажется, — подтвердила она. — Поэтому сегодня ты пойдешь совсем в другую сторону. Но пойдешь не со мной, а с Жюли!

— С Жюли? — изумился Маршан.

— Ну, да, она наденет мое платье. У нас примерно одинаковый рост, а на лицо она опустит вуаль. Если ты хорошо сыграешь свою роль, никто не усомнится, что ты сопровождаешь герцогиню Лангедокскую.

— Но к чему этот маскарад? Я понимаю, мы отвлечем внимание шпионов, но что ты собираешься делать в это время? Пойти в винный погреб в одежде Жюли? Это будет еще более подозрительным. Не сомневайся, во дворце достаточно шпионов, чтобы проследить и за твоей горничной.

Желание поразить его своим умением становиться невидимой было так велико, что Амели пришлось ущипнуть себя за руку. Нет, она еще не готова была выдать Фернану все свои секреты. Вместо этого она сказала:

— Я постараюсь что-нибудь придумать.

— Хорошо, — не очень охотно согласился он. — Но я не хочу, чтобы ты разгуливала по подвалам без сопровождения. Это слишком опасно!

В голос его звучала неприкрытая тревога, и у Амели потеплело на сердце. Как, оказывается, важно знать, что о тебе кто-то беспокоится!

— Я — ведьма, Фернан, — напомнила она.

Перед ужином ей надлежало еще посетить танцевальный зал, и она отправилась туда без особой охоты.

Учитель танцев (довольно милый молодой человек) отвесил комплимент ее умению танцевать, и она невольно вспомнила месье Монтегю. За те пять лет, что она провела вне Анагории, новых бальных танцев не появилось, и ей потребовалось лишь повторить уже известные ей па.

А вот Элинор действительно много ошибалась — начинала движение не с той ноги, сбивалась с ритма. И к концу урока ее лицо было залито слезами.

— Вы видели, ваше высочество, какая я неловкая. Если принц решит отправить меня домой, то будет совершенно прав.

Утешать виконтессу Амели было некогда и, посоветовав той еще немного потренироваться, она выбежала из зала.

Полчаса ушло на то, чтобы нарядить Жюли в элегантное платье и подобрать к нему эффектную шляпку с вуалью, и еще полчаса — чтобы убедить ее, что она выглядит как настоящая герцогиня.

— Старайся идти неторопливо и не обращай внимания на то, что происходит вокруг. Вряд ли на лестнице и в коридорах для прислуги вы встретите кого-то, с кем надлежало бы поговорить. Если потребуется объяснить что-то лакеям или страже, то это сделает Фернан. Погуляйте по дворцу часика два. Надеюсь, за это время я встречу с Гретой. А может быть, даже с Вероник.

— Будь осторожна, — шепнул ей на ухо Фернан.

Она подождала минут пятнадцать, а потом подошла к зеркалу, сосредоточилась, произнесла заклинание и убедилась, что еще не разучилась становиться невидимой.

Стараясь двигаться бесшумно, она выскользнула в коридор, повернула за угол и вышла на лестницу, которой пользовались лакеи и горничные. На ней было надето самое простое из ее платьев — широкие юбки не позволили бы разойтись со встречными на узкой лестнице. На пути ей попала незнакомая горничная, и ей пришлось плотно прижаться к стене, чтобы не столкнуться с девушкой. Сердце запрыгало в бешеном ритме.

Ей казалось, она хорошо запомнила дорогу в винный погреб, но всё равно заплутала и пришла к месту встречи с опозданием в десять минут. В качестве ориентира она указала

в записке огромную бочку, отмеченную знаком дракона (должно быть, там было самое лучшее вино).

В погребе было темно, и только в нескольких местах светились слабые магические фонари. Амели подошла к бочке, огляделась. На всякий случай отступила в темноту. Тихонько позвала: «Грета!»

Услышала шорох справа.

Ответили ей так же шепотом:

— Ваше высочество, я здесь.

Она сделала шаг по направлению к источнику звука. Постаралась в сумерках увидеть в зеркальце, которое взяла с собой, свое лицо. Убедилась, что вновь стала видимой.

— Ох, ваше высочество, — девушка выступила из темноты, и Амели вздрогнула, — я так боялась, что это — ловушка.

За пять лет сестра Жюли повзрослела. Если бы Амели встретила ее во дворце, то ни за что бы не узнала. Впрочем, она и видела ее лишь однажды.

— Не волнуйся, дорогая Грета, это на самом деле я.

— Ох, ваше высочество, — девушка приблизилась к ней почти вплотную, и она почувствовала, как дрожит ее худенькое тело, — я так рада, что вы пришли! Принцессе нужна помощь, а мы никому не можем доверять. Мы не можем выбраться из дворца и не можем обратиться к герцогу Лабраденскому — во всяком случае, пока ее высочество не прочтает книгу. А она еще только-только выучила буквы и, боюсь, еще не скоро сможет складывать их в слова. Но я учу ее — каждый день. А «Подлинную историю Анагории» мы спрятали в укромном месте — даже если люди герцога нас найдут, то хотя бы без книги. Принцесса еще маленькая, но уже многое понимает. Она знает, что должна вести себя тихо как мышка. Она ест всё, что мы ей даем, и не жалуется на холод.

Амели с трудом сдержала слёзы. Она еще не была знакома с принцессой Вероник, но уже любила ее.

— Завтра во дворце состоится прием, на который придут много гостей. Среди них будет и герцог де Тюренн. Надеюсь, он сможет вывезти принцессу в своей карете. Но вы же понимаете, Грета, что вам и Натанэлу придется пока остаться здесь.

Девушка кивнула без раздумий:

— Конечно, ваше высочество. Главное, чтобы принцесса Вероник была в безопасности. Герцог научит ее читать, а к тому времени вы придумаете, как вывезти из дворца и книгу.

Они условились встретиться у этой же бочки через день на рассвете — уже после бала. Амели подождала, пока Грета скроется в темноте, и снова прочитала заклинание невидимости. До апартаментов она добралась без приключений.

Вскоре после нее вернулись и Фернан с Жюли. Горничная была белой от страха. Но их прогулка тоже оказалась успешной. Никто не заподозрил подмену — стража пропускала их повсюду без лишних вопросов.

До полуночи они делились впечатлениями и впервые за много дней смеялись.

22. Бал

И несмотря на то, что баронесса упорно утверждала, что вечером состоится не бал, а всего лишь прием, между собой девушки называли его исключительно балом.

— Будет ли принц на балу? — уточнила за обедом графиня де Карильен.

Девушки замерли, ожидая ответа. Даже Амели замерла. Замужество ее пока интересовало мало, но принца столь тщательно скрывали, что его личность взбудоражила и ее воображение.

— Да, — наклонила голову баронесса, — если не случится ничего непредвиденного, то его высочество посетит приём.

Щеки невест порозовели, а Элинор даже охнула.

— А если на балу мы получим приглашения на танцы от других мужчин, — спросила принцесса Лабраденская, — позволительно ли нам будет с ними танцевать?

— Хороший вопрос, — похвалила ее баронесса. — Мы специально обсуждали его с герцогом. Да, это позволительно. Более того, это — возможность продемонстрировать всем гостям и самому принцу ваше танцевальное мастерство. Но, разумеется, танцевать более одного танца с одним и тем же мужчиной недопустимо.

— А нужно ли нам будет демонстрировать на балу наши магические способности? — любопытствовала виконтесса де Леруа.

— Что вы!!! — баронесса Дюамель замахала руками. — Ни в коем случае! Для этого будут отдельные испытания. А на этом приеме вы должны показать совсем другие умения. Надеюсь, ваши наряды готовы?

Графиня Моник негодуя хмыкнула, но всё-таки промолчала.

Гости стали прибывать во дворец ближе к вечеру. И по обилию карет, подъезжавших к крыльцу, было понятно, что прием будет отнюдь не маленьким.

— Ах, ваше высочество, вы, наконец, увидите принца! — волновалась Жюли, укладывая волосы хозяйки в замысловатую причёску.

Амели хмыкнула:

— Принцы бывают непременно прекрасными только в сказках. Может быть, этот окажется чудовищем — не зря же его скрывали столько времени.

— Ох, ваше высочество, — горничная неодобрительно покачала головой, — вы не должны так думать! И я не понимаю, почему вы не хотите надеть на прием ваши восхитительные изумруды. Они бы так подошли к вашему платью!

Она, действительно, предпочла надеть бриллиантовое кольцо, хотя имела полное право носить драгоценности, дозволенные лишь членам королевской семьи Анагории. Но появиться в изумрудах на приеме, где герцог Ламанский и его сын впервые предстанут в качестве первых лиц государства, показалось ей некорректным. Наверняка, они захотят быть единственными, кто наденут изумрудные знаки отличия в этот вечер.

Впрочем, бриллианты тоже смотрелись роскошно.

Девушки появились в тронном зале уже после того, как он наполнился гостями. Они входили туда по одной — как только распорядитель объявлял их титулы.

К ним было приковано особое внимание, гости — и мужчины, и женщины, — разглядывали их оценивающе, с нескрываемым любопытством.

Последним появился герцог Ламанский в серебристо-зеленом наряде. Гости приветствовали его поклонами и реверансами. Принца с ним не было, и разочарованный вздох прокатился по залу.

Впрочем, обсудить этот факт собравшиеся не успели — заиграла музыка. Открыть танцевальный вечер выпала честь графине де Карильен — именно ее пригласил хозяин дворца. Моник вышла в центр зала, сверкая торжествующей улыбкой.

После того, как главная пара сделала круг, к танцующим присоединились и другие гости.

Амели пригласил высокий статный офицер-карионец. Он был надежен как скала, но довольно неловок.

— Простите мою неуклюжесть, ваше высочество, — то и дело извинялся он. — Я чаще бываю на поле боя, чем на балах.

Она охотно простила — на ноги он ей не наступал, а всё остальное не имело значения.

В следующем танце она кружилась по залу с элегантным вельможей в напудренном парике. Он мог бы показаться симпатичным, если бы не надменное выражение, словно маска застывшее на его лице.

— Ваше высочество, — обратился он к ней после первого же па, — хочу заверить вас в своем совершеннейшем к вам почтении. Ваша красота ослепительна, и вы заслуживаете короны королевы как никакая другая из присутствующих здесь дам. Но на случай, если его высочество всё-таки решит по-другому, осмелюсь предложить на роль вашего жениха свою скромную кандидатуру. Надеюсь, ваше высочество не сочтет это за дерзость. Мой род достаточно знатен.

Амели чуть наклонила голову, подтверждая, что услышала его предложение. Она не сомневалась, что за время бала он повторит эти слова каждой из невест.

Она не была любительницей столь чинных танцев и, чтобы избежать очередного приглашения, вышла на балкон. Туда же спустя несколько минут пришел и герцог де Тюренн.

— Ваша светлость, как я рада, что вы приехали! Нам столько всего нужно обсудить.

Он поднес палец к губам, давая понять, что и у стен есть уши. Она перешла на шепот:

— Ваша светлость, когда вы отбываете домой?

Старый маг растерянно улыбнулся:

— Должно быть, завтра утром, дитя мое, — как и большинство гостей. Если, конечно, герцог Ламанский не пожелает особо обсудить со мной какие-нибудь вопросы.

— Скажите, ваша светлость, если вдруг до вашего отъезда мы найдем принцессу Вероник, сможете ли вы вывезти ее из дворца?

Он вздрогнул и посмотрел на нее с надеждой.

— Вы нашли ее высочество?

Она покачала головой:

— Еще нет. Но мы отыскиали ее след.

Рассказывать подробности было не время и не место. Маг заволновался.

— Всё не так просто, дитя мое! Прошлый раз, когда я уезжал отсюда, моя карета подверглась тщательному осмотру. Насколько я понял, согласно указу герцога, досматривают всех, кто выезжает из дворца.

— О, нет! — Амели пошатнулась. — Что же нам делать?

— Не знаю, ваше высочество, — в голосе старика была слышна горечь. — Я много думал об этом. Я даже поговорил с магом, который ранее обучал принцессу заклинаниям и знает об ее способностях. Я читал в старинных книгах, что есть такое умение — становиться невидимым, и подумал, что, может быть, девочка обладает им. Но нет, это

слишком редкий дар — на протяжении нескольких столетий он не проявился ни у кого из анагорийцев.

Амели закашлялась, и де Тюрэнн легонько похлопал ее по спине.

— Боюсь, ваше высочество, есть только один выход — принцессу нужно как можно быстрее научить читать. Тогда она сможет сообщить нам, что написано в «Подлинной истории Анагории» о гибели ее родителей. Ну, а после этого мы либо доверимся герцогу Ламанскому, либо вынуждены будем сплотиться, чтобы противостоять ему.

Звучало это неутешительно, и Амели было страшно представить, сколько еще недель девочка вынуждена будет провести в холодных погребках, прежде чем Грета сумеет научить ее собирать буквы в слоги, а слоги — в слова.

— Кстати, ваша светлость, вы не знаете, почему герцог Ламанский появился на балу один? Нам говорили, что сегодня мы сможем познакомиться и с принцем.

Старик развел руками:

— Для меня это такая же загадка, как и для вас, ваше высочество.

Музыка смолкла, и они поспешили вернуться в зал. И оказались там как раз вовремя, чтобы услышать, как распорядитель громким голосом объявил:

— Его высочество наследный принц Анагории Армэль!

23. После бала

Наследный принц был высок, красив (его портила разве что чрезмерная бледность) и оказался несколько моложе, чем представляла себе Амели. Внимание всех переключилось на него одного, и в воцарившейся в зале тишине был слышен каждый его шаг. Он подошел к отцу, поприветствовал его едва заметным наклоном головы и огляделся.

По знаку герцога Ламанского снова заиграла музыка. Но никто не начал танцевать. Сейчас на паркет с партнершей должен был выйти именно принц Армэль. Но он не спешил, отыскивая цепким взором своих невест, находившихся в разных концах зала.

Вот он посмотрел на яркую графиню Моник в розовом платье, в рубинах. Вот — на Амели в кремовом наряде с бриллиантами. Вот — на одетую в голубое и сапфиры Констанс. И, наконец, — на Элинор в лиловом платье и александритах.

Придворные застыли, ожидая его решения. Это еще не был выбор невесты, но выбор первой партнерши для танца тоже значил немало. Девушки тоже стояли, не шелохнувшись. Даже Амели почувствовала непонятное волнение.

После минутного размышления принц двинулся в сторону принцессы Лабраденской. Гости зашущукались, должно быть, пытаюсь определить, обусловлен ли этот выбор сиюминутно возникшим желанием или более серьезными чувствами.

Констанс присела перед принцем в глубоком реверансе, а потом положила свою тонкую белую руку на его ладонь.

Они смотрелись вместе восхитительно — этого Амели не могла не признать. Оба двигались так грациозно, что, казалось, они порхали не по паркету, а по воздуху — как две прекрасные бабочки. При этом они непринужденно разговаривали, и на их лицах сияли улыбки.

— Он пригласил ее первой лишь потому, что она — дочь короля Лабрадени, — услышала Амели голос Моник у своего уха.

Чтобы посплетничать, графиня де Карильен не поленилась пройти через весь зал.

— Вы — тоже дочь короля, — напомнила Амели. — И Кариния ничуть не менее могущественна, чем Лабраденция.

Моник фыркнула:

— Ах, ваше высочество, не делайте вид, что не понимаете разницы. Между законной и незаконной дочерьми — целая пропасть. Нет, можете мне поверить — на следующий танец он пригласит вас, потом — меня, и только потом — бедняжку Элинор.

Руководствовался ли принц именно такими доводами, или это было случайным совпадением, но следующий танец достался именно ей, Амели.

— Рад познакомиться с вашим высочеством, — любезно начал разговор принц Армэль. — Я имел счастье наблюдать за вами и раньше — когда вы гуляли в саду, — но с нетерпением ждал момента, когда мы будем представлены друг другу.

— Вы очень добры, ваше высочество.

Они обменялись еще парой вежливых фраз, и разговор затух. Ни он, ни она не посчитали нужным искать тему для беседы и кружили по залу в молчании. И когда танец закончился, Амели ощутила облегчение. Ручаться за принца она не могла, но была почти уверена, что он испытывает те же чувства, что и она сама.

Наблюдая за принцем во время его танца с Моник, она заметила, что говорила, в основном, именно графиня, а Армэль отвечал коротко. И хотя с лица его всё это время не сходила вежливая улыбка, была она отнюдь не такой лучистой как тогда, когда его партнершей была Констанс.

Нет, она не была расстроена этим. Даже хорошо, если принц уже сделал свой выбор.

Принцесса Лабраденская была мила, и она с детства воспитывалась как подобает особе голубой крови, что немаловажно для будущей королевы.

Амели беспокоилась лишь о том, что отбор закончится раньше, чем они придумают, как помочь маленькой Вероник. И если всех несостоявшихся невест попросят покинуть дворец, то будут ли их досматривать так же, как и остальных гостей, или проявят к ним чуть больше уважения?

Она настолько погрузилась в свои мысли, что пропустила танец принца с Элинор, и опомнилась только тогда, когда сама виконтесса подошла к ней с вопросом.

— Ваше высочество, как вам понравился принц Армэль? — Элинор была возбуждена, и ее дыхание еще не восстановилось после танца. — Не правда ли, он восхитителен?

Амели не стала отрицать.

— Он так красив и умен! — продолжала восторгаться девушка. — Он спросил у меня, удобно ли мне в моих апартаментах. Весьма трогательная забота, не так ли?

Амели снова кивнула.

До конца бала оставался всего один танец. Армэль мог пригласить на него кого-то из девушек, прибывших во дворец только сегодня — это позволило бы сохранить зыбкое равновесие в конкурентной борьбе его невест. Судя по всему, именно так и советовал ему поступить герцог Ламанский — по крайней мере, когда принц направился к Констанс, на лице хозяина появилось неодобрение.

Да, принц снова пригласил принцессу Лабраденскую. Придворные зашептались. Кажется, на отборе появилась явная фаворитка.

— Вы думаете, это что-то значит, ваше высочество? — пискнула Элинор.

Амели не стала ее обманывать.

— Да, думаю, что значит.

Виконтесса разочарованно вздохнула:

— Жаль, если отбор закончится, так толком и не успев начаться. Мы только-только познакомились с принцем. Интересно, может ли он отменить следующие испытания, если уже сделал свой выбор, или они должны состояться в любом случае?

Амели улыбнулась. Еще несколько дней назад Элинор говорила, что участие в отборе не радует ее, а теперь сожалеет, что он вот-вот закончится. Впрочем, ее можно было понять. Шанс стать королевой выпадает не часто.

По завершении танцев баронесса Дюамель отозвала девушек в сторонку:

— Хочу сообщить вам, что завтра вечером состоится еще одно магическое испытание. Поверьте, это будет серьезный экзамен, требующий огромного количества энергии. Поэтому настоятельно советую вам хорошенько выспаться этой ночью, а весь завтрашний день провести в спокойствии и умиротворении. На испытании любая мелочь может стать решающей.

Бредя по коридорам после бала, Амели ощутила усталость. Новые туфельки натерли ноги, а чувство голода боролось с желанием хоть немного поспать.

— Как прошла дискотека? — полюбопытствовал Фернан, когда она переступила порог своих апартаментов.

Она швырнула в него одну из туфель.

— Что ты здесь делаешь так поздно? Это неприлично! А если бы я вернулась не одна?

Он ухмыльнулся:

— А с кем ты могла появиться здесь ночью? Разве что с принцем. Но на это ты сильно не

надейся — насколько я понял, нравы здесь весьма суровые. Сначала — свадьба, и только потом всё остальное. Кстати, туфельками как раз лучше бросаться в принцев, а не в секретарей. Сказки говорят, что именно таким образом золушки превращаются в принцесс.

Она не сдержала улыбку. Что бы она делала здесь без него?

— И я пришел не просто так. Нам есть что обсудить, ты не забыла? Мы должны придумать, как сделать так, чтобы принцесса завтра утром оказалась в карете этого милого старикана герцога де Тюренна. Надеюсь, он привез свои наряды в большом сундуке?

Амели без сил опустилась в кресло.

— Нам придется придумать другой план, Фернан. Герцог не сможет вывезти Вероник. Кареты гостей досматривают при выезде из дворца.

Маршан подошел к окну.

— Это сам герцог тебе сказал? А может, он просто струсил? Хотя, похоже, что нет. Ты только посмотри, какая пробка образовалась на выезде из резиденции.

Она встала и тоже подошла к окну.

Кареты выстроились в длинную вереницу, хвост которой был у самого дворцового крыльца. И каждая из них подолгу стояла у чугунных ворот, прежде чем те распахивались, чтобы выпустить очередного гостя.

— Мы не можем рисковать, — тихо сказала Амели. — Хорошо, что мы узнали об этом раньше, чем посадили девочку в карету герцога. Ты представляешь, что было бы, если бы стража обнаружила ее при досмотре?

— Думаю, нас всех, включая и старика-герцога, отправили бы в тюрьму. Кстати, с правами человека дела у них тут обстоят неважно. Адвоката нам точно не предоставят.

— Герцог считает, что девочке лучше пока остаться с Гретой и как можно быстрее научиться читать.

Фернан хохотнул:

— Легко ему говорить. Попробовал бы он учиться в холодном подвале, без букваря и настоящего учителя. Хотя, как ни грустно, он прав — ничего другого мы сейчас не придумаем. Эй, Эм, не грусти! Девочка уже выучила буквы, а если уж даже такой лентяй, как я, научился складывать их в слова, то и у нее получится.

Он развернул ее к себе, обнял, и она расплакалась, уткнувшись в его плечо.

Пришла Жюли, чтобы подготовить хозяйку ко сну, и Фернан удалился, пожелав им спокойной ночи.

— Ваше высочество, но вы же всё равно пойдете утром в погреб, чтобы поговорить с Гретой, да? — выдохнула Жюли после того, как Амели передала ей свой разговор с герцогом. — Я приготовила несколько сдобных булочек и немного конфет.

— Конечно, не волнуйся, — Амели пожала ее дрожащую руку и погрузилась в сон.

Жюли не спала всю ночь и отправилась отдыхать, только когда на рассвете разбудила хозяйку и убедилась, что та на самом деле проснулась.

До винного погреба Амели добралась спокойно — весь дворец еще спал, приходя в себя после шумной ночи. Даже стражники, которых она заметила в одном из коридоров, мирно похрапывали на посту.

— Ох, ваше высочество, я так боялась, что вы не придете! — Грета уже ждала ее у бочки, отмеченной знаком дракона. — Надеюсь, его светлость герцог де Тюренн согласился нам помочь?

Амели покачала головой.

— Дело не в герцоге. Сейчас из дворца не сможет выскользнуть даже мышь.

— Ох, нет! — простонала девушка. — У ее высочества сегодня ночью появился жар. Если она останется здесь, боюсь, ее состояние только ухудшится.

— Где она?

Судя по тому, что Грета без малейших возражений решила рассекретить их убежище, положение было критичным. Амели прошла вслед за девушкой сначала в одну неприметную невысокую дверь, потом — в другую. Узкие сырые коридоры сменяли друг друга. Наконец, они оказались в небольшом помещении, где было так темно, что Амели не сразу разглядела некое подобие кровати.

От противоположной стены отделилась высокая темная фигура.

— Натанэл к услугам вашего высочества.

Она поприветствовала мужчину кивком, который тот, впрочем, тоже вряд ли разглядел.

Маленькое щуплое тельце приподнялось с лежанки, и Грета метнулась туда.

Амели достала из кармана крохотный магический кристалл. В закутке стало чуть светлее. Она присела, чтобы оказаться поближе к девочке.

Из-под шерстяного капюшона, накинутого на лохматую детскую головку, глянули на нее огромные зеленые глаза.

24. Слабость ведьмы

— Ты кто? — спросила принцесса.

— Я — Амели, сестра твоего отца и подруга твоей мамы.

— Они умерли, и Вероник осталась одна, — грустно сообщила девочка и закашлялась.

Амели взяла принцессу за тонкую дрожащую руку.

— Ты не одна, Вероник, — она не назвала девочку ее королевским высочеством, посчитав, что в этой ситуации придворные церемонии ни к чему. — У тебя много друзей, которые пытаются тебе помочь.

Вероник кивнула с серьезным видом.

— Да, мадам, я знаю.

Напряжение оказалось слишком велико для нее, и она с тяжелым вздохом откинулась на солону. Дыхание стало прерывистым, а ручонка уже была мокрой от пота.

— Ах, ваше высочество, — всхлипнула Грета, — ей становится хуже. Не представляю, что с нею будет, если она проведет здесь еще хоть одну ночь. Мне даже кажется, что стоит обратиться за помощью к герцогу Ламанскому. Даже если он замешан в гибели ее родителей (ах, надеюсь, что это не так!), то может, он сжалится над маленьким ребенком. Я уже почти решилась отдать ему и «Подлинную историю Анагории» — если книга представляет для него опасность, он может уничтожить ее — Вероник еще не успела ее прочитать. Да, в таком случае мы никогда не узнаем правду, но разве жизнь принцессы не стоит этого?

Амели задумалась ненадолго, а потом согласилась:

— Думаю, ты права. Но давай сначала попробуем другой вариант — я перенесу девочку в мои апартаменты. Там тепло и уютно. Мы с Жюли будем поить ее теплым молоком и делать компрессы.

Грета захлопала, было, в ладоши, но радость быстро прошла.

— Ах, ваше высочество, но как же мы сможем провести Вероник к вам? В коридорах полно придворных, стражи и слуг.

— Я кое-что придумала, хоть и не уверена, что это получится. Пусть Натанэл донесет девочку до выхода из погребов, а дальше я попробую сама.

Для высокого сильного мужчины Вероник была легкой как пушинка, и Натанэл осторожно вынес девочку из каморки и зашагал между заполненных бутылками стеллажей.

— Тихо! — зашептала Грета. — Кажется, кто-то идет.

Они остановились, прислушались. Кто-то шел от дверей в их сторону. Натанэл передал ребенка Грете, а сам схватился за нож.

— Ох, и напугала ты меня, твое высочество!

Никогда еще Амели так не радовалась, услышав голос мужчины.

— Я, как положено верному рыцарю, пришел на рассвете, чтобы сопровождать свою принцессу, а оказалось, что ты предпочла пойти одна.

Впрочем, его негодование быстро прошло, стоило ему увидеть, в каком состоянии находится девочка. Но план Амели не вызвал у него одобрения.

— Допустим, мы не встретим никого на лестнице для прислуги. Но как ты думаешь пройти с принцессой мимо стражи в том крыле, где находятся твои апартаменты?

Она зашипела:

— Доверься мне!

Фернан взял Вероник на руки. Девочка металась в бреду. Амели отправила Грету и Натанэла обратно в укрытие, пообещав, что сообщит им о здоровье принцессы на следующий день, и двинулась к выходу.

— Я пойду по лестнице и по коридорам первой. Я заморожу каждого, кто попадетсся нам на пути. Нет, не волнуйся, это вполне безобидное заклинание — человек просто становится неподвижным на несколько минут, а потом уже не может вспомнить, что с ним произошло.

Фернан с сомнением хмыкнул, но спорить не стал.

Заклинание ей пришлось применить трижды — сначала в узком коридоре, где они едва не столкнулись с рыжим поваренком, направлявшимся в погреб с большой корзиной. Потом — на лестнице, где им навстречу попались две горничные-хохотушки. И еще раз — в широком коридоре, ведущем к комнатам гостей — там уже бодрствовала дворцовая стража.

Во всех трёх случаях шедшая первой Амели успевала заметить встречных прежде, чем те замечали ее. Это давало надежду на то, что принцессу никто из них так и не увидел.

И с каждым примененным заклинанием сил у Амели оставалось всё меньше и меньше. Она даже не сразу сумела отворить дверь в свои апартаменты. Закружилась голова, и во всём теле ощущалась такая слабость, что ей едва удалось переступить через порог.

Когда они ввалились в спальню, Жюли ахнула и бросилась к Фернану, чтобы помочь ему опустить девочку на кровать.

— Ваше высочество, принцессе плохо?

— У нее жар, — вместо Амели ответил Фернан. — Ее нужно переодеть, накормить и укрыть чем-нибудь теплым.

— Не беспокойтесь, сударь, я сделаю всё, что нужно. А вы пока сходите на кухню, пусть принесут горячей каши и молока. Ах, да, и потребуйте вина! Для согрева нет ничего лучше теплого вина!

Жюли осталась с принцессой в спальне, а Фернан вышел в гостиную к Амели.

— Ты тоже плохо себя чувствуешь? — испугался он.

Она из последних сил покачала головой:

— Нет, всё в порядке. Иди на кухню! Девочку нужно чем-то накормить.

Он вернулся через полчаса в сопровождении лакея с заставленным едой подносом. Слуга поставил поднос на столик у кресла, в котором сидела Амели, молча поклонился и бесшумно удалился.

Принесенные вместе с кашей и молоком булочки выглядели такими аппетитными, что Амели не удержалась, потянулась к ним. Но тут же рухнула обратно.

В тот же миг Фернан был подле нее.

— Тебе самой нужна помощь!

Она вздохнула:

— Этому не поможешь, Фернан. Заклинания забирают столько энергии, что после них трудно восстановиться. Я очень слабая ведьма. Ты разочарован?

Он посмотрел на нее с изумлением:

— Да ты лучшая ведьма на свете! Знала бы ты, как я тобой горжусь!

Он помог ей сесть поудобнее, налил в бокал немного вина, подал булочку.

— Тебе, как и принцессе, нужно поспать.

А она смогла прожевать только маленький кусочек. На большее просто не хватило сил.

Жюли унесла в спальню и кашу, и молоко. И через пятнадцать минут сообщила, что принцесса немного поела и уснула.

— Ах, ваше высочество, какое счастье, что вы смогли привести Вероник сюда! Страшно представить, что было бы с ней в холодном сыром погребе, — взгляд горничной заскользил по бледному лицу хозяйки. — Вот только как же вы сами пойдете сегодня на испытание?

Это был тот вопрос, который Амели задавала самой себе уже на протяжении многих минут. Ей было трудно даже пошевелить рукой. Что же было говорить о присутствии на обеде и, тем более, о прохождении экзамена?

Ее глаза наполнились слезами. Она не могла позволить себе проиграть! Не сейчас! И дело было вовсе не в принце. Если она не пройдет испытание, то участие в отборе невест для нее закончится. А значит, она должна будет покинуть дворец. Покинуть одна, без Вероник.

— Помогите мне встать! — потребовала она. — Мне нужно привести себя в порядок до обеда.

Жюли и Фернан подхватили ее под руки, но даже при такой помощи ее попытка подняться не увенчалась успехом. Комната закружилась у нее перед глазами.

— Ничего, — попробовала утешить ее Жюли. — До обеда еще есть время.

Амели попробовала взять с подноса недоеденную булочку, но та выпала у нее из рук. Она беспомощно посмотрела на Фернана, на лице которого не было и следа обычной насмешливости, и заплакала.

25. Бойтесь невест, дары приносящих

В столовую Амели пришла, когда остальные девушки уже сидели за столом. Присутствовал за обедом и незнакомый молодой маг, которого баронесса Дюамель представила как распорядителя предстоящего девушкам испытания.

— Это будет весьма серьезная проверка, — почтительно поклонившись, стал рассказывать маг. — После этого экзамена на отборе должны остаться только три невесты.

Девушки ахнули.

— Но зачем же так строго? — почти шепотом спросила Элинора. — Разве нельзя разрешить всем невестам дойти до финального испытания? И разве не правильнее позволить его высочеству самому сделать свой выбор? А он с нами еще так мало знаком.

С этим не стала спорить даже Моник, которая обычно воспринимала в штыки любое слово виконтессы.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой маг. — На это есть свои причины. Финальное испытание рассчитано только на троих. Думаю, столь серьезные ставки побудят вас приложить все усилия, чтобы достойно выдержать вечерний экзамен. Позвольте, я расскажу вам, в чём он будет заключаться. В дворцовом парке есть глубокий пруд. Каждая из вас будет опущена на дно пруда в стеклянном кубе с толстыми стенками. Вы должны будете магией разрушить этот куб и доплыть до берега.

— Доплыть? — возмутилась Констанс. — Но я не умею плавать!

— И я, — пискнула Элинора.

— Таковы правила, — развел руками маг. — Более того, магия самого пруда будет мешать вам применять ваши способности.

— А если мы не сможем разрушить куб? — голос Констанс задрожал от страха.

Маг поспешил ее успокоить:

— За испытанием будут наблюдать несколько опытных магов. Если вы подадите сигнал, они вытащат куб из воды. Но это будет означать, что экзамен вы провалили.

Еда, как обычно, и выглядела, и пахла восхитительно, но впервые за все время пребывания во дворце, Амели совсем не хотелось есть. Когда она отказалась от жареной утки и едва пригубила легкое вишневое вино, баронесса Дюамель забеспокоилась:

— Ваше высочество, вы плохо себя чувствуете? Вы так бледны сегодня.

— Ее высочество, должно быть, в ужасе от предстоящего экзамена? — хмыкнула Моник.

Но баронесса не нашла здесь повода для шуток. Она встала из-за стола и подошла к Амели.

— У вас явное переутомление! В таком состоянии участвовать в экзамене — безумие! Может быть, его можно перенести на другой день?

И она повернулась к магу. Но раньше распорядителя вмешалась в разговор графиня де Карильен.

— С какой стати? — возмутилась она. — Если ее высочество плохо себя чувствует, она может отказаться от участия в испытании и покинуть отбор. Кажется, правилами это не запрещено?

И маг с ней согласился:

— Мы не можем откладывать экзамен из-за плохого самочувствия одной из невест. До вечера еще есть время. Рекомендую вам, ваше высочество, после обеда прогуляться по саду. Там есть небольшой магический источник. Он скрыт от посторонних глаз, но его

энергия даже на расстоянии позволит вам восстановить свои силы.

— Вот как? — заинтересовалась Моник. — Тогда мы все должны пойти туда. А иначе это будет нечестно. Так герцогиня получит дополнительную энергию, которой все остальные будут лишены.

— Думаю, это разумно, — снова поклонился маг. — Любая из вас может выйти в сад и находиться там до самого испытания.

После обеда девушки разошлись по своим апартаментам, чтобы переодеться для прогулки.

Жюли встретила хозяйку с улыбкой.

— Ах, ваше высочество, жар у принцессы Вероник почти спал. Она снова покушала и снова уснула. Отдых пойдет ей на пользу. Она спрашивала про вас.

Амели вздохнула:

— А мне, Жюли, нечем вас порадовать. После вечернего испытания одна из невест должна будет покинуть дворец. И боюсь, это буду я.

Горничная всплеснула руками:

— Что вы такое говорите, ваше высочество? И думать так не смейте!

Спавший в кресле Фернан вмиг проснулся.

— Эй, твое высочество, ты, кажется, паникуешь? Честно говоря, я ничуть не расстроюсь, если ты не выиграешь этот дурацкий отбор, но ты же понимаешь, что уехать из дворца сейчас мы не можем? Бедный ребенок только-только стал приходить в себя!

Она возмущенно зашипела:

— Я это понимаю!

— Тогда кончай распускать нюни! Соберись! Может быть, есть какие-то заклинания для восстановления сил? Ты должна это знать! Кто из нас ведьма?

Она рассказала про сад с источником, и он потребовал, чтобы она немедленно отправлялась туда. Она едва успела накинуть на себя бархатный плащ.

В сад вышли все невесты. Элинор, едва завидев Амели, бросилась к ней.

— Ваше высочество, как мне жаль, что вы приболели! Надеюсь, прогулка по саду пойдет вам на пользу. Вы должны пройти сегодняшний экзамен!

Но Амели осознавала, как это сложно.

— Вы же понимаете, виконтесса, выиграть отбор сможет только одна невеста. Рано или поздно остальные должны будут сдать.

Глаза Элинор наполнились слезами:

— Я понимаю, ваше высочество, но это так грустно! Нет, не думайте, что мне так хочется стать женой принца, но мне становится обидно, когда я думаю, что ею может стать графиня де Карильен. Согласитесь, его высочество заслуживает гораздо лучшей жены. Она сильна, я не спорю, но она надменна и жестока. А королева Анагории должна быть другой!

Тут Элинор замолчала, потому что к ним подошла сама Моник.

— Неужели, виконтесса, вы, в самом деле, не умеете плавать? — полюбопытствовала она, сверля Элинор взглядом.

Та с грустным видом кивнула.

— Хотите, я покажу вам несколько движений? Разумеется, покажу не в воде, а на суше.

Элинон изумилась, но снова кивнула:

— Будьте так добры, ваше сиятельство.

Графиня подхватила ее под руку и повела на лужайку. Немало удивленная Амели осталась на скамейке.

— Странная перемена настроения у графини, вы не находите? — принцесса Лабраденская опустила на ту же скамью. — Такое дружелюбие со стороны ее сиятельства весьма подозрительно.

— Да, — согласилась Амели, — это странно. Но, может быть, она просто решила тщательнее прощупать соперницу.

— Возможно, — лучезарно улыбнулась Констанс. — Но с нашей стороны было бы неправильно осуждать ее только на основании наших подозрений. Не так ли? Может быть, она поняла, сколь невежлива была раньше? В конце концов, раз уж мы все здесь оказались, то должны быть любезны друг с другом.

— Вы совершенно правы, ваше высочество, — Амели одобрила ход ее мыслей, хотя и не была уверена, что всё это говорится от души.

— Не хотите ли полакомиться фруктами? — предложила Констанс, протягивая ей румяное яблоко. — Они здесь удивительно вкусны. А вам нужно восстанавливать силы.

Амели насторожилась. Мелькнула мысль отказаться, но если предложение было искренним, то ее отказ показался бы герцогине Лабраденской оскорбительным. Да и яблоко выглядело таким спелым и вкусным, что у нее, наконец, проснулся аппетит.

— Спасибо, ваше высочество, — поблагодарила она.

Она проглотила лишь кусочек и сразу почувствовала головокружение. Хорошо, что она сидела, потому что иначе не удержалась бы на ногах. Слабость была настолько явной, что не шла ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала утром.

Она выронила яблоко и, собрав остатки сил, посмотрела на Констанс — в огромных голубых глазах герцогини Лабраденской застыло любопытство.

26. По что пойдёшь — то и соберешь

Стало трудно дышать, и Амели вцепилась в спинку скамьи, на которой сидела. Зачем она вообще ввязалась в этот отбор? Жила бы спокойно в своем домике на Лазурном берегу, любовалась морем. Нет, захотелось приключений!

Интересно, кто-нибудь вообще поймет, что ее отравили? Вряд ли. Местные маги до сих пор не знают, кто убил Роланда. Станут ли они тратить свои драгоценные силы на расследование гибели одной из чужестранок? Они просто замуруют ее бездыханное тело в какой-нибудь пещере — пусть даже и с королевскими почестями.

Больше всего в этот миг ей хотелось оказаться рядом с Фернаном. Было обидно до слёз, что за всё это время она ни разу так и не сказала ему «спасибо» — хотя бы просто за то, что он был рядом.

Как ни странно, но через пару секунд туман в ее голове стал проясняться. Сознани пришло в норму, а сил хватило даже на то, чтобы вскочить со скамьи и отпрыгнуть как можно дальше от лабраденской принцессы.

С Констанс же, напротив, стало твориться что-то странное — теперь уже ее взгляд потух, и с прекрасного лица сбежал румянец. Еще мгновение она держалась на ногах, а потом рухнула на траву как подкошенная.

Амели громко вскрикнула, но приблизиться к сопернице не решилась. Да это и не требовалось — к той уже спешили и стража, и Моник с Элинор.

— Что случилось? — нервничал тот самый маг, который присутствовал на обеде. — Ваше высочество, вы можете объяснить?

Она покачала головой — она сама ничего не понимала.

— Мы сидели на скамье и разговаривали. Она угостила меня яблоком. А потом ей стало плохо, и она упала.

Моник была невозмутима, а вот Элинор расплакалась.

— Осторожно! — крикнул маг, когда один из стражников попытался поднять принцессу. — Прошу вас, осторожнее! Нужно отнести ее высочество во дворец. А я отправляюсь к его высочеству герцогу Ламанскому. И следует немедленно послать гонца к его светлости герцогу де Тюренну, — он посмотрел на девушек и сказал: — Прошу вас, отправляйтесь в свои апартаменты. Происшествие слишком серьезное, и до выяснения всех обстоятельств рекомендую воздержаться от прогулок по саду.

Амели заметила, что он осторожно подобрал с земли надкушенное яблоко. Ну, что же, по крайней мере, он внимателен к деталям.

До самого вечера она мерила шагами гостиную. Присаживалась на секунду на диван и тут же снова вскакивала.

— Эм, успокойся! — не выдержал Фернан. — У меня уже голова кругом идет от твоих перемещений. Радуйся, что легко отделалась.

— Но я не понимаю, что случилось! Я чувствую, что это связано с яблоком — оно было таким странным на вкус. И от одного его маленького кусочка мне стало так плохо!

— Глупая девчонка! — рассердился Маршан. — И зачем тебе вообще вздумалось принимать что-то из рук соперницы? Ты что, не понимаешь, с кем связалась? Да любая из них перегрызет тебе горло и не поморщится. Ставки на этом отборе слишком высоки.

Она оправдывалась:

— Но мы были у всех на виду. Уверена, за нами наблюдали и из дворца — не случайно же тот маг появился так быстро. К тому же, перед началом отбора нас предупредили, что мы не имеем права использовать свою магию, чтобы причинить вред другим участникам.

Фернан вздохнул:

— Какой же ты еще ребенок! Нельзя же быть настолько доверчивой. Ну, ладно, не хнычь! Всё обошлось. Только пообещай мне, что будешь осторожна. А еду, которую тебе приносят с кухни, сначала буду пробовать я.

Она не смогла не улыбнуться:

— А наши совместные с девушками обеды? Ты пойдешь на них вместе со мной?

Он подтвердил:

— Если понадобится, то пойду. Правда, не думаю, что эти обеды продолжатся. Ты не заметила — на ужин вас не пригласили.

Она заметила. И от этого расстроилась еще больше.

— А если они подумают, что это я пыталась ей навредить, а не наоборот? Если выяснится, что яблоко было отравлено, то все решат, что это не я, а она его надкусила! Ты понимаешь, к чему это приведет?

Фернан кивнул:

— Тебя назовут отравительницей. Но не паникуй раньше времени! Кажется, этот милый старикан де Тюренн говорил, что применение магии оставляет какой-то след, который может привести к ее владельцу. Надеюсь, это действительно так.

— А если это не магия? — простонала Амели. — Если это обычный яд?

Фернан ухватил ее за руку, заставил сесть на диван.

— Эм, если бы это был обычный яд, то на траве валялась бы ты, а не принцесса Констанс. Давай дождемся приезда герцога. Пока же меня гораздо больше волнует, что этим вечером нас вообще, кажется, не собираются кормить.

Но ужин им всё-таки принесли — жаркое, ягодный пирог, кувшин молока и небольшой графин с вином.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я волновался за себя? — спросил Фернан, делая изрядный глоток вина прямо из горлышка графина. — Не забывай — у нас есть ребенок.

Страх в сердце Амели уступил место стыду. И как она могла забыть про Вероник? Эгоистка, думающая только о себе!

— Да не волнуйся ты! Ей уже гораздо лучше. Во всяком случае, так говорит Жюли.

Они отправились в спальню с подносом. В гостиной оставили только вино.

Маленькая принцесса сидела в кровати с альбомом и кистью в руках.

— Добрый вечер, ваше высочество, — поприветствовал девочку Фернан. — Как вы себя чувствуете?

Вероник посмотрела на них внимательно, но на вопрос не ответила, а задала свой.

— Кто из вас владеет магией? Я чувствую сильную магию.

Амели подошла ко кровати, присела на перину.

— Здравствуй, Вероник! Я — Амели, ты помнишь?

Девочка кивнула с серьезным видом.

— Да, ты сестра моего папы. Я знаю про тебя — мне мама рассказывала. И я видела тебя в книге — на картинке. Почему ты не приезжала к нам раньше?

Амели сглотнула слёзы.

— Так получилось, милая. Но если бы я знала...

— Не плачь, — девочка протянула ей руку, и Амели схватил ее, поднесла к губам. — Мама говорила, что ты сильная и смелая. Ты тоже умеешь превращаться в дракона?

— Нет, к сожалению.

Маленькая принцесса нахмурилась:

— Да? А мне показалось...

— Ваше высочество, — сделал шаг вперед Фернан, — не желаете ли вкуснейшего пирога с ягодами?

— Пирога? — растерялась девочка. — Да, пожалуй. Спасибо, вы очень любезны.

Она съела кусочек пирога и выпила молоко.

— Грета говорила, я должна научиться читать. Теперь Жюли говорит то же самое. А у меня не получается, — и она виновато улыбнулась. — И вместо того, чтобы писать буквы, я рисую.

— Ничего, — Амели снова еле сдерживала слёзы, — ты непременно научишься и читать, и писать. А что ты рисуешь, милая?

Девочка пододвинула к ней альбом — на плотном белом листе над голубой полоской воды парили драконы.

Эту ночь Амели спала вместе с маленькой принцессой. Вероник часто вскрикивала, беспокойно металась по кровати, и тогда она прижимала к себе ее худенькое дрожащее тельце, и ощущая, как успокаивается девочка в ее объятиях, чувствовала себя почти счастливой. Вот ради чего вернулась она в Анагорию. Ради кого...

27. Спящая красавица

На следующий день традиционный обед невест всё-таки состоялся. Баронесса Дюамель, чуть покраснев, сказала:

— Милые девушки, поводов для беспокойства нет. Ее высочество принцесса Лабраденская в саду просто упала в обморок. Должно быть, сказалось волнение, которое вы все, я уверена, ощущаете. Она до сих пор плохо себя чувствует, поэтому будет вынуждена покинуть отбор.

— Ах, — воскликнула Элино́р, — как жаль!

А вот графиня де Карильен не сочла нужным следовать правилам хорошего тона.

— Глупости! — фыркнула она. — К чему это притворство? Мы все вчера боялись, что не пройдем испытание, а теперь необходимость в этом экзамене отпала, не так ли?

— Да, это так, — признала баронесса. — Поскольку вас осталось трое, вы все можете быть допущены к финальному испытанию.

— А значит, — продолжила свою мысль Моник, — каждая из нас должна быть довольна, что это не коснулось нас, как бы печально для бедняжки Констанс это ни звучало.

— Надеюсь, ей уже лучше? — пискнула Элино́р. — И мы сможем увидеть ее до отъезда?

Баронесса почему-то снова смутилась.

— Вряд ли это возможно. Состояние здоровья ее высочества пока не позволяет ей ни с кем встречаться.

Им снова разрешили гулять в саду и в парке. И Амели, надев плащ, решила выйти из дворца — постоянное нахождение в апартаментах могло показаться подозрительным. Предполагалось, что она всё еще ищет принцессу.

Именно в парке она и встретила с герцогом де Тюренном.

— Рад видеть ваше высочество в добром здравии, — поприветствовал ее старый маг. — Когда ночью ко мне прискакал гонец с известием, что одной из невест стало плохо, я не на шутку испугался за вас и за Элино́р.

Они не спеша брели по длинной аллее.

— Ваша светлость, вы должны объяснить мне, что происходит! Нам с девушками ничего не рассказывают. Баронесса сообщила только, что принцессе Лабраденской стало плохо, и она возвращается домой. Но я чувствую, что ей стало плохо не просто так! Это как-то связано с нашей прогулкой в саду. Может быть, вы сочтете меня сумасшедшей, но я почти уверена, ее плохое самочувствие — не случайность.

— Дитя мое, — герцог де Тюренн остановился и пристально посмотрел на Амели, — вы должны пообещать мне, что наш разговор останется в тайне.

— Разумеется, — она ощутила неприятный холодок внутри себя.

— Понимаете, ваше высочество, вчерашнее происшествие слишком серьезно и может стать причиной международного скандала. Впрочем, вы всё поймете сами. Но сначала расскажите мне, что случилось в саду перед тем, как принцессе стало плохо.

Об этом Амели могла рассказать, не задумываясь — она уже столько раз излагала эту историю и Фернану, и придворным магам.

— Мы разговаривали с Констанс, сидя на скамейке. Она угостила меня яблоком. Я посчитала невежливым отказаться. Я откусила небольшой кусочек. Вкус мне показался странным, и сразу же закружилась голова. Но это продолжалось всего несколько секунд. А потом плохо стало уже Констанс. Она упала. Думаю, остальное вы уже знаете.

— И как вы сами объясняете это происшествие? — старик по-прежнему не сводил с нее

взгляда.

Она поёжилась.

— Наверно, я не имею права так говорить, но всё-таки скажу — мне показалось, что принцесса хотела меня отравить.

Де Тюренн вздохнул:

— К сожалению, ваше высочество, вам не показалось. Принцесса Лабраденская, действительно, пыталась вам навредить.

— Вот как? — она поплотнее укуталась в плащ, но всё равно дрожала. — Но почему же плохо стало ей самой?

— Понимаете, дитя мое, когда я просил вас принять участие в отборе, я понимал, что это сопряжено с немалой опасностью. Мог ли я отправить вас во дворец без всякой защиты? Хотя, признаться, я не думал, что опасность может исходить именно от ваших соперниц. Словом, я наложил на вас заклятие магического отката. Любой, кто осмелился бы воздействовать на вас с помощью магии, сам получил бы тот урон, который пытался нанести вам. Бедняжка Констанс этого не знала.

Ей стало еще холоднее.

— Но если всё обстоит именно так, то значит, баронесса за обедом сказала нам неправду? Зачем?

— Поймите, дитя мое, — покачал головой герцог, — мы не можем обвинить дочь короля соседнего государства в попытке убийства. Тем более, когда она находится в таком состоянии и не может нам возразить. Быть может, она не хотела причинить вам серьезный вред, а всего лишь пыталась вывести вас из игры.

— Где она сейчас? И что с ней?

Вместо ответа старик взял ее за руку и повел ко крыльцу дворца. Они миновали несколько коридоров и подошли к апартаментам принцессы Лабраденской. Стража безропотно их впустила — до коронации принца Армэля именно де Тюренн правил Анагорией.

Они прошли в спальню — Констанс лежала на кровати — вытянутая в струнку, бледная, будто застывшая.

— Она умерла? — испугалась Амели.

Ненависти к сопернице уже не было.

— Нет, — успокоил ее герцог. — Она спит. Но это — мертвый сон. Она может пробить в нём и несколько дней, и много лет. Мы уже сообщили обо всём ее отцу. Ее увезут в Лабрадению.

Амели стало жутко.

— Но разве никто из магов не может вывести ее из этого состояния?

— К сожалению, нет. Она сама вложила в яблоко заклятие сна. Она понимала, что это сильное заклинание. Никто не знает, как его снять.

Амели почему-то вспомнилась сказка Шарля Перро.

— А в нашем мире в одной чудесной книжке принцессу от такого же сна спас принц — своим поцелуем.

Она не стала уточнять, что это книжка — для самых маленьких читателей. Но и без этого старый маг не воспринял ее слова всерьез. Он просто покачал головой:

— Дитя мое, если бы все проблемы решались так просто...

Они вышли в коридор, и герцог еще раз напомнил ей, что то, что она видела сейчас, должно остаться тайной.

— Конечно, мы расскажем обо всём его величеству королю Лабрадении — иначе он может обвинить нас, что мы в Анагории не обеспечили безопасность принцессы. Думаю, ему нелегко будет принять правду. Констанс — его единственная дочь. Не понимаю, как она могла решиться на такое. Я знаю ее уже пять лет — она казалась мне милой и доброй девушкой.

Старик был расстроен и обеспокоен, и Амели не решилась взвалить на его плечи еще и информацию о Вероник. Герцог должен был задержаться здесь, во дворце, до конца отбора, и она решила поговорить с ним чуть позже.

А вот от Фернана ничего скрывать не стала.

— Наверно, это то, что у нас называется летаргическим сном, — предположил он.

— Нет, это что-то другое. Понимаешь — она будто в лёд закована.

— Да уж, — мрачно усмехнулся он, — приятного мало. Но она сама виновата. Я рад, что старикан смог это предугадать. Как ты говоришь, это называется? Магический откат? Интересная штука. Хотя кое-что кажется мне странным. Герцог сказал, что всегда считал принцессу доброй девочкой? Как-то это не вяжется с тем, что она совершила.

Амели и самой казалось это странным. Да, на простушку Констанс похожа не была. Но и на злодейку тоже. Принцесса даже немножко нравилась ей.

— Думаю, ее высочество без памяти влюбилась в принца Армэля, — предположила она. — А любовь порой толкает человека на всякие безумства.

Фернан задумался.

— Ты говорила, что на балу принц оказывал ей явное предпочтение. Она — красавица, каких поискать. Дочь короля. Такой союз был выгоден Анагории. У нее были все основания полагать, что принц из всех невест выберет именно ее. Зачем же так рисковать, нападая на соперницу?

— На испытании в пруду выбор принца ничего не значил, — возразила Амели. — Констанс не умеет плавать — она сама сказала об этом. Возможно, она испугалась, что не пройдет через тот экзамен, и решила рискнуть.

— Но почему она предложила яблоко именно тебе?

Амели пожала плечами.

— Не знаю. Может быть, это случайность? Ей было всё равно, кто из нас заснёт. Ей было важно, чтобы на отборе остались только трое. Я не знаю, в чём заключается финальное испытание, но, наверно, на нём желание принца уже будет что-то значить.

— А не мог ей кто-то внушить эту мысль? — Фернан по-прежнему пребывал в задумчивости.

— Внушить? — сначала Амели хотела посмеяться над таким предположением. Но после нескольких минут размышлений стало уже не до смеха. — А знаешь, пожалуй, ты прав. Идем!

И устремилась к дверям.

— Эм, подожди! — Фернан последовал за ней. — Что ты хочешь сделать? Давай сначала обсудим! Ты можешь совершить ошибку!

Но ее было уже не удержать. Через десять минут они остановились перед входом в апартаменты другой участницы отбора.

— Доложите вашей хозяйке, что я хочу с ней поговорить! — велела Амели горничной.

Та почтительно поклонилась и отправилась выполнять указание.

28. Холодный ум, горячее сердце

Спустя пару минут их проводили в гостиную, где уже ждала их графиня де Карильен.

— Ваше высочество, — черные брови хозяйки удивленно взметнулись, — чем обязана такой чести?

Амели отказалась от предложенного кресла и осталась стоять. Фернан безмолвной тенью застыл у дверей.

— Ваш слуга сейчас сопровождает вас повсюду? — усмехнулась Моник.

— Это вполне объяснимо, учитывая то, что случилось в саду.

— В саду? — переспросила графиня. — А что случилось в саду? Принцессе стало плохо, и она упала в обморок. Бедняжка переволновалась. Что тут особенного? Только давайте не будем уверять друг друга, что нам жаль, что она покидает отбор. Мы все здесь сражаемся за принца, но победит-то только одна!

Моник улыбалась, но руки ее, лежавшие на подлокотниках кресла, едва заметно дрожали.

— А мне кажется, — негромко, но твердо сказала Амели, — что в саду случилось нечто совсем другое. И именно вы, ваше сиятельство, знаете об этом лучше, чем кто-то другой.

— Я? — подалась вперед Моник. — Право же, я вас не понимаю.

Уверенности в собственной правоте у Амели не было — одни предположения. И она немного поколебалась, прежде чем заговорить о том, что герцог просил держать в тайне.

— Ну, что же, я объясню. Вы были вчера в саду и сами видели, что мы разговаривали с принцессой в тот момент, когда ей стало плохо. А если еще точнее — ей стало плохо после того, как я откусила кусочек от яблока, которым она меня угостила. Странно, вы не находите?

Графиня усмехнулась:

— Если бы после того, как вы полакомились яблоком, стало плохо вам, ваше высочество, я согласилась бы, что это странно. Но плохо стало принцессе. Или между вами есть какая-то связь?

— Да, — подтвердила Амели, — есть. Видите ли, ваше сиятельство, перед тем, как я отправилась на отбор, маги наложили на меня заклятие магического отката. Надеюсь, вы слышали про такое? Мало ли на какие пакости могли решиться охочие до победы соперницы?

Она решила не впутывать в это дело де Тюренна и не назвала его имя. Как решила не говорить и о том, в каком состоянии находится сейчас Констанс.

Моник немного подумала.

— Вы хотите сказать, ваше высочество, что принцесса пострадала из-за того, что пыталась вам навредить? Сработало заклинание, и она оказалась повержена той стрелой, которую пыталась пустить в вас?

Амели похлопала в ладоши.

— Точнее и не скажешь, ваше сиятельство!

— Ну, что же, — не стала спорить графиня, — у меня нет причин вам не доверять. Вполне возможно, всё было именно так, как вы говорите. Но я по-прежнему не понимаю, при чём здесь я?

Амели всё-таки присела в соседнее кресло.

— Я думаю, ваше сиятельство, что именно вы подсказали принцессе эту идею.

— Идею навредить вам? — глаза Моник гневно сверкнули. — Да вы с ума сошли! Ничего более неправдоподобного я никогда не слышала! Если вы не перестанете распускать эти слухи, я пожалуюсь герцогу Ламанскому.

Амели и сама понимала, насколько шатки ее обвинения. Но была не намерена отступить.

— А вас не интересует, ваше сиятельство, как я пришла к таким выводам? Позвольте, я всё-таки расскажу. Первое, что мне показалось странным — ваш разговор с Элинон вчера в саду. Всё то время, что мы находимся во дворце, вы либо игнорировали виконтессу, либо высмеивали ее. С чего бы вдруг вы решили поддержать ее перед очередным испытанием? Возможно, вы просто хотели увести ее подальше — чтобы дать возможность Констансу пообщаться со мной наедине?

Графиня хмыкнула:

— Вы замечательно рассказываете, ваше высочество. Прошу вас, продолжайте!

— Второе, что меня насторожило — это безумство принцессы. Никак иначе то, что сделала она, и не назовешь. Она была явной фавориткой этого отбора. Думаю, если бы она дошла до финального испытания, принц Армэль выбрал бы ее.

— Вот именно, — подчеркнула Моник, — если бы дошла.

— Да, — согласилась Амели, — она могла испугаться испытания в пруду и пойти на этот поступок именно из страха. Но те, кто знает принцессу достаточно хорошо, говорят, что она не лишена доброты и благородства, что совсем не вяжется с тем, что она совершила. И я подумала — а может быть, нашелся кто-то, достаточно умный и расчетливый, кто подговорил ее применить магию против соперницы?

— И вы решили, что это я? — расхохоталась графиня. — Право же, вы мне льстите. Вы сами сказали — это слишком большой риск. Если бы кто-нибудь узнал об этом, меня бы тоже выгнали с отбора. И если бы я хотела избавиться от вас, зачем я стала бы впутывать в это Констанса?

Держалась она довольно уверенно.

— Вы хотели избавиться от нас обеих. Я, отведав яблока, погрузилась бы в сон, а маги по магическому следу обнаружили бы, что этому поспособствовала принцесса. А значит, ее бы тоже отстранили от отбора.

Теперь в ладоши похлопала графиня.

— Bravo, ваше высочество! Давно не слышала таких интересных историй. Но есть ли у вас что-то, кроме ваших предположений?

— Нет, — признала Амели. — Но в Анагории есть кристалл правды, который позволяет вывести обманщиков на чистую воду. Уверена, герцог Ламанский не откажется использовать его для вашей проверки.

Если графиня и напряглась, то внешне это было не заметно.

— Глупости, ваше высочество! Я знаю про этот кристалл. Но его использование отнимает слишком много магической энергии, что ослабляет защиту не только королевского дворца, но и целой страны. Герцог не согласится использовать его только из-за ваших бредовых идей. Хотя если всё-таки согласится, то, пожалуйста, я готова на это пойти — мне нечего скрывать.

Амели судорожно пыталась сообразить — следует ли признать поражение и, извинившись, ретироваться, или всё-таки сделать еще одну попытку? Проголосовала за второй вариант.

— Да, возможно, герцог Ламанский не слушает меня. Но уверена, отец Констанс, король Лабрадении, отнесется к моим словам с куда большим вниманием. Я расскажу ему то же самое, что рассказала вам, а уж он найдет способ настоять на использовании кристалла правды.

А вот теперь Моник побледнела.

— Ну, так что же, ваше сиятельство, поговорим откровенно здесь и сейчас или привлечем к этому других слушателей?

— Что вы хотите? — со злостью спросила графиня.

— Всего лишь правды. Обещаю, наш разговор останется между нами — если, разумеется, вы дадите мне слово, что больше не станете мне вредить.

— Слово? — рявкнула Моник. — Неужели вы готовы верить моему слову? Впрочем, какая разница? Вы хотите правду — извольте! Да, это я подговорила Констанс подсунуть вам заколдованное яблоко. Глупенькая, она даже не подумала про возможный магический откат. А я подумала! Вы правы — я не готова была рисковать. Знали бы вы, каких трудов стоило мне убедить ее применить магию. Она согласилась только после того, как я показала ей, что вы выходили из своих апартаментов ночью — несомненно, бегали на свидание к принцу. С кем еще вы рискнули бы встречаться во дворце? Она так расстроилась, бедняжка. Вот уж действительно, любовь лишает человека разума. Я убедила ее, что вы играете не по правилам, а значит, и она может тоже нарушить их.

— И вам было совсем не жаль ее?

— Жаль? — изумилась графиня. — А с чего бы мне ее жалеть? Она понравилась принцу с первого взгляда. Это трудно было не заметить. С того самого бала отбор стал простой формальностью. Но я не привыкла отступать! У Констанс с самого рождения было всё самое лучшее — наряды, кареты, поклонники. Она — законная дочь короля. А что было у меня, приبلуды? Мой отец отослал мою мать из дворца в провинцию, как только узнал, что она ждет ребенка. Я выросла в нищете, всеми презираемая. Мой отец не собирался признавать меня.

— Но как же так? — растерялась Амели. — Вы же участвуете сейчас в отборе как дочь короля Каринии? Значит, он всё-таки вас признал?

Моник горько рассмеялась.

— Я благодарна его величеству только за то, что получила от него магические способности. Со мной не занимались придворные маги, я училась всему сама. И я развила их до такой степени, что обо мне заговорили по всей Каринии. Вот тогда-то мой папочка и вспомнил обо мне — я оказалась самой способной из его детей, и он решил, что ему будет выгодно держать меня под присмотром. А к тому времени, как объявили отбор невест для принца Армэля, мои старшие сестры были уже замужем и не могли принять в нём участие. А папочке захотелось породниться с будущим королем Анагории. Тогда-то он и пожаловал мне титул графини. Сначала я хотела отказаться — взыграла гордость. А потом подумала, что это — единственный шанс стать не то, что принцессой, а королевой. Тогда уже те, кто презирал меня во дворце моего отца, не смогли бы смотреть на меня свысока. Впрочем, вам этого не понять!

На глазах графини появились слёзы, но она тут же встряхнула головой, отгоняя невеселые воспоминания.

— Да это и не важно! Важно лишь то, что я не намерена уступать вам победу. Ни вам, ни Констанс, ни этой жалкой виконтессе!

— Элинор вы тоже собирались устроить какую-нибудь гадость? — Амели задала этот вопрос, чтобы развеять уже проснувшуюся в ней жалость к сопернице.

И та ее не разочаровала:

— Элинор? Ха-ха! Да эта глупышка не стоит ни малейшего внимания! Ее пригласили на отбор лишь из уважения к ее дядюшке. Да, род де Тюреннов достаточно знатен и знаменит своей магией. Но ее отец был провинциальным дворянином без выдающихся способностей. У нее нет ни ума, ни красоты. Разве такой должна быть королева Анагории? Уверена, на балу принц Армэль танцевал с ней только из вежливости.

Хорошо, что виконтесса не слышала этих жестоких слов. Сама же Амели сосредоточилась на самых первых фразах графини.

— Надеюсь, что вы говорите правду. Я не советую вам причинять Элино́р зло. Я обещала вам, что этот разговор останется между нами, но в ответ надеюсь, что с этого времени наше соперничество станет честным, и вы перестанете играть не по правилам.

— Ну, что же, — Моник уже вполне пришла в себя, — так даже интереснее.

29. Загишь перед бурей

— Да уж, — восхитился Фернан, когда они вернулись в свои апартаменты, — графиня — та еще штучка! С ней нужно держать ухо востро.

— А может, как раз она и должна стать королевой Анагории? — невесело улыбнулась Амели. — Умная, хитрая, решительная — идеальный вариант.

— Ну, ты скажешь! — Маршан едва не расплескал вино, которое как раз наливал себе в бокал. — Надеюсь, ты не собираешься ни дружить, ни враждовать с ней? И еще — не вздумай одна появляться в ее апартаментах! Ты слышишь меня?

Амели хихикнула:

— А по какому праву ты раздаешь мне указания? Ты мне кто? Брат? Муж? Если ты хочешь, чтобы я тебя слушалась, ты должен, как минимум, на мне жениться!

Она пошутила, но почему-то оба они разом смутились после этих слов. Она прикусила язык, а Фернан залпом допил вино и, бросив: «Да где уж мне тягаться с принцем?», удалился.

Амели расплакалась. Нет, ну как она могла такое ляпнуть? А если он подумал, что она издевается? Ему и так нелегко во дворце. Он вынужден играть чужую роль. А каково это, когда окружающие считают тебя человеком второго сорта? Для здешней аристократии и магов он — всего лишь секретарь, на которого можно не обращать внимания. Вряд ли они даже знают его имя. Им это ни к чему.

Так, в расстроенных чувствах, она и пошла на ужин. Впрочем, у остальных претенденток на руку и сердце принца поводов для радости тоже было мало. Так что за столом они едва ли перебросились хоть десятком слов.

А вот после ужина Элинор, которая, как обычно, возвращалась в апартаменты вместе с Амели, разговорилась.

— Вы слышали, ваше высочество, что принцессу Констанс погрузили в мертвый сон? Говорят, любую, кто приблизится к принцу Армэлю, ждет то же самое.

Тоненький голосок виконтессы дрожал и срывался.

— Откуда вы это взяли, Элинор? — Амели резко остановилась и внимательно посмотрела на подругу. Ей мог рассказать об этом дядя, но тогда эта новость была бы подана совсем в другой интерпретации.

— Моя горничная услышала это на кухне от повара, которому рассказала обо всём камеристка самой принцессы. И я думаю, что так оно и есть. Констанс целый день не выходила из своих апартаментов.

Вот уж действительно — шила в мешке не утаишь! Наивно было предполагать, что никто из слуг, видевших сонную принцессу, не проболтается об этом.

— Но баронесса же сказала, что ее высочество больна, — напомнила Амели. — Так что вполне естественно, что она находится в постели.

— Ах, ваше высочество, косвенно эти слухи подтверждает и мой дядюшка. Я спросила его, что случилось с Констанс, а он так побледнел. Он сказал примерно то же, что и баронесса, но я поняла, что он врёт. Я знаю его столько лет и всегда чувствую, когда он говорит неправду.

Амели обняла испуганную девушку, и они пошли по коридору, тесно прижавшись друг к другу.

— Не поддавайтесь панике, Элинор! Если бы с Констанс случилось что-то серьезное, его светлость непременно рассказал бы вам.

Она надеялась, что ее слова прозвучали достаточно убедительно.

— Ах, ваше высочество, — вздохнула Элино́р, — королевский дворец пугает меня. Лучше бы принц Армэль выбрал тот дворец, что в пещерах. Там я знаю каждый уголок. И с тем дворцом связано столько приятных воспоминаний! Я впервые попала на бал, когда была еще совсем маленькой — тайком. Я пробралась на балкон бальной залы и оттуда смотрела на танцующих. Ах, как это было прекрасно!

Ее обычно бледные щечки порозовели, а на губах появилась столь редкая для нее улыбка. И Амели тоже улыбнулась. Она в детстве и не помышляла ни о каких балах. Она была уверена, что балы бывают только в сказках.

— Дамы были в роскошных платьях, а кавалеры — в мундирах. Играла красивая музыка. В самом центре зала кружился с какой-то девушкой принц Антуан. Тогда он еще не был королем. Не смейтесь, ваше высочество, но именно в тот день мне захотелось стать принцессой.

— Вполне понятное желание, — кивнула Амели. — Какая девочка не мечтает об этом? Кстати, Элино́р, а где сейчас Антуан?

Ей стало немного стыдно, что она не спросила у герцога, что стало с бывшим королем Анагории.

— Кажется, он на рудниках в Дальних пещерах, — прошептала виконтесса.

— На рудниках? — удивилась она. — Неужели, он работает?

— Работает? — от этой мысли Элино́р почти пришла в ужас. — Нет, конечно. Он отбывает там ссылку. В его распоряжении есть небольшой дом и несколько слуг. Ах, ваше высочество, мне кажется, это очень жестоко — сделать его затворником в пещерах.

Слезинка скатилась по щеке девушки. А Амели подумала, что если это и жестоко, то сам Антуан на протяжении многих лет поступал точно так же, удерживая в пещерах законного короля — только вот у того не было ни домика, ни слуг. Но вслух этого не сказала — ни к чему было еще больше расстраивать жалостливую Элино́р.

Откуда-то из-за поворота донесся шум — крики, топот. Это было так непривычно для обычно будто погруженного в сон дворца, что девушки испуганно переглянулись.

— Думаю, нам стоит выяснить, в чём дело, — сказала более решительная Амели.

И они направились по коридору в ту сторону. Первой, кого они увидели за поворотом, была Моник.

— Ваше сиятельство, что случилось?

Графиня была похожа на охотничью собаку — она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, вставала на носочки, стараясь рассмотреть что-то из-за спин столпившихся в проходе людей.

— Ах, вы еще не слышали? — воскликнула она. — Полчаса назад в сырной кладовой нашли самописную книгу! Кажется, она называется «Подлинная история Анагории». Думаю, вы знаете, какую ценность она представляет. Баронесса говорит, что в этой книге скрыты страшные тайны!

30. Самописная книга

Амели с Элинор вжались в стену коридора, когда мимо них в сопровождении стражи прошествовал молодой маг, торжественно державший в руках большую старинную книгу в украшенном изумрудами кожаном переплете.

— Неужели это она, та самая? — прошептала Моник. — Но если они нашли книгу, то, может быть, нашли и принцессу? Эта девчонка доставила всем столько хлопот!

Амели осадил ее строгим взглядом:

— Не забывайтесь, ваше сиятельство! Вы говорите о принцессе королевской крови!

Графиня хмыкнула:

— Ах, простите, ваше высочество!

Они разошлись по своим апартаментам. Амели послала Жюли за Фернаном, а когда он пришел, закрыла дверь в спальню, чтобы Вероник не услышала их разговор, и рассказала им о находке «Подлинной истории Анагории».

— Не может быть! — расстроилась Жюли. — Я думала, Грета надежно спрятала ее. Но что же теперь делать?

— А что мы можем сделать? — удивился Фернан. — Случилось то, что случилось. Насколько я понимаю, именно сейчас может многое проясниться. Герцог Ламанский или его сын прочитают записи в книге, и станет понятно, кто убил бывшего короля.

Жюли упрямо сдвинула брови:

— Прочитать-то они прочитают, сударь, вот только скажут ли правду нам?

Амели и сама была не уверена в этом. Даже если герцог Ламанский не виновен в гибели родителей Вероник, он может не сказать правду из политических соображений. Ведь если он узнает, что в убийстве замешан, к примеру, король Каринии, то это позволит склонить правителя соседней страны к подписанию более выгодного договора. Это пойдет на пользу Анагории, но не обеспечит безопасность Вероник.

— Может быть, нам попробовать снова выкрасть ее? — предложила Амели. — Вероник уже, хоть и медленно, но читает по слогам. К тому же, как говорит сама девочка, в книге есть и картинки. Возможно, этого хватит, чтобы раскрыть тайну.

— С ума сошла! — возмутился Фернан. — Ты представляешь себе, какая охрана выставлена сейчас у библиотеки? Ты не сможешь одновременно воздействовать на самых сильных боевых магов королевства.

Она понимала, что он прав. Но сама мысль о том, что противник (кем бы он ни был) может избавиться от книги, приводила ее в ужас.

— Давайждемся, пока книгу не прочтает герцог Ламанский. Думаю, он сам захочет ознакомиться с ней как можно быстрее.

Но Амели покачала головой:

— Герцог в отъезде. Вместе с де Тюренном они поехали в пещеры на источник и до сих пор еще не вернулись.

Маршан зевнул:

— Давайте спать, ваше высочество — утро вечера мудренее. Подумаем об этом на свежую голову.

Но поспать им в эту ночь не удалось. Едва Амели легла в кровать и убедилась, что малышка крепко заснула, как в коридоре раздались крики.

— Ох, ваше высочество, — в спальню заглянула тоже разбуженная шумом Жюли, — там

опять что-то случилось.

Амели быстро оделась и выбежала из апартаментов. Дежурившие неподалеку от дверей стражники устремились по коридору вместе с ней.

— Осторожнее, дамы и господа! — надрывался тот молодой маг, что однажды присутствовал на обеде невест. — Это может быть опасным.

— Что случилось? Что-то горит? Вы чувствуете, пахнет дымом? — вопросы неслись со всех сторон.

Амели почувствовала, как ее тело покрылось потом. Она догадывалась, где случился пожар — в библиотеке!

— Пропустите! — закричала она и ринулась вперед, расталкивая растерянных, испуганных людей.

— Ваше высочество, туда нельзя! — молодой маг бросился ей наперерез.

Но она уже повернула за угол. И тут же остановилась, замерев от страха и отчаяния. Из дверей дворцовой библиотеки вырывалось пламя.

После секундного оцепенения она побежала дальше. Если был хоть какой-то шанс спасти самописную книгу, она должна была использовать его.

И всё-таки через несколько мгновений она вынуждена была остановиться — кто-то схватил ее за руку. Она вздрогнула, повернула голову — рядом с ней стоял де Тюренн. Лицо старого мага было темным от копоти, а глаза лихорадочно блестели.

— Дитя мое, остановитесь! — воскликнул он и потянул ее в противоположную сторону.

— Но, ваша светлость, — она пробовала сопротивляться, но старик оказался на удивление силен, — это был наш последний шанс узнать правду.

— Позвольте, я отведу вас в ваши апартаменты, — настаивал герцог. — Вас все равно не пустят в библиотеку. Книга сгорела, а как только потушат огонь, маги приступят к следственным действиям.

Амели почувствовала такую слабость, что вынуждена была опереться на руку де Тюренна. Она даже не заметила, кто был в той толпе, через которую они пробирались.

Она разрыдалась, добравшись до своей гостиной. Герцог усадил ее в кресло и сам сел рядом.

— Жюли, принесите нюхательную соль и немного вина! — велел он горничной.

Амели приподняла голову, вытерла слёзы со щек и посмотрела на него с подозрением.

— Вы слишком спокойны, ваша светлость. Вы что-то скрываете от меня?

Он погладил ее по руке.

— И вовсе не скрываю. Я собирался всё вам рассказать, как только будет возможность. Но наша с его высочеством поездка в пещеры помешала сделать это вовремя.

— Это была не настоящая книга, да? — с надеждой спросила она.

Де Тюренн кивнул.

— Да, дитя мое! Эту копию заказал самому искусному мастеру Анагории его величество король Роланд. Он понимал, какой ценностью обладает настоящая книга, и хотел обезопасить ее. Но поменять книги он не успел. Я забрал копию у мастера уже после гибели короля и только несколько дней назад привез ее во дворец. Мой план был прост — я спрятал книгу так, чтобы ее непременно кто-нибудь нашел.

— Но зачем? — не поняла Амели.

Герцог пояснил:

— Я был уверен, что наш противник попытается что-нибудь сделать с книгой, и надеялся поймать его на месте преступления. Поймать его, к сожалению, и на этот раз не удалось, но зато он теперь думает, что уничтожил «Подлинную историю Анагории». А значит, принцесса Вероник для него уже не опасна, и он оставит девочку в покое.

Амели искренне обняла старика.

— Вы — настоящий мудрец, ваша светлость! Но как наш враг сумел пробраться в библиотеку? Ее охраняли лучшие маги.

Но на этот вопрос де Тюренин ответить не мог.

— Это будут выяснять наши сыщики. Надеюсь, преступник оставил какой-нибудь след. Судя по всему, он очень сильный маг.

Снова в кровать Амели легла только под утро — прежде потребовалось успокоить запаниковавшую Жюли и рассказать обо всём Фернану. Она старалась не шуметь, но Вероник всё-таки проснулась.

— Что там такое? — спросила девочка, сонно моргая.

— Всё в порядке, моя принцесса, — Амели поцеловала ее в бледную щечку.

— От тебя пахнет дымом, — сообщила Вероник, прижимаясь к ней худеньким тельцем, и вдруг попросила: — Расскажи мне сказку.

В детстве самой Амели сказок было мало. Жаклин некогда было баловать ими детей. И детских книжек Амели почти не читала — в доме Бушар таких не водилось.

— Расскажи! — повторила девочка.

Пришлось придумывать на ходу. Конечно, в этой сказке была прекрасная принцесса и отважный рыцарь-дракон.

На середине истории Амели уснула. И теперь уже Вероник сидела рядом и берегла ее сон.

31. Перед решающим экзаменом

За обедом баронесса Дюамель объявила, что финальное испытание состоится на следующий день. В чем оно будет заключаться, она сказать не пожелала (Амели не сомневалась, что та не знала и сама), посоветовала только тщательно к нему готовиться — вспомнить старые заклинания или выучить новые и не растрачивать магическую энергию.

— Возможно, вам придется сражаться друг с другом, — предположила баронесса.

Моник фыркнула — она была уверена в своих силах. А вот Амели возмутилась:

— Что за чушь! Его высочество не может быть столь жесток! Да, мы соперницы, но не враги.

Графиня де Карильен, судя по всему, думала по-другому.

— А почему бы и нет? — возразила она. — Анагории нужна сильная королева.

Когда Амели вернулась в апартаменты, там ее уже ждал герцог де Тюренн. Он тоже заговорил об испытании.

— Я пытался узнать, что за задание вам предстоит выполнить, но герцог Ламанский после происшествия с принцессой Констанс стал особенно скрытным. А с самим принцем Армэлем мне и вовсе не удалось поговорить. Так что простите, дитя мое, но я не смогу вам помочь.

Амели в ответ рассказала ему о предположении баронессы. Старик покачал головой:

— Не думаю, что она права. Герцог Ламанский вряд ли решится на подобное, ведь в отборе участвуют не простые невесты. Но на всякий случай нужно быть готовыми ко всему. Ах, дитя мое, я так волнуюсь за Элинор!

Он выглядел обеспокоенным.

— Можете быть уверены, ваша светлость, что я не стану действовать во вред вашей племяннице. Никакой титул не стоит того, чтобы ради него предавать друзей.

— Я знаю, дитя мое, знаю, — маг ласково ей улыбнулся.

Присутствовавший при беседе Фернан поспешил прервать эти сантименты:

— Вы бы лучше рассказали, ваша светлость, как продвигается расследование пожара в библиотеке. Удалось ли выйти на след преступника?

Но и по этому вопросу герцог не мог сказать ничего конкретного.

— До сих пор не понятно, как он мог попасть в библиотеку. Если же он действовал на расстоянии, то он — очень сильный маг. Единственное, что нам удалось установить, это то, что след магии, оставленный в библиотеке, очень похож на тот, что был на месте гибели их величеств.

— Тогда всё просто! — хлопнул в ладоши Фернан. — Нужно сопоставить с этим следом магию всех, кто находится во дворце. Сколько здесь сейчас гостей? Не больше сотни.

— Как вы себе это представляете, молодой человек? — возмутился де Тюренн. — На такую проверку уйдет много времени, и не факт, что она принесет результат. Магический след может различаться в зависимости от стихии, которая используется в том или ином заклинании. Выяснить, магией скольких стихий обладает тот или иной человек, почти невозможно. Преступник мог скрыть, к примеру, что он владеет магией огня или воздуха. И если при проверке он покажет нам магию воды, то след будет совсем другим.

— Полагаю, каждое государство должно завести реестр магов и ведьм, где должно быть указано, какими стихиями они владеют. А любое применение другой, не внесенной в реестр магии, должно наказываться по закону, — предложил Фернан.

— Весьма разумная мысль, — на сей раз похвалил его герцог. — Я изложу ее герцогу Ламанскому и принцу.

— Прошу вас, — вмешалась Амели, — давайте подумаем о Вероник. После итогового испытания мы вынуждены будем или показать принцессу принцу Армэлю, или вывезти девочку из дворца. К тому же, не следует забывать о Грете и Натанэле — им мы тоже должны помочь.

— Дитя мое, — сказал де Тюренн, — если вы станете королевой, решить эти вопросы будет гораздо проще.

Амели поморщилась — мысль о короне была ей почему-то неприятна.

Ночью она почти не спала — металась по кровати, вздрагивала от каждого шороха. Кошмары отступали, только когда она вспоминала, что у окна в кресле дремлет Фернан, готовый в любую минут броситься им с Вероник на помощь.

32. Неожиданность

К предстоящему испытанию их готовили совершенно по-особому — с самого утра апартаменты Амели наводнили горничные и портнихи. Спальню (во избежание случайного попадания непрошенных гостей) пришлось запереть на ключ. Прости, Вероник, но так надо!

Амели приняла ванну с ароматическими маслами («Для гладкости кожи, ваше высочество», — сообщила одна из служанок). Потом всё её тело натерли кремами с цветочным запахом. Молодой вертлявый куафер красиво уложил её волосы.

Всё это было так необычно, что доставляло не удовольствие, а беспокойство. Создавалось впечатление, что их готовят не к магическому экзамену, а к первой брачной ночи.

А когда принесли роскошное платье — пышное, из струящегося шелка благородного бронзового цвета, — то Амели и вовсе растерялась.

— Ожидается какое-то торжество? — спросила она у заглянувшей на минутку баронессы Дюамель.

Та защебетала:

— Ах, ваше высочество, вы же понимаете, какой сегодня день! Будущий король узнает свою невесту, а Анагория — свою королеву! И та из вас, которая удостоится этой чести, должна выглядеть подобающе. А поскольку мы не знаем, кто именно выигрывает отбор, вам всем следует быть готовыми. На последнем испытании будут гости, много гостей.

Гости? На магическом испытании? Рискованно.

Горничные, портнихи и парикмахер удалились, и Жюли выпустила из плена и принцессу, и развлекавшего её Фернана.

— Ого! — хмыкнул Маршан, разглядывая Амели со всех сторон. — Умелые руки даже из Золушки могут сделать принцессу.

Она запустила в него веером (ничего другого под рукой не оказалось!) — он поймал его на лету.

— Ну, это ты зря, — сказал он. — Веер, между прочим, штука полезная. Особенно в зале, где много народа. Можно стеснительно прикрыть им лицо, можно нагнать ветру, если станет жарко, а можно отбиваться от назойливых кавалеров.

Но несмотря на шутки, которые так и сыпались из него, Фернан был невесел. Они все, включая Вероник, были взволнованы, напряжены.

Когда раздался стук в дверь, Жюли с маленькой принцессой шмыгнули в спальню. Пришел один из младших магов, чтобы сообщить, что ее высочество принцессу Лангедокскую просят пожаловать в тронный зал.

Фернан отправился вместе с ней. Они не были уверены, что его пустят в сам зал, но стоявшая на входе стража не сделала попытки его остановить.

Народу в зале было уже много, и взоры всех присутствующих обратились на остановившуюся возле дверей Амели.

— Прошу вас, ваше высочество, пройдите к отведенному вам месту! — тихонько попросил ее распорядитель бала и указал на стоявшие на небольшом возвышении три величественных кресла.

В одном из них уже сидела Элинора.

Амели устроилась на соседнем и улыбнулась виконтессе. Та ответила вымученной улыбкой.

— Я так волнуюсь, ваше высочество! Я помню, я говорила вам, что не стремлюсь стать

королевой, но согласитесь, что проигрывать обидно. Особенно если мы проиграем графине. Моник безразлична судьба Анагории, она всего лишь хочет власти.

Амели прошептала в ответ:

— Будем надеяться, вы ошибаетесь.

Думать о графине де Карильен ей сейчас совсем не хотелось. Были гораздо более важные вопросы. Будет ли в зале тот, кто убил отца Вероник? И какую сторону он представляет? В том, что он находится во дворце, сомневаться уже не приходилось.

А если это кто-то из сторонников герцога Ламанского? Или даже сам герцог? От этих мыслей кругом шла голова, и Амели даже не заметила, как рядом появилась Моник.

— Я тоже рада вас приветствовать, — прошипела та, усаживаясь в третье кресло.

— Простите, — смутилась Амели, — я задумалась.

Графиня окинула ее насмешливым взглядом.

— Думать нужно было раньше, ваше высочество. Сейчас пришла пора действовать!

Распорядитель бала ударил жезлом о паркетный пол и объявил:

— Его высочество наследный принц Анагории Армэль! Его высочество герцог Ламанский!

Девушки встали с кресел и вместе с остальными дамами в зале поприветствовали хозяев глубокими реверансами.

Троны принца и герцога находились на гораздо более высоком постаменте. Когда Амели снова опустилась в свое кресло (только невестам было предоставлено право сидеть в присутствии будущего короля), монаршие особы тоже уже сидели. Герцог обводил взглядом зал, то и дело милостиво кивая гостям.

А вот принц сидел неподвижно. Он был привычно бледен и (как показалось Амели) испуган. Его лежавшие на подлокотниках руки заметно дрожали.

— Его высочество не похож на счастливого новобрачного, — едва слышно сказала Моник.

— Как вы можете так говорить, ваше сиятельство! — укорила ее виконтесса де Леруа. — Его высочество всего лишь старается вести себя так, как и должен в столь торжественный момент.

Уголки губ графини взмыли вверх.

— Не подхалимничайте, виконтесса! Его высочество вас все равно не слышат.

Элинор обиженно засопела, но Амели предпочла не вмешиваться в их пикировку. Тем более, что герцог Ламанский встал, и в зале установилась напряженная тишина.

— Уважаемые гости! Позвольте поблагодарить вас за то, что вы почтили своим присутствием наше торжество. Как вы знаете, именно сегодня Анагория узнает имя своей королевы. Мы долго думали, какое же испытание на отборе невест достойно стать его завершением. Первоначально предполагалось, что девушки должны будут продемонстрировать свою магическую силу и сразиться в честных поединках. Но такие бои показались нам чересчур опасными. Мы вовсе не хотим, чтобы столь милым девушкам был причинен хоть малейший вред. Все они достойно представляли свои королевства на отборе и заслуживают всяческого уважения.

Принц Армэль внезапно громко вздохнул. Амели почти не сомневалась, что в этот момент он подумал о принцессе Констанс. Трудно было не заметить его к ней расположения. И если речь шла не просто об увлечении, а о настоящем, сильном чувстве, то можно было себе представить, как нелегко ему было сейчас. Назвать невестой одну девушку, в то время как сердце рвется к другой, погруженной в мертвый магический сон, — что может быть ужасней?

Герцог Ламанский суровым взглядом осудил принца за такую меланхолию и продолжил свою речь:

— Всё это привело нас к следующей мысли. Мы не будем сегодня устраивать магических испытаний. Прошу прощения у тех, кто хотел присутствовать именно на таком экзамене. Но мы подумали, что для королевы умение владеть магией — лишь одно из необходимых качеств, которое все три девушки нам уже продемонстрировали. Для страны же не менее важным является взаимная приязнь королевской четы.

Ого! Амели насторожилась. Это что-то новенькое!

— Да, именно так! — подтвердил герцог Ламанский — его слова вызвали шепот и треволнения в зале, и он вынужден был повысить голос. — Поэтому мы решили, что сегодня мой сын, принц Армэль, должен сам выбрать себе супругу.

Элинор охнула, Моник хмыкнула, и Амели тоже не удержалась от изумленного вздоха.

— Поэтому сегодняшнее испытание будет заключаться в том, что каждая из невест обратится к его высочеству с речью, в которой постарается убедить его (а заодно и всех нас, да, да!), что именно она является той самой, единственной, которая нужна ему и всей Анагории. Мы специально не предупредили девушек о том, что им предстоит, чтобы их слова были не заранее подготовленными, а шли от сердца. Надеюсь, каждая из них найдет, что сказать моему сыну.

Элинор сразу погрузилась в задумчивость. По ее лицу было видно, как она мысленно складывает фразы для своей будущей речи.

А вот Моник встретила новость с неодобрением:

— Не понимаю, к чему этот фарс. Если делать выбор будет сам принц, то он наверняка уже всё решил, и наши слова ничего не изменят.

Амели охотно согласилась бы с нею, если бы в отборе всё еще принимала участие Констанс. Но ни к одной из трех оставшихся девушек принц явно не испытывал той приязни, о которой говорил его отец.

После слов герцога Армэль побледнел еще больше, хотя казалось это почти невозможно. Он так мало походил на человека, способного управлять страной, что Амели стало жаль Анагорию. Впрочем, всерьез подумать об этом ей не дали.

Распорядитель бала громко объявил:

— Ее высочество герцогиня Лангедокская!

Она поднялась, смутившись от пристального внимания и гостей, и хозяев. Ей предстояло обратиться к принцу первой!

33. Выбор

Она начала говорить и удивилась тому, как хрипло и неуверенно звучал ее голос. Микрофон бы точно не помешал.

— Ваши высочества, благодарю вас за возможность участвовать в столь почетном отборе. Само то, что вы дали мне шанс попытаться стать королевой Анагории — большая честь для меня.

Должна ли она также обратиться к гостям или можно не отвлекаться и разговаривать только с герцогом и принцем?

Ей почему-то вспомнилась церемония награждения премией «Оскар», которую она когда-то видела по телевизору. Там победители подолгу благодарили всех, кто был причастен к их успеху.

Она одернула себя — между этими ситуациями не было ничего общего. Она еще не стала победительницей. Да и корону трудно сравнить с банальной статуэткой.

Принц Армэль смотрел на нее с такими растерянностью и тоской, что ей снова стало жаль — только уже не Анагорию, а самого принца. Он был явно не готов править целой страной. Это можно было понять — его детство и юность отнюдь не располагали к такому повороту дел. Он был сыном обычного герцога и готовился проводить время на балах и охоте.

Принц вызывал у нее только жалость — не самое лучшее чувство для счастливого брака. Однажды она уже пыталась выйти замуж без любви, и ничего хорошего из этого не получилось. Но тогда хотя бы ее сердце было свободно.

Она отыскала взглядом Фернана в толпе.

Если она станет королевой, она вынуждена будет с ним расстаться. Он, наверно, вернется домой и, быть может, когда-нибудь напишет серию статей об Анагории. Статей, которые примут за рассказы в жанре фэнтези.

Стало невыносимо грустно, и она отвернулась.

Да и вообще — имеет ли она право становиться королевой? Она вспомнила испытание на кристалле, которое когда-то провалила. Невеста короля должна быть девственницей. Правда, Антуан готов был смириться с тем, что она не такова. Но принц Армэль может думать совсем по-другому.

Ей не хотелось ставить в неловкое положение ни его, ни себя.

— Ваше высочество, — обратилась она к герцогу Ламанскому, — вы сказали, что в своей речи мы должны убедить его высочество сделать правильный выбор. Надеюсь, вы не обидитесь, если я, еще раз поблагодарив вас за оказанное доверие, всё-таки откажусь от чести стать королевой.

Громкая волна охов и вздохов прокатилась по залу. Амели побоялась посмотреть в ту сторону, где стоял герцог де Тюренн — старый маг такого уж точно от нее не ожидал.

— Правильно ли я понял, ваше высочество, — нахмурился герцог Ламанский, — что вы отказываетесь от участия в отборе?

Она кивком подтвердила, что он понял ее правильно.

— Ну, что же, это ваше право! Я удивлен, но одновременно и восхищен вашим поступком — чтобы отказаться от возможной короны, нужно немалое мужество. Возможно, когда-нибудь вы будете об этом сожалеть.

— Возможно, ваше высочество, — согласилась она. — Но если позволите, я хотела бы обратиться к вам с просьбой. Я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы стать королевой Анагории, но я трепетно люблю эту страну и хотела бы просить у вас дозволения остаться здесь на какое-то время.

— Да, разумеется, ваше высочество! — заверил ее герцог. — И для этого вам не нужно мое дозволение. Вы — сестра его величества Роланда Седьмого, и Анагория — ваш дом, где вам всегда будут рады.

Она присела в реверансе, благодаря его за эти слова.

— Не сочтите за дерзость, ваше высочество, но я добавлю к этой просьбе еще одну, и связана она с ее высочеством Вероник. Не сомневаюсь, принцесса вскоре найдется, и когда это произойдет, позвольте мне взять на себя ее воспитание. К этому обязывает меня и родство с ее отцом, и дружба с ее матерью. Мы можем удалиться в ту резиденцию, которую вы нам определите. Мне важно лишь быть рядом с ее высочеством, пока она еще ребенок, служить ей поддержкой и опорой.

Она заметила, что глаза герцога Ламанского заблестели от набежавших слёз.

— Это благородная просьба, ваше высочество, — торжественно заявил он. — И я с радостью удовлетворю и ее. Думаю, девочка будет рада, если ее опекуном станете именно вы.

Амели вернулась на свое место под взглядами вельмож и магов. Кто-то смотрел на нее с удивлением, кто-то — с насмешкой. Наверняка, многие считали ее сумасшедшей. Но ей не было до этого никакого дела. Она уже успела заметить одобрение на лицах двух самых близких в этом зале ей людей — Фернана и старого мага. Этого было достаточно.

34. Две невесты принца

А с кресла уже поднялась Элино́р. Виконтесса была взволнована, и голос ее дрожал так же, как у Амели.

— Ваши высочества, я бы тоже хотела поблагодарить вас за то высокое доверие, которого вы меня удостоили. Я понимаю, что на этом отборе я — человек почти случайный. Я не имею отношения ни к одной королевской семье, но мой род достаточно древний и знатный, чтобы его высочество не считал брак со мной мезальянсом. И мое происхождение не является сомнительным.

Амели видела, как при этих словах гневно сжала кулачки графиня де Карильен, и подумала, что Элино́р зря разозлила Моник. Можно было бы обойтись без столь прозрачного намека на основной недостаток соперницы.

— И раз уж я должна сказать сейчас, почему его высочество должен выбрать именно меня, то мне хотелось бы напомнить, чем я отличаюсь от других невест на отборе. Я родилась и выросла в Анагории, и ради своей родины на многое готова. Я ничуть не хочу обидеть уважаемую графиню де Карильен, но согласитесь, есть немалая разница в нашем с ней отношении к Анагории. Ее сиятельство никогда не сможет полюбить эту страну так, как люблю ее я. Я знаю наш народ, наши обычаи, что может служить немалым подспорьем его высочеству. Без ложной скромности могу заявить, что на протяжении многих лет я самостоятельно практикуюсь в магии и уже добилась немалых результатов. И если его высочество остановит свой выбор на мне, то я постараюсь сделать так, чтобы он никогда не пожалел об этом.

Герцог Ламанский благосклонно кивнул. Принц выдавил из себя улыбку.

А вот Моник в течение всего выступления соперницы скептически кривила губы.

Вперед выступил герцог де Тюренн. Поклонившись хозяевам, он предложил:

— Может быть, ваши высочества пожелают задать девушкам какие-то вопросы?

Он тоже волновался, и Амели прекрасно понимала, почему. Его племянница могла стать королевой.

Принц покачал головой — вопросов у него не было. А может быть, он не решался их задать, боясь, что задрожит голос. А вот герцог Ламанский спросил:

— Ваша милость, магией каких стихий вы владеете?

Амели показалось, что виконтесса на мгновение задумалась.

— Магией воды, ваше высочество.

— Только одной? — хмыкнула графиня де Карильен. — И она хочет стать королевой?

Амели не симпатизировала Моник, но подумала, что на месте такого слабого принца, как Армэль, она бы выбрала именно ее. Да, у графини дурной характер, но она из тех, кто способен принимать решения и нести за них ответственность. У нее сильная магия и смелый характер. И хотя ей не свойственно благородство, уж такую-то малость королеве можно простить.

Герцог Ламанский взмахом руки позволил Элино́р вернуться на место. Теперь уже с кресла поднялась Моник.

— Мои соперницы уже сказали вашим высочествам слова благодарности, к которым я в полной мере присоединяюсь. А поскольку сейчас мы состязаемся только с виконтессой, позвольте мне остановиться на тех же вопросах, что и она.

Возражений со стороны герцога не последовало, и графиня продолжила:

— Я не буду говорить о своем происхождении — оно вам известно. Да, оно не столь безупречно, как у мадемуазель Элино́р, но зато во мне течет королевская кровь. Брак со мной даст его высочеству поддержку со стороны Каринии.

Это было весомым аргументом, и Моник знала это.

— Виконтесса сказала, что я, будучи рождена за пределами Анагории, не смогу полюбить эту страну так, как любит ее она. Но это неправда! На своей родине в детстве я испытала множество унижений, и если Анагория будет добра ко мне, я клянусь, что полюблю ее всем сердцем. Что же касается магии...

Тут графиня бросила такой взгляд в сторону виконтессы, что нетрудно было догадаться, что именно сейчас она нанесет свой основной удар.

— Я владею магией воздуха и магией земли. Виконтесса же сама признала, что владеет магией только одной стихии. Впрочем, в этом не было бы ничего страшного, если бы эта магия была развита у нее достаточно сильно. Но это не так! У мадемуазель Элинора — слабый дар, и сколько бы она не практиковалась, развить его невозможно.

— Нет! — возмущенно вскочила с места ле Леруа. — Ваше высочество, она не имеет права так говорить! Она пытается меня оболгать!

Герцог де Тюрэнн растерялся, а герцог Ламанский суровым взглядом пресек шум в зале и сказал, обращаясь к графине:

— Ваше сиятельство, вы не должны разбрасываться голословными обвинениями. Силу всех участниц отбора оценивали королевские маги. Виконтесса прошла испытание, так же, как и вы.

Моник усмехнулась:

— Простите, ваше высочество, но ваши маги недостаточно бдительны. На первом испытании они не заметили, что мадемуазель Элинора помогали.

Герцог Ламанский посмотрел на де Тюрэнна, но тот отрицательно покачал головой — не виновен!

Графиня поспешила уточнить:

— О нет, ваше высочество, виконтессе помогал не дядя, а другая участница отбора.

Моник не назвала ее имя, но Амели почувствовала дрожь во всем теле. Нет, она не боялась обвинений. Она уже не являлась претенденткой на руку и сердце принца, и даже если бы герцог Ламанский осудил ее поступок, вряд ли это пошло бы дальше простого порицания. Но ей было жаль Элинора. Хотя трудно было спорить с тем, что на сей раз графиня всего лишь сказала правду.

— Почему же вы не заявили об этом сразу же? — нахмурился герцог Ламанский. — Если бы мы узнали тогда, что у одной из участниц магия настолько слаба, то исключили бы ее из отбора.

— Простите, ваше высочество, — присела в реверансе Моник, — но я пожалела ее. Мне показалось неправильным быть доносчицей. К тому же, я думала, что королевские маги тоже почувствуют это.

А вот на сей раз она лгала. Она никому не сказала об этом не потому, что пожалела соперницу, а потому, что была заинтересована в том, чтобы эта слабая соперница осталась на отборе. Хотя мотивы ее поступка сейчас мало кого интересовали.

— Это не так, ваше высочество! — на Элинора было жалко смотреть. Лицо у нее было заплакано, а руки дрожали. — Велите ей замолчать, ваше высочество!

Герцог Ламанский задумался. А Моник торжествующе улыбалась.

35. Всплеск

Амели взглянула на принца. Именно его мнение сейчас могло сыграть важную роль. В самом деле, магия магией, но разве не должно быть между королем и королевой хотя бы обычной симпатии? Ну, должна же одна из невест нравиться ему чуточку больше. Но он явно не желал вмешиваться в происходящее. Наоборот, он как будто боялся, что его мнением поинтересуются.

А Моник продолжала наступать:

— Что может дать Анагории такая королева? Магический дар или есть, или нет. И если его нет, то любезная виконтесса должна поступить честно и тоже отказаться от участия в отборе. Это было бы благородно, разве не так?

Элинон выкрикнула:

— Вы лжете! У меня есть магический дар!

Герцог Ламанский вздохнул:

— Ваша милость, боюсь, если ее сиятельство сказала правду, мы будем вынуждены отстранить вас от отбора. Поверьте, я не имею ничего против вас, но я должен действовать в интересах Анагории.

— Она лжет! — снова и снова повторяла виконтесса.

Она нервничала, краснела и оттого становилась еще менее красивой. На что и не преминула обратить внимание Моник:

— Ваше высочество, — обратилась она к принцу, — неужели вам нужна такая жена? Она не способна контролировать себя. Она слаба. К тому же, уж простите, она совсем не красавица!

Говорить о внешности виконтессы было лишним. Элинон метнула на соперницу полный ненависти взгляд. А вслед за взглядом в ту же сторону понесся магический поток такой силы, что снес графиню с ног, прежде чем та успела выставить защиту.

Придворные в панике шарахнулись в стороны, оставив Моник лежать на полу у стены, о которую она ударилась.

Амели вскочила с места. Всё это было таким неожиданным, что даже королевские маги застыли в нерешительности, не зная, как положено действовать в такой ситуации.

Судя по всему, Моник недооценила соперницу. Похоже, магический дар у Элинон всё-таки был и весьма сильный. Но если это так, размышляла Амели, то зачем виконтессе потребовалась на испытании ее помощь? Неужели она была настолько не уверена в себе? Или сама не знала о своей силе?

В любом случае, сейчас Элинон поступила глупо — применив магию против соперницы, она сама дала той все карты в руки. Теперь герцог будет вынужден отстранить ее от участия в отборе. А значит, победительницей станет Моник.

Графиня уже оправилась от магического удара, с трудом поднялась, прислонилась к стене. Боевые маги встали между ней и Элинон, защищая ее от виконтессы.

Но куда хуже Моник выглядел герцог де Тюренн. Старому магу было так плохо, что более молодые маги вынуждены были подхватить его под руки. Можно было представить, что он чувствовал в этот момент. Его родная племянница нарушила правила поведения в королевском дворце. Ее поступок мог причинить вред не только сопернице, но и гостям, и самому принцу.

Теперь Элинон станет изгоем. Ее не будут принимать при дворе, и вряд ли кто-то из знатных особ захочет взять в жены столь неблагоразумную ведьму.

Герцог Ламанский подтвердил опасения Амели:

— Ваша милость, как мне не жаль, но я вынужден потребовать, чтобы вы покинули дворец.

— Но ваше высочество! — Элино́р пыталась протестовать. — Вы же видели, что она вынудила меня применить магию! Она сделала это специально! Да, я нарушила правила, но и она нарушила их — она солгала. Вы сами понимаете теперь, что я владею магией! И всё, что говорила ее сиятельство, она говорила исключительно для того, чтобы вывести меня из себя и заставить применить магию!

Ситуация была серьезной, и Амели вдруг подумала, что, может быть, правильным будет вовсе отменить отбор. Такой исход дела, пожалуй, обрадовал бы принца.

А герцог де Тюренн уже пришел в себя и выступил вперед. Его сжимавшие посох руки тряслись, и губы тоже дрожали. Амели никогда не видела его таким беспомощным.

— Ваше высочество, позвольте мне сказать! — у него и голос был странным. — Я вынужден просить вас отменить решение об изгнании виконтессы де Леруа из дворца.

Герцог Ламанский нахмурился:

— Ваша светлость, я могу понять ваше беспокойство за племянницу, но не кажется ли вам, что ваша просьба не соответствует вашему статусу?

Амели не думала, что он решится хлопотать за Элино́р, ей казалось, что интересы государства он ставит превыше всего. Нет, она не была разочарована, но не понимала, какой смысл в такой просьбе.

И тем неожиданнее прозвучали для нее слова старика:

— Я прошу вас, ваше высочество, арестовать мою племянницу виконтессу Элино́р де Леруа по подозрению в убийстве его величества короля Роланда и ее величества королевы Вирджинии!

36. Магический след

Амели охнула — так же, как и большинство присутствующих. Ей показалось, старый маг сошел с ума!

Но королевские маги окружили Элино́р раньше, чем герцог Ламанский успел хоть что-либо сказать. Похоже, им слова де Тюренна безумными не показались.

— Дядя, что вы такое говорите? — закричала виконтесса.

В ее взгляде был страх.

Герцог Ламанский долго смотрел на нее, потом снова повернулся к старому магу.

— Вы уверены, ваша светлость?

Де Тюренн покачал головой:

— Нет, ваше высочество. Но боюсь, что я не ошибаюсь. Я слишком долго пытался разгадать эту тайну. Я слишком тщательно изучал тот магический след, что остался на месте преступления. Я так хорошо запомнил остатки той магии в горах.

— Мне кажется, его светлость прав, — за спиной де Тюренна встал молодой маг, что был распорядителем на одном из магических испытаний. — Я могу назвать по меньшей мере пять общих признаков.

— Пять признаков? — вскипел герцог Ламанский. — И вы поняли это только сейчас? Разве вы не должны были обнаружить это во время первого же испытания?

Молодой маг покраснел, но ответил твердо:

— Простите, ваше высочество, но нам есть оправдание. Во-первых, на том испытании ее милость применяла не магию воздуха, как сейчас, а магию воды. А во-вторых, если ее сиятельство не ошиблась, и на испытании виконтессе помогали, то ее магия, соединившись с магией другой ведьмы, приобрела совсем другие свойства.

Амели стало дурно. Она еще не поверила в виновность Элино́р, но одна только мысль, что она невольно могла помогать убийце Вирджинии, привела ее в трепет.

— Они лгут, ваше высочество! — разрыдалась виконтесса. — Не знаю, с какой целью, но лгут. Уверена, это происки графини. Быть может, она владеет даром убеждения и сумела внушить это чудовищное обвинение моему дяде. Подумайте сами — зачем мне было убивать его величество?

На этот вопрос не могли ответить ни герцог де Тюренн, ни, тем более, молодой маг.

— Вот видите! — воскликнула Элино́р. — Они не знают! Неужели, вы думаете, что я стала бы нападать на короля Анагории безо всякой причины? Это ли не безумие?

Герцог Ламанский был в замешательстве:

— Ну, что же, ваша милость, я буду рад, если обвинения против вас окажутся безосновательными. А пока, простите, но вынужден отдать приказ о вашем задержании. Не беспокойтесь, вас будут содержать в условиях, которые соответствуют вашему положению. Мы постараемся провести расследование как можно быстрее.

— Задержание? — замотала головой Элино́р. — Расследование? Ах, ваше высочество, вас ввели в заблуждение! Еще полчаса назад вы были уверены, что моя магия слишком слаба, а сейчас думаете, что она настолько сильна, что ее хватило, чтобы напасть на королевскую карету, которую охраняли боевые маги!

Моник по-прежнему стояла у стены. Вряд ли она ожидала чего-то подобного, когда начинала свою речь.

Герцог Ламанский подал знак, и стража сделала шаг к Элино́р. Виконтесса попятилась.

— Нет, ваше высочество! Прошу вас, не слушайте их! Я, слабая женщина, взываю к вашему милосердию! Разве не должно быть столь серьезное обвинение основано хоть на каких-то фактах? Пусть они скажут, зачем мне было желать зла его величеству? Я была с ним едва знакома!

Придворные переглядывались — кто с ужасом, а кто с сочувствием. В маленькой худенькой виконтессе убийцу было трудно разглядеть.

— Возможно, ответ на этот вопрос даст книга? — знакомый голос заставил Амели вздрогнуть.

Фернан выступил из толпы.

— Книга? — переспросил герцог Ламанский.

— Да, — громко подтвердил Фернан. — «Подлинная история Анагории»!

— Но она уничтожена! — воскликнула Элино́р.

И именно в это мгновение Амели поняла, что та виновна. Виконтесса не сказала ничего, что обличало бы ее, но и ее голос, и взгляд сразу стали другими.

— О, нет, ваша милость, — улыбнулся Маршан. — Была уничтожена ее копия. А сейчас, если его высочество позволит, мы принесем оригинал.

Сердце Амели испуганно забилося. Она не была уверена, что Фернан поступает правильно, но когда-нибудь им всё равно пришлось бы это сделать, так почему бы не сейчас? Вот только о безопасности Греты и ее возлюбленного позаботиться было необходимо.

И она поспешила ввязаться в беседу:

— Только прежде, чем это произойдет, ваше высочество, я хотела бы получить подтверждение, что люди, которые помогли сберечь драгоценную книгу, не будут обвинены в ее краже, а напротив, получат вознаграждение, достойное их смелости.

Герцог Ламанский уточнил:

— Вы говорите о сбежавшей горничной? — и, получив утвердительный ответ, кивнул. — Если ее помыслы были чисты, и она вернет книгу в неприкосновенности, то, разумеется, мы отблагодарим ее.

Фернан выскользнул из зала. Амели едва удержалась, чтобы не последовать за ним. Ее терзали смутные сомнения. Если виконтесса и есть убийца Роланда и Вирджинии, то книгу стоит показать герцогу — ведь только он и принц смогут ее прочитать. А если Элино́р всё-таки не виновна?

Но и ждать, пока Вероник подрастет и научится читать, было опасным. Уже сегодня вечером, после завершения отбора, им пришлось бы рассказать герцогу Ламанскому о принцессе — чтобы получить возможность покинуть дворец вместе с ней.

В зале стояла напряженная тишина. Элино́р была испугана, но кто угодно на ее месте выглядел бы именно так. Моник тоже притихла. Чего уж говорить об остальных присутствующих? Все ожидали возвращения Фернана.

Амели понимала, что ему требуется время — чтобы отыскать Грету и убедить ее показать тайник, где спрятана книга. Сможет ли он это сделать? Если преступницей была Элино́р, то другого способа доказать ее вину просто не было.

— Ваше высочество, — подала голос виконтесса, — неужели вы не понимаете, что вас пытаются обмануть? Я уверена, что именно сейчас, когда я так необдуманно применила свою магию против графини, кто-то, кто является настоящим виновником гибели его величества, воспользовался ситуацией и вплел свою магию в мой магический поток.

Такая версия тоже могла оказаться правдой. Но даже герцог де Тюрэнн не спешил за нее ухватиться.

Гнетущая атмосфера сводила с ума, но никто не роптал.

Фернан вернулся через час. Он нес в руках толстую, украшенную изумрудами книгу.

По залу прошел дружный вздох — изумления, любопытства, тревоги.

37. Правда

Фернан поднес книгу к герцогу Ламанскому.

— Ваше высочество, надеюсь, вы сможете ее прочесть.

Герцог коснулся ее страниц не без трепета. Вся история Анагории лежала перед ним. История страны, с которой его семья так долго была разлучена.

Взгляды стоявших рядом магов тоже невольно обратились к книге. Но Амели знала, что они не смогут ничего там прочесть. Только тот, кто мог превращаться в дракона, был наделен способностью ее читать.

Герцог листал страницу за страницей. Сначала листал быстро, потом — всё медленней и медленней. Наконец, он застыл над очередным разворотом. Желваки напряженно заходили на его в остальном будто застывшем лице.

Наконец, он оторвал взгляд от книги, повернулся в сторону Элинон.

— Вы хотели, виконтесса, чтобы мы назвали причину, по которой вы могли желать зла его величеству? Ну, что же, извольте, теперь я могу это сделать.

Он смотрел на девушку со смесью горечи и презрения.

— Вы были влюблены в свергнутого короля Анагории Антуана Пятого, разве не так? И для того, чтобы помочь возлюбленному вернуться на престол, вы решились на убийство законного короля?

Амели похолодела от ужаса. Это было настолько невероятно и вместе с тем настолько же убедительно. И всё-таки она покачала головой, отказываясь этому верить.

— Он говорит правду, Эм! — раздался у нее над ухом голос Фернана.

Она почувствовала себя опустошенной. Столько времени находиться рядом с убийцей и не понять этого!

— Нет, ваше высочество! — Элинон не сдавалась. — В книге не может быть написано это!

Герцог Ламанский холодно возразил:

— Ну, что ж, виконтесса, если вам недостаточно моего слова, то я сейчас же отправлю в пещеры, в старый королевский дворец, своих лучших магов — уверен, в ваших апартаментах они найдут и другие доказательства — быть может, переписку с принцем.

А вот тут Элинон запаниковала. Похоже, переписка действительно существовала. И, в отличии от «Подлинной истории Анагории», прочесть эти письма мог не только дракон.

Почувствовав, что девушка занервничала, герцог прибавил еще строже:

— Если такие письма будут найдены, Антуан, так же, как и вы, будет обвинен в убийстве короля и королевы. Не удивлюсь, если именно он замыслил это преступление, воспользовавшись вашей молодостью и наивностью.

Это был удобный случай переложить часть своей вины на свергнутого короля, но Элинон не пожелала им воспользоваться. Напротив, она бросилась яростно его защищать.

— Его величество Антуан ни в чём не виноват! Не смейте впутывать его в эту историю! Если вы действительно прочитали всё, что написано в книге, то сами знаете, что он даже не догадывался о моем замысле.

Похоже, она любила его так сильно, что хотела оградить от любых обвинений. И признав свою вину, она уже не считала нужным что-либо скрывать.

— Да, ваше высочество, вы правы — я люблю его величество Антуана Пятого.

Она упрямо продолжала называть его королевским титулом, и герцог Ламанский не стал ее поправлять.

— Я влюбилась в него, еще когда была ребенком. Увидела его с балкона на балу и поняла, что он — самый лучший. Тогда я и подумать не могла, что когда-нибудь он обратит на меня внимание. Но однажды, спустя несколько лет, я была представлена ему при дворе, и он разговаривал со мной столь милостиво, что я полюбила его еще сильнее. Я знала, что он должен был жениться на ведьме из другого мира, но надеялась, что, быть может, она не прибудет в Анагорию. Такие случаи уже бывали. Тогда его величество стал бы искать другую невесту. Но она прибыла, и мои мечты разрушились.

Амели поежилась от враждебного взгляда, который бросила на нее виконтесса. А она, дурочка, еще жалела ее!

Она пыталась вспомнить, не видела ли она Элинор во время своего первого путешествия в Анагорию. Нет, лицо де Леруа было ей незнакомо. И герцог де Тюренн тогда ничего не рассказывал о своей племяннице.

Тогда Элинор была совсем юной девочкой. Первая любовь и разбитое сердце.

— Но я могла бы смириться с тем, что его женой стала другая. Для меня важнее всего было его счастье! Я продолжала бы верно служить и королю, и королеве. Но того, что его величество свергли с престола, я простить уже не смогла!

Она рассказывала, глотая слёзы, и ей не требовались ничьи вопросы, чтобы выложить эту историю целиком.

— Антуана обманом лишили власти и отправили в изгнание. Мое сердце разрывалось от жалости!

Тут не выдержал герцог Ламанский.

— Прошу вас, виконтесса, давайте будем честны — это предки Антуана обманом захватили власть, а его величество Роланд Седьмой всего лишь вернул себе то, что ему полагалось по закону. И это Антуан силой удерживал настоящего короля в заточении. Роланд же оказался настолько добр, что даже не отправил Антуана в тюрьму, на что имел полное право.

Глаза Элинор яростно сверкнули:

— Не смейте так говорить об Антуане! Он правил Анагорией мудро, и не вам его упрекать! С ним поступили несправедливо! Он не мог нести ответственность за ошибки своих предков!

— Да, разумеется, — признал герцог Ламанский. — Если бы он, став королем и узнав, что настоящий дракон заточен в пещере, дал тому свободу, его, уверен, наградили бы по-королевски. И вся Анагория была бы ему благодарна. Но он не захотел отказываться от власти, добытой когда-то незаконным путем. Как же, по-вашему, его величество Роланд Седьмой должен был с ним поступить?

Амели была уверена, что в глубине души Элинор всё прекрасно понимала, но любовь заставляла ее быть необъективной. Ради Антуана она готова была выступить против целого мира. Вопрос герцога она проигнорировала.

— И я решила бороться. Я много упражнялась в магии и достигла заметных успехов. Я никому не говорила об этом, даже дяде. Я надеялась удивить его величество, когда представится такая возможность. Я всего лишь хотела вернуть ему анагорийский трон. Он увидел бы, какой могущественной ведьмой я стала, и, возможно, полюбил бы меня так же сильно, как люблю его я.

— Но как вы решились на такое чудовищное преступление? — спросил молодой маг. — Ведь вы же знали его величество и его супругу, сидели с ними за одним столом, наверняка, не раз играли с маленькой принцессой.

Ни малейшего румянца не появилось на щеках виконтессы де Леруа. Она ответила холодно, уже безо всяких эмоций:

— Лес рубят, щепки летят — вы разве не знали? К тому же, я не видела, как они погибли. Я всего лишь запустила вихрь, который устроил камнепад. Я даже не была уверена, что камни попадут на карету.

Она почти ничем не рисковала. Вряд ли кто-то мог заподозрить убийцу в скромной молоденькой фрейлине, которая старалась быть незаметной.

— И всё-таки, виконтесса, — прервал ее речь герцог Ламанский, — я не могу понять, как убийство их величеств могло помочь вашему возлюбленному?

Амели заметила, как улыбнулась Элинон, когда Антуана назвали ее возлюбленным. Даже такая мелочь ей была приятна.

— Ну, как же, ваше высочество, — снова подал голос Фернан, — у Роланда Седьмого не осталось наследника мужского пола. Для сохранения независимости и отражения возможных нападков соседей Анагории нужен был мудрый и опытный правитель. Чтобы не допустить паники среди народа, многие придворные вспомнили бы об Антуане. Поскольку законных претендентов на престол не оставалось, то почему бы было не пригласить того, кто уже правил страной на протяжении стольких лет?

— Всё именно так и произошло бы! — с жаром подтвердила виконтесса. — Если бы...

— Если бы вдруг не появился герцог Ламанский, — эти слова сказал сам герцог и грустно улыбнулся.

— Да, ваше высочество, — прохрипел едва державшийся на ногах герцог де Тюренн, — о том, что существует вторая ветвь королевского рода, знали только самые близкие советники его величества. Сам я никогда не обсуждал дома этот вопрос.

Элинон наградила дядю отнюдь не родственным взглядом.

— Представляю, как вы расстроились, ваша милость, когда узнали, что есть законный наследник анагорийского трона, — покачал головой Фернан. — Но ваше стремление стать королевой было настолько велико, что вы придумали новый план. К тому же, вам повезло — принц тоже был не женат и искал себе невесту. А вам, похоже, было всё равно, за кого выходить замуж — за Антуана или за Армэля.

— Нет! — взвизгнула Элинон. — Вы не смеете так говорить! Я никогда не променяла бы его величество Антуана даже на десяток таких, как Армэль!

— Но, тем не менее, вы согласились участвовать в отборе, — напомнил герцог Ламанский. — А значит, всё-таки собирались стать королевой.

— Да, собиралась! — подтвердила виконтесса. — Но лишь для того, чтобы помочь Антуану вернуться на анагорийский трон.

Фернан хмыкнул:

— Думаю, ваше высочество, участь принца Армэля при такой жене была бы незавидной. Возможно, виконтесса дождалась бы рождения наследника и отправила бы супруга туда же, куда чуть раньше отправила Роланда Седьмого. А сама, став регентшей при малолетнем сыне, вернула бы возлюбленного из ссылки и назначила бы его первым министром. Или даже не постеснялась бы выйти замуж второй раз и разделить бразды правления с Антуаном.

Элинон не возразила ни словом. Похоже, она сожалела лишь о том, что этот план не сработал.

Амели не могла понять, что она сама испытывает к той, которую еще совсем недавно считала если и не подругой, то уж точно не врагом. Нет, ненависти не было. Жалость? Тоже нет. Но было ужасно обидно, что даже сильная магия не способна помочь отличить хорошего человека от плохого.

За невеселыми мыслями она не заметила движения Элинон. Взмах руки, и ледяная стрела полетела в сторону по-прежнему безучастно сидящего на троне принца.

Маги бросились в сторону виконтессы, но было слишком поздно, чтобы предотвратить удар. Элино́р рухнула, сраженная десятками устремленных в нее со всех сторон магических потоков, но это не остановило пущенную ее рукой стрелу.

Герцог Ламанский закричал.

Придворные в панике заметались по залу, и только Фернан бросился наперерез стреле, чтобы принять удар на себя.

38. Магия земли

— Да сделайте же что-нибудь! — кричал наконец сбросивший с себя дремоту принц. — Он же умирает!

Фернан лежал на полу, и по паркету вокруг него растекалась кровь.

Гостей в зале почти не осталось — они поспешили покинуть помещение. И хотя виновница гибели короля Роланда сама уже была мертва, дворец был охвачен ужасом.

Амели сидела рядом с Фернаном, не замечая, как пропитывалось его кровью ее платье. Она держала в своих руках его холодеющую руку. Слезы застилали глаза.

— Ваша светлость, — из-за слёз она не видела герцога де Тюренна, и повернулась в ту сторону, откуда доносился его голос, — почему ваши маги не лечат его?

Она рыдала.

— Дитя мое, — старик подошел, коснулся ее плеча, — к сожалению, маги здесь бессильны. Элинор использовала редкое заклинание — она будто пропитала ядом ту стрелу, что пустила в принца. И справиться с этим ядом может только ведьма, владеющая магией земли. Это старинное заклинание, я встречал его лишь однажды в древней книге. Я думал, о нём уже не знает никто, кроме меня.

Его голос дрогнул. Это заклинание его племянница прочитала в той самой книге, о которой он говорил. В его библиотеке. Он чувствовал свою вину.

Амели будто провалилась в туман. Она ничего не видела, ничего не понимала. Чувствовала только, как из любимого человека с каждой капелькой крови утекает жизнь.

— Ваше высочество! Ваше высочество! — она не сразу поняла, что герцог де Тюренн обращается к ней, и ему пришлось потрясти ее за плечи. — Вы — ведьма!

Она дернулась, готовая действовать. Но тут же снова сникла. Магия земли!

Она могла поджечь любой предмет в этом зале, могла заморозить любого присутствующего, могла стать невидимой. Она владела магией трех стихий, но той, единственной стихии, которая могла спасти Фернана, среди них не было.

— Я не владею магией земли, ваша светлость, — тихо сказала она.

— Я знаю, ваше высочество, я знаю! — старый маг говорил с надрывом. — Но хотя бы попробуйте! Магия огня и воды в вас проснулась тоже не сразу. Владеть четырьмя стихиями вы еще не можете, но, быть может, владеете тремя.

Она так и не рассказала ему, что умеет становиться невидимой. Он не знал, что она владеет магией воздуха.

Но говорить об этом сейчас не имело смысла.

— Ваше высочество, положите руки сюда — попытайтесь направить на рану всю свою силу. Я буду произносить заклинание, а вы повторяйте его за мной.

Она послушно повторяла. И чувствовала энергию, скопившуюся на кончиках пальцев. Вот только нужного эффекта это не давало. Кровь из раны Фернана по-прежнему текла.

— Сосредоточьтесь, ваше высочество, — требовал де Тюренн, — сосредоточьтесь!

Она снова заплакала — от бессилья. Она — паршивая ведьма, если не в состоянии помочь любимому человеку! Зачем вообще она вернулась в Анагорию?

Она вспомнила зеркальный зал. И то, как Фернан уговаривал ее взять его с собой. И как она позволила ему пройти через зеркало, зная, насколько опасным это может оказаться.

— Бесполезно, — признал очевидное молодой маг, стоявший неподалеку.

И Амели, и де Тюрени посмотрели на него с такой ненавистью, что он смутился, отошел в сторону.

На мгновение ей показалось, что энергия с ее ладоней потекла на рану, покрывая ее тонкой пленкой, пытаясь остановить кровь. Нет, всего лишь показалось.

— Эм, ты сможешь! — Фернан приоткрыл глаза, попытался улыбнуться. — Я знаю, ты сможешь!

Он тоже что-то почувствовал? Нет, конечно, нет. Он снова провалился в забытие.

— Расступитесь! Да дайте же мне пройти! — Амели услышала за спиной женский голос.

А через секунду рядом с ее рукой на рану Фернана легла рука Моник де Карильен.

— Надеюсь, вы не забыли, ваше высочество, что я-то как раз владею магией земли? Ах, да не смотрите на меня с таким удивлением! Злые ведьмы иногда тоже делают что-то хорошее.

39. Кто такой Фернан?

— Ну же, ваше высочество! — воскликнула графиня. — Не отнимайте руку! Я чувствую, как ваша магия соединяется с моей!

Она тоже почувствовала это? Но такого просто не могло быть! Амели слишком хорошо понимала, что у нее не может быть магии земли! Ведь это означало бы, что она — ведьма-полно стихийница! А такое возможно, только если...

Впрочем, думать об этом сейчас не стоило, и Амели сосредоточилась, пытаясь действовать в унисон с Моник.

— Кажется, ему лучше, — прошептал де Тюренн.

Амели боялась в это поверить. Но у Фернана, действительно, порозовели щеки, и стало ровным дыхание.

— Ну, что же вы стоите как истуканы? — вскричал герцог Ламанский, обращаясь к магам. — Он уже вне опасности! Нужно перенести его в мои апартаменты!

Маги засуетились, стараясь поднять раненого так, чтобы не причинить ему вреда.

— Что происходит, ваше высочество? — Амели была почти без сил, и голос ее звучал чуть слышно.

Герцог Ламанский посмотрел в ее сторону.

— Ах, простите, ваше высочество, наверно, я сначала должен был всё объяснить. Этот молодой человек — мой сын, принц Армэль.

Не только Амели, но и все присутствующие воззрились на него в немом изумлении. А потом так же дружно посмотрели на того, кого считали принцем еще минуту назад. Молодой человек, за руку и сердце которого бились невесты, устало улыбнулся и развел руками — дескать, да, не принц, извините.

Герцог Ламанский пояснил:

— А это — мой младший сын, Мирэль. Но, господа, обсуждать это сейчас не время. Я отвечу на ваши вопросы после того, как мой старший сын придет в себя.

Маги осторожно понесли принца в апартаменты герцога, следом за ними удалились и герцог с младшим принцем. Амели проводила их тревожным взглядом. Она чувствовала усталость и разочарование.

— Неужели, ваше высочество, вы, как и остальные, тоже об этом не знали? — спросила Моник. — Кажется, он был вашим секретарем, не так ли?

Ей не хотелось отвечать. Ей вообще не хотелось ни с кем разговаривать.

Она с трудом добралась до своих апартаментов. Хорошо, что Вероник уже спала. Она упала в кресло и зарыдала. Испуганная Жюли принесла воды и вина. Но ей не хотелось пить. Ей хотелось только дожидаться утра, поговорить с герцогом де Тюренном и получить у него разрешение на отъезд из Анагории (ведь именно он оставался правителем до тех пор, пока принц Армэль не будет коронован).

Думать о Фернанае как о принце было решительно невозможно. Как невозможно было и простить его за то, что он так долго скрывал от нее правду.

Она не сомневалась, что свое истинное имя он не называл исключительно из государственных интересов. Но от этого было не легче. Уж ей-то он мог бы доверять.

Она вспоминала, как они вместе с ним искали маленькую принцессу и волшебную книгу, и слезы потекли еще быстрее. Он смеялся над ней! А всего-то и нужно было — сказать, что он — тоже дракон, и что он тоже может прочитать «Подлинную историю Анагории»! Скольких невзгод тогда можно было бы избежать! И Вероник не пришлось бы столько времени прятаться в сыром подземелье.

— Что случилось, ваше высочество? — продолжала допытываться Жюли.

Медленно, всхлипывая через каждое слово, Амели всё-таки рассказала ей, что случилось в тронном зале.

— Значит, наш Фернан — это принц? — Жюли захлопала в ладоши от восторга. — Так что же вы плачете, ваше высочество? Ах, как замечательно всё получилось! Ведь он же любит вас, правда? Я давно это заметила, только не решалась сказать. Теперь вы с ним — ровня и можете пожениться. Ведь его брат, играя его роль, к счастью, так и не выбрал никого из невест, а значит, у Фернана нет никаких обязательств перед другой девушкой.

Амели позволила ей остаться в этом приятном заблуждении.

Жюли вернулась в спальню, к маленькой Вероник. А вот Амели заснуть так и не смогла. Она подумала, что герцогу де Тюренну тоже, наверняка, не спится, и отправилась к нему прямо ночью. Ее уже не волновали приличия.

Но, передвигаясь по коридорам, стражи она так и не встретила. Должно быть, все маги и охранники были сосредоточены у апартаментов герцога Ламанского. Ну, что же, это упрощало ее задачу.

— Да-да, входите, дитя мое, — услышала она хриплый голос герцога де Тюренна, едва постучавшись в его дверь.

Старик сидел на стуле у окна — сгорбившийся, одряхлевший. И руки его, сжимавшие волшебный посох, тряслись. И посох стучал по полу, и звук этот разносился по всей комнате.

— Садитесь, дитя мое, вот сюда, к камину. Вы тоже дрожите? Замерзли?

Амели устроилась на небольшом канапе.

— Сообщаю вам, ваше высочество, что я принял решение отказаться от должности главного королевского мага. Нет-нет, жалеть меня не нужно. Я — старый седой болван, не сумевший вычислить преступника в своей семье. Я мнил себя мудрецом, я думал, что правлю Анагорией грамотно и справедливо. А вырастил в своем доме змею. А знаете, что страшнее всего, ваше высочество? Что мне жаль мою бедную племянницу. Если бы она осталась жива, возможно, я пошел бы против совести и помог бы ей бежать от правосудия. Я воспитывал ее с младых лет, я помню ее совсем крохой. Мне проще думать, что всё дурное в ней — от мужа моей сестры, который был не очень хорошим человеком. У него не было магии, и наша семья была против, когда Жюстина решила выйти за него замуж. Но она не послушала нас и сбежала с ним. А он женился на ней из корысти и сразу после свадьбы стал требовать, чтобы наша семья похлопотала о должности при дворе для него. Впрочем, вам, должно быть, это всё не интересно.

Она покачала головой. Ему нужно было выговориться. А кому еще он мог поведать о том, что тяжким грузом лежало на сердце?

— Элинор пошла на преступление не из корысти, а из любви, — сказала она, не зная, будет ли ему от этого легче. — Наверно, она очень сильно любила Антуана, если стала убийцей ради него. Не знаю, способен ли он был бы ответить на такую любовь.

— Никакая цель не может оправдать такие средства, дитя мое, — прошептал старик. — Надеюсь, когда-нибудь малышка Вероник сумеет меня простить.

Амели вскочила.

— Но вы ни в чем не виноваты, ваша светлость! Разве только в том, что любили свою племянницу и не могли даже подумать, что она может быть в этом виновата.

— Я — маг, ваше высочество! — осудил он себя. — Я должен был почувствовать ее магию! Магию нашей семьи! А я, глупец, даже не знал, что она — сильная ведьма. Я даже вас просил помочь Элинор на отборе, потому что был уверен, что ее магия так слаба, что она провалит испытания. Могу ли я после этого оставаться главным магом Анагории? Нет, дитя мое, должно быть, я уже слишком стар. Но что-то я совсем заболтался, ваше высочество! Вы же тоже пришли ко мне не просто так?

Она кивнула.

— Я пришла просить у вас разрешение на отъезд из Анагории. Я могла бы попытаться вернуться домой и без этого документа, но кто знает, что может случиться на границе?

Старик внимательно посмотрел на нее.

— И отчего же вы бежите, дитя мое? Или правильнее спросить — от кого?

Она тряхнула головой. Она не хотела ничего объяснять. Было слишком тяжело говорить о Фернанае.

— Вы растеряны из-за того, что ваш секретарь оказался принцем? Но вы же не могли этого знать. К тому же, вы залечили его рану, и он должен быть вам благодарен. В любом случае, не разумнее ли дождаться, пока он придет в себя?

В отличие от Жюли, старый маг не заметил их взаимной симпатии. Хотя какая же она взаимная, если Фернан ее обманул?

— Нет, ваша светлость, — в ее голосе зазвучали металлические нотки, — я намерена уехать из Анагории уже утром. Надеюсь, вы не станете этому препятствовать.

— Но как же Вероник? — герцог нашел новый аргумент. — Разве вы не хотели остаться с ней?

Это было еще одним обстоятельством, что заставляло ее сомневаться. Но она не готова была показать де Тюренну свою неуверенность.

— Я собиралась остаться с принцессой, потому что думала, что ей грозит опасность. Но теперь, когда тайны раскрыты, я уверена, что герцог Ламанский сможет о ней позаботиться. Я позвала бы ее с собой, но вы же знаете — в нашем мире драконам не просто. Я не смогу обеспечить ей условия, достойные ее титула. Она — принцесса и имеет право жить во дворце. Прошу вас, ваша светлость, не отговаривайте меня! Просто выпишите пропуск для стражи на границе.

Он не стал возражать, хоть и тяжело вздохнул. Подошел к столу, заполнил необходимый документ, заверил его магической печатью.

— Я не стану отговаривать вас, ваше высочество. Но я прошу — подумайте хотя бы до утра! Однажды вы уже покидали Анагорию, зачем же совершать эту ошибку еще раз? Вы — тоже принцесса. И вы — сильная ведьма. Будете ли вы счастливы в мире, где магия — вне закона?

Она предпочла не отвечать на его вопросы. У нее не было на них ответа. Молча взяла бумагу, поцеловала герцога в морщинистую щеку и вышла из его кабинета.

Слёзы застилали глаза, и она едва понимала, куда идет.

Она не стала дожидаться утра. Надела дорожный костюм, взяла меховую накидку (в пещерах могло быть холодно!)

И Вероник, и Жюли крепко спали. И не проснулись даже тогда, когда она коснулась их дрожащей рукой. Быть может, она поступала неправильно, но поступить сейчас по-другому она не могла.

На конюшне она разбудила спавших конюхов и велела им оседлать коня. Можно было бы попросить заложить карету, но добраться до пещер верхом можно было быстрее.

Если слуги и удивились, то вида не подали — вряд ли они уже знали, что произошло вечером, но всем было известно, что отбор закончен, и невесты, которым не посчастливилось получить предложение, должны были покинуть дворец. К тому же, у нее была подписанная герцогом бумага.

— Я оседлаю вам Ветерка, — сказал молодой конюший. — Он сам знает дорогу до пещер. Не заблудитесь.

Она поблагодарила, а когда коня привели, вскочила в седло и медленно поехала к

воротам. Стража, потеряв бдительность, спала, утомившись после напряженного вечера накануне. На всякий случай Амели заморозила их и беспрепятственно выехала со двора.

Она не пустила коня в галоп, хоть и была хорошей наездницей. Сердце вдруг сковало отчаянной грустью. Отъехав на приличное расстояние, она остановила Ветерка и оглянулась.

Дворец в лучах только-только просыпающегося солнца был удивительно красив. Она помнила каждый день, проведенный здесь. Каждый день, проведенный с Фернаном. Его улыбки, шутки, взгляды.

Она взмахнула рукой, прогоняя воспоминания. Ее сердце рвалось назад, но прищипоренный Ветерок уже скакал по дороге, унося её прочь от дворца. Прощай, Фернан! И будь счастлив, любимый!

40. Разговор

Через пару часов устали и Амели, и ее конь. Перешли на шаг.

Дорога была пустынной, и им не встретилось ни одного путешественника. Под мерное цоканье копыт Амели задремала.

— Эм, постой!

Она подумала, что это сон. И даже не открыла глаза — чтобы он внезапно не закончился.

А потом испугалась. Может быть, Фернану стало плохо, и он зовет ее? Она не удивилась бы, услышав его голос даже через десятки лье. Будучи ведьмой, многое начинаешь воспринимать по-другому.

Но окрик повторился:

— Эм!

А когда заржал Ветерок, откликаясь на чье-то ржание за спиной, она, наконец, натянула узду.

Знакомый голос звучал уже совсем рядом.

— Эм, если ты не остановишься, то я упаду бездыханный прямо посреди дороги, и это будет на твоей совести!

Она обернулась. Скакун Фернана тяжело дышал, и сам принц тоже казался уставшим.

— Чем обязана такой чести, ваше высочество? — спросила она.

А сама с тревогой оглядывала его, надеясь, что рана его уже не беспокоит.

— Эм, ну зачем ты так? — он укоризненно покачал головой.

— Как «так»? — уточнила она. — Ведь вы же принц, ваше высочество? Или герцог Ламанский сказал неправду?

Лошади нервно переминались на месте, а всадник и всадница буравили друг друга взглядами.

— Да, я — принц, — не стал отрицать Фернан. — Но это ничего не меняет! Эм, я люблю тебя! И хотя я никогда тебе этого не говорил, я уверен, ты это знаешь.

— Ах, конечно! — она рассмеялась сквозь слёзы. — Как я могла об этом забыть? Ведь это ради меня ты отправился в Анагорию, не так ли? Исключительно из-за любви! А то, что заодно здесь подвернулись корона и анагорийский трон, так это так — пустяк, безделица.

— Послушай, Эм...

Но она не дала ему договорить.

— Если бы ты любил меня, ты бы не смог обманывать меня так долго! Ты мог бы сразу мне всё рассказать — как только мы оказались в Анагории! А я-то, дурочка, еще ругала себя, что втянула тебя в эту историю!

— Да выслушай же ты меня, наконец! — он направил коня прямо к ней. — Позволь мне всё тебе рассказать, а уже потом решай, хочешь ли ты вернуться домой.

— Не приближайся ко мне! — закричала она.

— Хорошо, хорошо, — он отъехал на несколько метров. — Давай развернем лошадей и просто поедem во дворец. Обещаю, я не буду препятствовать тебе, если ты всё-таки решишь уехать из Анагории. Но дай мне полчаса, чтобы попытаться всё исправить!

Его глаза горели лихорадочным огнем. Похоже, он всё еще чувствовал себя неважно.

— Ладно, — согласилась она, но тут же поставила условие: — только мы поедem в другую сторону. В сторону пещер.

Он тоже не стал спорить:

— Пусть так.

Они поехали рядом, почти касаясь друг друга.

Фернан начал свой рассказ:

— Я вырос в семье обычного герцога. Тогда никто и представить не мог, что король Анагории Антуан — самозванец. Конечно, я знал, что мы с братом — потомки анагорийских королей, но мы считались младшей, ни на что не претендующей ветвью. Мы жили в Лабрадении, где никому не было дела до нашего происхождения. Когда-то мой предок отказался от короны, не испытывая влечения к правлению страной. И я прекрасно его понимаю. Я тоже не хотел быть герцогом. Все эти балы и этикетки казались мне ужасно скучными. Я знал, что где-то далеко, за зеркалами есть другой мир. Мир, в котором нет королей и магии. Зато есть гигантские, похожие на драконов летательные аппараты. И я захотел этот мир посмотреть. Знала бы ты, каких трудов мне стоило пробраться в пещеры! Тогда в Анагорию отправился посол короля Лабрадении, и мне удалось затесаться в его свиту. Немало времени я потратил на поиск зеркальной пещеры. А потом — на подкуп стражи, которая ее охраняла. Заклинание, позволявшее проходить через зеркала, я знал с детства. В нашей семье его заставляли учить каждого ребенка.

Амели снизошла до улыбки.

— И как тебе понравился наш мир? Представляю, как долго тебе пришлось к нему приспособливаться.

От любопытства она, сама того не заметив, снова перешла на «ты».

— Я был в шоке! — подтвердил Фернан. — У меня было с собой немного драгоценных камней, и я смог продать их. Два года я провел в небольшой горной деревушке неподалеку от Эстена. Работал пастухом. Научился водить машину и пользоваться интернетом. Через интернет и нашел людей, которые оформили мне фальшивые документы.

— И тебе не хотелось вернуться домой? — удивилась Амели.

— Представь себе, нет! Я наслаждался свободой. Я стал писать статьи: сначала — для местных газет, потом — для центральных. Мне понравилось быть обычным человеком. К тому же, я с удивлением обнаружил, что магия действует и в вашем мире. Я не потерял способность превращаться в дракона — только, чтобы осуществить это и никого не напугать, мне приходилось забираться высоко в горы. А потом я купил мотоцикл и уехал на север.

Она задала вопрос, который со вчерашнего вечера не давал ей покоя:

— Когда мы встретились с тобой первый раз, ты уже знал, что я — ведьма?

— Нет, конечно, нет! — воскликнул он. — Но сейчас я думаю, что наша встреча была не случайной. Ведь ты тогда нуждалась во мне, правда?

Она вспомнила ту ночь, что провела одна на улицах Ниццы, и вздрогнула.

— Но ты же должен был почувствовать мою магию? — возмутилась она, но сама же признала: — Хотя, возможно, что и нет. Я тогда сама первый раз ее ощутила, и она, наверно, была еще слишком слаба.

— Наверно, так, — кивнул он. — Я видел в тебе не ведьму, а красивую девушку. Я не почувствовал ничего и тогда, когда, уже в Эстене, мы были вместе ночью.

И он, и она одновременно смутились.

— Ты не поверишь, но я в ту ночь решил, что я женюсь на тебе! Не как дракон на ведьме, а как обычный мужчина на обычной женщине. Я почувствовал, что влюблен, и это было прекрасно. Если бы я знал, что ты исчезнешь так внезапно, то ни за что не отпустил бы тебя. Я проснулся утром с твердым намерением тебя разыскать. Я отыскал твой дом, твою семью. Мне сказали, что ты уехала из Эстена — на собственную свадьбу. Я был разочарован и зол. Но что я мог поделать? Я тоже уехал и все эти годы пытался тебя забыть.

А она продолжала допрос:

— Почему ты решил вернуться в Анагорию? Ведь не случайно же ты снова оказался в Эстене в тот день, когда убили гонца?

— Да, не случайно. Я получил послание от отца. Он, не объясняя ничего, умолял меня вернуться. Не спрашивай, как я получил эту весть, ты всё равно не поверишь! Но драконы в чрезвычайных ситуациях могут вот так, мысленно, передавать друг другу сигнал опасности. Мог ли я отказать отцу? Я поехал в Эстен.

Амели хмыкнула:

— И снова встретил там меня! Но я только не могу понять, почему ты остался в Эстене на время следствия? Тебя же не посадили в тюрьму, ты мог свободно гулять по горам, а значит, мог добраться и до зеркальной пещеры.

— Эм, если ты подумаешь, то поймешь и сама. Я остался, чтобы встретиться с тобой! Когда мы с твоей подружкой одновременно оказались на тропинке, где лежал подстреленный гонец, я сразу понял, что он из Анагории, и насторожился. Я пытался вызвать «скорую» по телефону, но всё-таки услышал, как гонец сказал мадемуазель Легран о письме, которое она должна была передать Амели Лангедокской. И почему-то сразу подумал о тебе.

Амели вспомнила ту сцену в зеркальной пещере, когда он шантажировал их с Валери, и снова рассердилась.

— Какой же ты мерзавец! Ты уже тогда мог бы сказать мне правду!

— Какую правду? — возразил он. — Я не знал, зачем отец позвал меня домой. И понятия не имел, как ты сама связана с Анагорией.

— Допустим, — кивнула она. — Но когда мы добрались до дворца, где уже был герцог Ламанский, и ты узнал всю правду, что помешало тебе рассказать эту правду мне? Ты хоть понимаешь, что я просыпалась ночами в холодном поту от страха за нас с тобой и за Вероник? Я в каждом видеела врага, а ты молчал, хотя и знал, что легко можешь прочитать «Подлинную историю Анагории». Да если бы я знала, что ты — дракон, я сумела бы уговорить Грету отдать нам книгу.

— Прости, Эм! Тут я, действительно, виноват. Но я думал, так будет проще — расследовать это дело, будучи неприметным секретарем. На этом настаивал и отец, который боялся за мою безопасность. Он опасался, что на принца Армэля будет совершено покушение. Я знаю, ты подозревала и его в убийстве короля Роланда. Но мы-то с ним знали, что он не виноват. А настоящий преступник мог быть во дворце, среди гостей. И вычислить его, наблюдая со стороны, было проще.

— Но как же твой брат? Разве он не рисковал, играя твою роль?

— Да, рисковал. Но поначалу отец вовсе не хотел показывать придворным никакого принца, но на это пришлось пойти, когда начался отбор. О том, что я приехал в Анагорию, я сообщил отцу отнюдь не сразу. Может быть, если бы я сделал это в первый же день после приезда, Мирэлю не пришлось бы притворяться. Наверно, ты заметила — мой брат скромен и чурается общества. Для него эта игра была пыткой.

— Хорошо, я признаю, что у тебя могли быть причины, чтобы скрывать от других свое настоящее имя. Но зачем ты скрывал его от меня? Мне ты тоже не доверял?

Он смутился.

— Извини. Я видел, что не безразличен тебе, и всего лишь хотел посмотреть, не променяешь ли ты бедного журналиста на настоящего принца.

Она стукнула его по державшей поводья руке.

— Я ненавижу тебя!

Он виновато улыбнулся.

— В свое оправдание могу лишь сказать, что при первой же встрече с отцом я настоял, чтобы стражники и маги были предупреждены, что ты — особая гостья. Они не должны были мешать тебе в поисках принцессы, как не должны были причинять вред Грете и ее возлюбленному. Если бы мы нашли книгу чуть раньше, правда открылась бы уже давно, и Элинор смогли бы обезвредить.

— Она могла убить тебя! — прошептала Амели.

— Она целилась в Мирэля. Но я не мог допустить, чтобы он пострадал из-за меня. Но сейчас я даже рад, что всё решилось именно вчера. Ведь благодаря этому в тебе проснулась еще одна стихия.

Он посмотрел на нее весьма выразительно, и она почувствовала, что краснеет.

— Эм, я люблю тебя, и я надеюсь, что ты выйдешь за меня замуж, и мы покажем подданным образец настоящего супружеского счастья.

Она фыркнула. Она уже простила его и уже надеялась, что он ее поцелует. Что он и сделал с удовольствием через несколько секунд.

— Ты покажешь мне, как превращаешься в дракона? — тихонько спросила она.

— Конечно, — пообещал он, разворачивая и своего, и ее коня на сто восемьдесят градусов.

— И ты, правда, любишь меня всем сердцем? Или женитьбу на мне ты считаешь своим долгом, учитывая, что мы..., — она закашлялась, — мы были тогда вместе?

Он засмеялся:

— Глупенькая моя, ну, конечно, люблю. Представь себе — даже принцы иногда могут позволить себе жениться по любви. Хотя, не скрою, расчет здесь тоже есть. Ну, скажи мне, Эм, где еще я найду жену-полностихийницу?

И пустил лошадь вскачь, когда Амели попыталась применить к нему одно из своих заклинаний.

41. Помолвка

Помолвка будущих короля и королевы Анагории состоялась при большом скоплении гостей. И больше всех на этом празднике радовались отнюдь не жених и невеста (они-то как раз предпочли бы торжество в тесном семейном кругу), а герцог Ламанский и маленькая принцесса Вероник.

Девочка была одета в красивое пышное платье и на протяжении всей церемонии ни на шаг не отходила от Амели. А отец жениха принимал поздравления и не мог сдержать слёз радости. Он давно скучал по старшему сыну и теперь наслаждался каждым мгновением.

— Поздравляю вас, ваше высочество, — Жюли сумела протиснуться к Амели сквозь плотную толпу придворных. — Я так за вас рада! Надеюсь, вы не откажетесь посетить свадьбу Греты и Натанэля? Это будет такая честь для нас!

Амели заверила ее, что придет с удовольствием.

— Кто бы мог подумать, что охмурять нужно было не принца, а обычного секретаря? — насмешливо спросила графиня де Карильен. — Нет-нет, не обижайтесь, ваше высочество! Я искренне желаю вам счастья. Может быть, когда-нибудь и я встречу свою любовь?

— Непременно встретите, Моник! — ответила Амели и тепло обняла бывшую соперницу.

— Надеюсь, что это произойдет раньше, чем я стану старой и седой. Насколько я помню, именно после ночи любви в ведьме может проснуться еще одна стихия?

Амели залилась румянцем, а графиня рассмеялась:

— Не стоит так смущаться, ваше высочество! Мне рассказали об этом давным-давно! Кстати, на ваш праздник прибыл и мой отец. Он сказал, что гордится мной и хотел бы исправить те ошибки, которые когда-то совершил. Так что, возможно, я тоже обрету настоящую семью.

А вот тут покраснела сама Моник.

Среди собравшихся Амели, как ни старалась, не увидела Мирэля.

— Надеюсь, твой младший брат здоров?

Фернан (которого она никак не могла привыкнуть называть Армэлем) вздохнул:

— Он ушел сразу же, как объявили о помолвке. Не обижайся на него, у него есть свои причины для грусти. На наше торжество прибыл король Лабрадении, отец Констанс, и сегодня вечером он намерен увезти дочь на родину.

Погруженная в сон Констанс по-прежнему лежала в отведенных ей апартаментах. Королевские маги Анагории и Лабрадении испробовали все средства, чтобы пробудить ее, но принцесса ни на что не реагировала. Принц Мирэль каждый день приходил к дверям ее опочивальни и пытался разговаривать с ней. Внутри его не пускали — герцог Ламанский опасался, что он повредится рассудком и решится на отчаянный шаг, который только осложнит ситуацию.

— Сегодня отец разрешил ему увидеть Констанс. Думаю, он сейчас в ее комнате. Бедный братишка!

Амели сглотнула подступивший к горлу комок.

— Ему нужна твоя поддержка. Гостям, я думаю, совсем не до нас — они танцуют и веселятся.

Фернан взял ее за руку:

— Да, ты права. Мирэлю мы сейчас нужнее.

Свита лабраденского короля уже завершала приготовления к отъезду. Для спящей принцессы был приготовлен роскошный паланкин, в котором ее должны были доставить на родину.

Констанс еще лежала на кровати — прекрасная, как и прежде. А у кровати на коленях стоял Мирэль.

— Ваше высочество, нам пора, — напомнил король Лабрадени. — Прошу вас, отойдите в сторону.

Но младший принц не мог решиться отпустить руку любимой. Он плакал, орошая ее слезами. Стоявшие у кровати маги ждали сигнала короля.

— Ваше высочество! — чуть повысил голос отец Констанс.

— Прошу вас, ваше величество, позвольте мне поцеловать ее всего лишь раз, — поднял Мирэль залитое слезами лицо. — Всего лишь раз, на прощание. Не сочтите это за дерзость.

Король крикнул и отвернулся. А младший принц коснулся губами губ принцессы.

Придворные тоже тактично отвернулись. И потому первое движение Констанс заметил только принц.

— Ах, как же долго я спала! — сказала она и потянулась.

Король Лабрадени с криком бросился на голос дочери. А она уже приподнялась в кровати и улыбалась, озаряя всех своей красотой.

Фернан чмокнул Амели в ухо и прошептал:

— Похоже, наш отец сможет женить сразу двух сыновей.

Эпилог

— Вернэль, ты где? — в поисках внука Жаклин обошла уже весь сад своего роскошного поместья. — Вернэль, пора завтракать! Ну, только попадись мне, проказник!

Увидела тень на траве и подняла голову. Так и есть — он опять превратился в дракончика и теперь порхал над поляной словно большая бабочка.

— Бабушка, а хотите, я заставлю его спуститься? — пожалела ее принцесса Вероник.

И, не дожидаясь ответа, тоже превратилась в дракона.

Жаклин вздохнула. За те пять лет, что она провела в Анагории, она ко многому сумела привыкнуть. Даже к тому, что ее младший внук — дракон. Подумаешь, всякое бывает.

Накормив детей завтраком, она позволила себе расслабиться, опустившись в шезлонг под большим ветвистым каштаном.

Она приехала в Анагорию ненадолго — только чтобы побывать на свадьбе Амели. Потом задержалась на год до рождения внука. Потом решила, что глупо возвращаться домой, не побывав прежде в дружественных Лабрадении и Каринии. Получив титул герцогини, она впервые за свою наполненную трудом жизнь могла позволить себе не думать о хлебе насущном. И решение остаться в Анагории пришло само собой.

Она вела активную переписку со старшими детьми и надеялась, что когда-нибудь те тоже приедут к Амели в гости.

— Не желаете ли бокал вина, ваша светлость? — спросил неслышно подошедший мажордом Дидье.

Она окинула его оценивающим взглядом, мысленно одобряя и выправку, и мускулистую (это угадывалось даже под униформой!) фигуру. И кивнула. Да, она желает вина.

И не только вина!

Дидье отвернулся, чтобы наполнить бокал. Сзади он тоже был хорош!

Жаклин улыбнулась. Даже став тещей короля, она не готова была менять свои привычки!